

МИР-АЛИ КАШКАЙ

Расул
Агаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Мир-Али Кашкай прожил яркую жизнь, полностью отдав ее служению людям. Биография крупнейшего азербайджанского ученого не была гладкой. В ней отразились практически все главные изломы XX века, она наполнена большими человеческими радостями и огромными личными трагедиями. Но, несмотря ни на что, герой книги выстоял и оставил нам ценнейшее наследие.

Книга рассчитана на массового читателя.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Расим Агаев](#)
 -
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ИСТОКИ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЛЕНИНГРАД, УЛ. КАЛЯЕВА, 21](#)
 - [«КОГДА В ЛИСТАХ ВОСПОМИНАНЬЯ»](#)
 - [«ПИШИТЕ МНЕ В НОВО-СИБИРСК»](#)
 - [ГОРОД МИРОНЫЧА](#)
 - [ОДИН НА ОДИН С БОЛЬШИМ ХОСРОВЫМ](#)
 - [ВЫСТРЕЛ В СМОЛЬНОМ](#)
 - [ЗАЩИТА](#)
 - [«УЧЕННЫЕ НА РАЗВЕДКАХ»](#)
 - [ВАЛЬС-БОСТОН ДЛЯ МОЛОДОЖЕНОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГОДЫ ВОЙНЫ](#)

- [illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [INFO](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [comments](#)

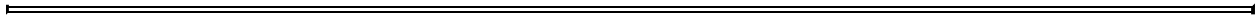
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
- [140](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1346

(1146)

Расим Агаев

МИР-АЛИ КАШКАЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Агаев Р. Г., 2008

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008

*Завершенность жизни — и краткой, и долгой —
определяется только целью, ради которой она прожита.*

Д. Джордан

*У ученого должна быть вторая жизнь. Та, что начинается
после смерти. Если она не получает своего продолжения, значит,
наступило забвение. Так что настоящее признание часто
приходит много позже. Свидетельств тому в истории — великое
множество. И связано признание с простым фактом —
насколько полезной была деятельность ученого для людей, для
народа, для его страны. И не надо путать официальные
торжества, юбилеи с народным признанием.*

Мир-Али Кашкай

ОТ АВТОРА

Замыслив написать книгу о знаменитом ученом-геологе, я понимал, что вторгаюсь в сферу, весьма далекую от моих основных занятий. Но, и как журналист и политолог в настоящем, и как партийный работник в прошлом, тесно связанный с научной средой, я хорошо знал ее выдающихся представителей, сыгравших огромную роль не только в эволюции геологической науки, но и азербайджанской нации в целом. По-разному складывались их судьбы, не все выдержали испытание временем, но лучшие из них оставили глубокий след в истории страны и народной памяти.

Эта книга — о Мир-Али Кашкае.

Полное его имя — Мир-Али Сеид-Али оглы.

Весьма редкую в Азербайджане фамилию Кашкай он выбрал для себя сам, что было, несомненно, судьбоносным решением.

Обозначив свое происхождение от древнего рода, славного своим свободолубием и просветительской деятельностью, молодой Кашкай как бы мысленно прочертил в пространстве своего будущего линию жизни, которой и следовал неукоснительно до последнего вздоха.

Разносторонне одаренный, обладающий крепкой памятью, твердым характером и сильной волей, он мог бы достичь крупных успехов и в музыкальном творчестве, и в филологии, и в истории. Но он выбрал геологию. И это было вторым его судьбоносным решением. Именно в геологии и раскрылся во всей полноте его талант ученого и подвижника-просветителя.

Самое главное, таким образом, он сделал в ранней юности — поставил перед собой задачу жизни и определил пути и средства ее решения. Все остальное будет лишь следствием этого.

На его жизнь, как и жизнь всего поколения, родившегося в начале века, выпадет немало испытаний: революция, Гражданская война, две мировые войны, волны сталинских репрессий и то, что порождалось тогдашними нравами: подметные письма и доносы, предательство и измены, зависть слабых и несправедливость сильных.

М. Кашкай сполна испытает на себе превратности жизни.

Едва ли не с самого рождения его будут преследовать потери — внезапная смерть отца, расстрел всей семьи. Погибнет мать, дядя, тяжело ранят братьев и его самого, уже в зрелом возрасте, он потеряет двух

дочерей...

Все это ему придется пережить, и при этом — не сломаться и не согнуться, ничего не забыть, и остаться таким же, каким его всегда знали: мягким, доброжелательным и участливым. И за всё в конечном счете заплатить своим сердцем.

При очевидном внешнем благополучии его жизнь полна глубокого внутреннего драматизма, особенно в последние годы.

Вдумчивый читатель, надеюсь, сможет через призму предложенного ему жизнеописания неординарной личности лучше понять минувшую эпоху, с ее разломами и потрясениями, и людей, живших в ней.

По характеру нелегкой работы, по увлеченности делом, по преданности своей профессии геологи чем-то напоминают исследователей космоса — та же одержимость идеями, те же признаки братства, не знающего ни национальных, ни возрастных границ. Не случайно назвал кто-то их, геологов, всемирным братством служителей Земли.

Герой моей книги был одним из ярких представителей этого братства.

Многие природные богатства сегодняшнего Азербайджана, как и сегодняшней России, найдены, разведаны и открыты на просторах СССР советскими геологами, в том числе и М. Кашкаем, жизненные дороги которого, как и его земляка Фармана Салманова, первооткрывателя тюменской нефти, тесно переплелись с Россией, Сибирью, выдающимися учеными-россиянами.

С его именем связано создание и становление национальной Академии наук. Им написано свыше шестисот научных работ, что само по себе говорит о масштабах его творческой активности.

Я пытался по возможности упростить изложение наиболее значительных работ ученого, чтобы читатель мог хотя бы в самом общем виде получить представление о важности и уникальности сделанных им открытий. Увы, у геологов, как, впрочем, и у представителей других естественно-научных дисциплин, довольно непростой язык...

И последнее. Многого из того, что читатель прочтет на этих страницах, не найти в официальной биографии ученого, хотя о нем в свое время было написано немало статей, брошюр, биографических исследований. О сибирской странице жизни М. Каткая я узнал, например, работая с его архивом.

Свою карьеру геолога он начал юношей на шахтах Донбасса, потом задолго до поколения первооткрывателей сибирской нефти колесил по горам Западной Сибири, Алтая, Северного Кавказа. К сожалению, об этой поре жизни, несомненно, сказавшейся на становлении и формировании его

личности, мало что сохранилось. Он не вел дневников, из которых можно было бы почерпнуть что-либо о его личной жизни, был весьма сдержан и скуп на подробности относительно себя и в своих многочисленных газетных и журнальных публикациях. Вот почему мне пришлось по крупицам собирать факты, опираться на воспоминания родных, друзей и коллег по совместной работе и в ряде случаев воссоздавать ту или иную коллизию чисто логическим путем. Этим объясняется и некоторая беллетризация текста, что, на мой взгляд, никак не искажает документальную основу повествования.

Я благодарю всех, кто помог в моей работе над книгой: родных и близких академика М. Кашкая, его коллег и учеников, чьи воспоминания и советы так или иначе нашли отражение в повествовании.

Не могу не выделить в этом довольно внушительном списке добровольных помощников и консультантов супругу ученого, Улдуз-ханум Кашкай, его племянницу, историка Солмаз-ханум Кашкай, старшую дочь Хабибу-ханум, чья помощь в изучении истории рода Кашкаев была бесценна.

С благодарностью называю и имена азербайджанских ученых: академиков М. Аббасова, А. Ализаде, Б. Будагова и других, без рассказов и работ которых об азербайджанской геологической науке, ее достижениях и выдающихся представителях моя работа была бы неполной.

Особую ценность с точки зрения познания нелегкого труда геологов имели для меня различные факты и эпизоды из воспоминаний советских геологов, посвященных выдающимся ученым А. Яншину и А. Трофимуку.

В книге использованы некоторые фрагменты из известного романа Сеида Курбана «Али и Нино» и менее известной широкому читателю повести Джегатая Шихзаманова «Братья», изданной в Германии. Их описания первых дней советской власти в Гяндже поражают многими достоверными деталями и наблюдениями, мимо которых прошли очень даже именитые историки и мемуаристы.

Май 2008 г.

Москва — Баку

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

...Сырым, дождливым днем поздней осени 1930 года профессор Франц Юльевич Левинсон-Лессинг, только что назначенный директором Ленинградского петрографического института Академии наук СССР, готовился принять в своем кабинете группу будущих аспирантов едва ли не из всех союзных республик. В ближайшие годы им предстояло занять командные высоты в формирующихся национальных подразделениях советской академии.

Это была первая попытка советской академической системы приступить к планомерной подготовке научных кадров на новой базовой основе.

Молодые люди большей частью плохо представляли себе оборотную сторону романтической, как казалось им, профессии, но этот состав из практических работников был, несомненно, интересен.

Для профессора, признанного лидера русской петрографической школы, каждая такая встреча рождала надежду на появление новых талантливых исследователей. Собеседования, помимо всего прочего, давали прекрасный шанс оценить реальные возможности нового пополнения и скорректировать, в случае необходимости, их будущую специализацию.

Естественно, что и мерка, которую он непроизвольно использовал в качестве оценки достоинств и недостатков визави, была высока, но вполне соответствовала его представлениям о том, кого он хотел бы видеть рядом с собой в качестве соратников, учеников и последователей.

Ему было с чем сравнивать — он сам прошел нелегкий путь «от и до»: в 27 лет получает степень магистра и становится едва ли не самым молодым приват-доцентом за всю историю Петербургского университета, а спустя десять лет доклад на VII Международном геологическом конгрессе «О химической классификации изверженных пород» приносит ему мировую известность. По рекомендации трех корифеев русской науки — А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского, под руководством которого он много лет проработал в комиссии по изучению естественных производительных сил России, избирается действительным членом Академии наук СССР.

Этот краткий послужной список сам по себе говорит о многом. Но было еще одно, безусловно, важное для него качество истинного ученого и,

соответственно, критерий оценки претендующих на это звание молодых людей. Он считал, что для постижения тайн мироздания нужен не только холодный рассудок исследователя, но и умение черпать новые идеи в мирах, рожденных воображением. Ученый, как художник и поэт, нуждается в полете фантазии, писал он в своей знаменитой статье «Роль фантазии в научном творчестве».

Столь неординарный взгляд знаменитого ученого на свою профессию чрезвычайно импонировал молодежи, особенно из студенческой среды, и в немалой степени способствовал притоку ее в те годы в геологическую науку.

Так что это всё, вместе взятое, было более чем убедительным аргументом в пользу его морального права говорить с будущими аспирантами как с людьми, сознательно выбравшими непростую профессию, касаться самого широкого спектра связанных с ней вопросов без снисхождения к их молодости и неопытности.

Впрочем, ожидавшие встречи с ним в кожаных креслах его обширной приемной, со стен которой на них высокомерно взирали великие апостолы всемирной геологии, уже понабрались опыта подобных бесед и были, видимо, вполне уверены в пробивной силе полученных в высоких республиканских кабинетах рекомендаций.

*

Прежде чем пригласить очередного кандидата в аспиранты, профессор прошелся по кабинету, отгоняя невеселые мысли от общения с предыдущими двумя посетителями.

Первый из них был металлургом с Урала и с первой же минуты поразил его своей самоуверенностью и категоричностью суждений. Он был убежден в том, что запасы руды там неисчерпаемы, и надо только «пробиться вниз, в самую земную твердь». «Буржуям нужно было лишь как можно быстрее получить прибыль, — поделился он своими марксистскими познаниями. — Поэтому они брали только то, что лежит на поверхности, под ногами. А мы прорвемся внутрь, к самому центру Земли. Там и уголь, и золото, и прочее!»

— Что ж, похвальное намерение, — перебив собеседника, скупой заметил профессор. — Но кто это — мы? Я лично туда не собираюсь. Вы? Но прежде чем прорываться внутрь, к центру Земли, может быть, следует для начала разобраться с тем, что пока еще лежит, как вы сказали, у вас под

ногами? Что, например, вы могли бы рассказать о месторождениях полезных ископаемых Екатеринбургского бассейна, простите, Свердловского?

Оговорка, несомненно, свидетельствовала о том, что мысли профессора витали в это время совсем в иной сфере и он был весьма раздражен.

Второй кандидат оказался бывшим шахтером с Украины, вовремя поменявшим штольню на кабинет парткома в Донецке. Партийной карьере он решил предпочесть научную, поскольку в решениях последнего съезда коммунистов Украины было обращено внимание на недостаточное количество научных кадров с рабочей «косточкой». Теперь бывший шахтер и секретарь парткома намеревался обобщить опыт партийного руководства геологическими экспедициями и вообще научным поиском.

На этот раз профессор лишь рассеянно покивал седой головой, терпеливо выслушав собеседника.

— Полагаю, что это как раз то, чем мы с вами и занимаемся сейчас, если иметь в виду кадры с рабочей «косточкой», — сказал он, глядя поверх головы бывшего парторга. — О партийном же руководстве геологическими экспедициями я, признаюсь, не очень осведомлен, возможно, потому, что его не было, когда я участвовал в экспедициях. Объясните мне, пожалуйста, что имеется в виду конкретно?

— Товарищ Сталин указывал, что интеллигенцию из рабочего класса надо формировать... — начал было бывший парторг, но профессор, жестом руки остановив его, укоризненно заметил:

— Ну, что же вы так? Не формировать, а рекрутировать! Вот какое точное и энергичное слово у товарища Сталина. Рекрутировать «из практических работников наших предприятий, из квалифицированных рабочих, из культурных сил рабочего класса на заводе, на фабрике, в шахте». Товарища Сталина, уважаемый коллега, надо всегда цитировать очень точно...

Потом профессор недолго постоял у открытого окна, с удовольствием подышал свежим воздухом и, взглянув на облака, нависшие над Петропавловской крепостью, подумал, наверное, о том, что в ближайшие дни вряд ли стоит ждать солнечной погоды. В прямом и переносном смысле.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг не то чтобы был против широкого привлечения в научные лаборатории рабоче-крестьянской прослойки. Ему импонировала устремленность советской власти, энергично добивавшейся поставленных целей. И все же в глубине души он полагал, что склонность к

теоретическому анализу является врожденной способностью, Божьим даром, как голос или музыкальный слух. И с этой точки зрения ему претила массовость в подготовке научных кадров. Большой эффект, несомненно, даст тщательно отобранный человеческий материал, изначально пригодный к научно-исследовательской работе. Что толку мучиться с безголосым певцом, шлифуя обычные голосовые связки? Впрочем, масштабные задачи социалистической экономики требуют мобилизации всех ресурсов. И, может быть, Киров не так уж и не прав в своих требованиях к Академии наук СССР обеспечить в кратчайшие сроки начатые стройки первой пятилетки высококвалифицированными специалистами.

Стране Советов нужны свои специалисты, нужны уголь, нефть, золото, руда. Много чего нужно... Кадры — любимый конек партийного вождя. Научного видения решения этого вопроса у него, разумеется, нет. Зато в наличии, и преогромном, большевистский напор. В любом деле, если на него «навалиться нам всем, и партийцам и хозяйственникам, самым зверским, самым безжалостным образом»^[1], успех будет обеспечен, полагает Киров. И если бы только он один...

Профессор вернулся к своему столу и покосился на недочитанную «Правду», на первой странице которой усатый генсек Всесоюзной коммунистической партии большевиков Иосиф Сталин призывал коммунистов в кратчайшие сроки взять рубежи первой пятилетки, создавать новые угольно-металлургические базы на востоке страны, во всех окраинных республиках^[2]. И притом досрочно. Так решила партия.

На последнем совещании в Смольном, куда была приглашена вся питерская интеллигенция, профессор говорил о необходимости приступить к освоению месторождений полезных ископаемых за пределами центральной части страны, начать, наконец, освоение Сибири. «Сибирью и морями студеными будет прирастать Россия», — процитировал он известное ломоносовское предсказание, подчеркнув, что позже его повторил и Чехов.

Ему показалось, что Киров, с которым он дважды встречался, внимательно, даже, пожалуй, сосредоточенно, слушал его и согласно кивал головой. А потом рубанул сильной рукой: «Чехов — говорил, а мы — претворим в жизнь!» И уверенной походкой двинулся к группе ожидавших его соратников — коренастый, пружинистый, быстрый.

Нет, они знают, чего хотят, и от поставленных целей не откажутся... И планов у них, действительно, громадье. Но кто их будет реализовывать, эти планы? Сталин словно читал мысли и его, старого ученого, как сказал бы

вождь, «специалиста, отмежевавшегося от вредителей». «...Проблема кадров превратилась у нас в проблему животрепещущую»^[3]. Но решение ее вождь связывает исключительно с быстрой выработкой достаточного количества техников и специалистов из людей рабочего класса.

В связи с этой большевистской доктриной он, академик Франц Левинсон-Лессинг, должен подобрать аспирантов в Ленинградский петрографический институт, ни на йоту не отходя от сформулированных условий.

Он подумал о своем недавнем собеседнике, и ему стало совсем грустно.

«Что ж, посмотрим дальше», — сказал он себе и придвинул поближе стопку «личных дел» кандидатов в научные работники.

«Кашкай М., Баку, 1930 год», — прочел он на синей обложке верхней папки.

Если Донбасс прислал шахтера, Баку конечно же должен направить в аспирантуру нефтяника. Хорошо, если не бурильщика, размышлял профессор, рассеянно просматривая содержимое папки: автобиография, изложенная от руки, — с полстранички текста (чего же ждать от человека, только вступающего в самостоятельную жизнь?!) и другие документы, включая справку с места жительства (о, без одного какой ученый?). Полный бюрократический набор, которому профессор уделял не больше внимания, чем обложке научного издания, полагая, что и в том, и в другом случае главным остается содержание, а его понять по описанию так же трудно, как и оценить достоинство куска породы без личного и непосредственного изучения.

Посланец пролетарского Баку оказался симпатичным молодым человеком в темно-синем шевиотовом костюме, подчеркивающим стройность фигуры, с мягкими чертами лица. И ничего типично кавказского, что он ожидал увидеть: ни усов, ни горбоносого профиля, ни резких, выступающих скул, не говоря уже об обветренной, опаленной горячим кавказским солнцем, коже.

«Наверное, из местных евреев, — подумалось профессору. — Они настолько вписались в тюркский этнический ландшафт, что часто практически неотличимы от коренной национальности».

Движения его лишены были суеты, свойственной новичкам. В осанке, манере держаться, чуть откинув назад голову, ощущалось достоинство, которое трудно выработать. Это что-то от природы, нечто наследственное.

«Встретились бы где-нибудь в Европе, скорее, принял бы его за

итальянца...»

Пригласив его сесть, профессор еще некоторое время с любопытством вглядывался в своего визави. Как истинный петербуржец, он не мог не отметить некоторой даже утонченности манер новичка.

— Итак, вы геолог и решили продолжить образование...

— Я закончил Азербайджанский политехнический институт, геолого-разведочное отделение горного факультета, — сказал молодой человек. — Работал горным инженером в Дашкесане и главным геологом «Азгорнохимтреста», участвовал в экспедиции на тамошних рудных месторождениях, в том числе в геологической разведке Загликского месторождения. По-моему, изучение и разработка алунитов имеют перспективу.

«Сразу, что называется, быка за рога, ну-ну... А что, в 23 года уже успел поработать главным геологом экспедиции... Впрочем, народные комиссары были не намного старше его...»

— Нефтяная геология не менее, а, скорее всего — более перспективна. Особенно в вашем регионе.

— Это, конечно, так, но я хотел бы заняться другими направлениями геологии. Недра Азербайджана действительно плохо изучены. Один Дашкесан чего стоит, а есть еще Нагорный Карабах, Кельбаджары, Нахичевань. В горах Кедабека, например, компания «Сименс» добывала медь еще в 1866 году. А рудные разработки, как вы, очевидно, знаете, у нас начались сразу после первого нефтяного фонтана — в 1861 году.

«Однако русский у него достаточно хорош для кавказца. Грузины, например, обычно говорят с заметным акцентом. Сталин-Джугашвили столько лет уже в Кремле, русские пословицы, поговорки довольно удачно использует в своих выступлениях, а от акцента никак избавиться не может...»

— Сименский бизнес в горах — дело известное. Если не ошибаюсь, в те же годы у вас добывались кобальтовые и свинцовые руды...

— Совершенно верно — кобальт в Дашкесане, а свинец — в Нахичевани, — заметил будущий аспирант.

Разумеется, Левинсон-Лессинг об этом знал. И все же с Азербайджаном он знаком недостаточно. Нефть, увы, там все заслонила.

— Но недра вашей республики пока еще, как вы сами только что признали, плохо изучены. Впрочем, как и в остальных районах СССР.

— Если все будут заниматься только нефтью, то недра наши так и останутся тайной, — улыбнулся молодой человек. — Если позволите, я мог бы поделиться некоторыми соображениями на этот счет.

— Слушаю вас, — сказал академик, но вскинул взгляд на часы, напоминая тем самым, что говорить надо коротко.

— Три-четыре минуты, не более, — сказал молодой человек. — Я пришел в геологию после школы, начинал фактически рабочим. Объездил уже многие районы. Знаком с научной литературой, в том числе и с вашим «Исследованием по теоретической петрографии в связи с изучением изверженных горных пород Центрального Кавказа»...

Он, действительно, хорошо знал эту работу, во всяком случае, уверенно ориентировался в достаточно сложных для неспециалиста расчетах и суждениях. Судя же по ряду приведенных примеров, имел свою точку зрения на некоторые выводы исследования. Но не выделил эти моменты даже интонационно — просто поделился своими наблюдениями, дополняющими, но вовсе не опровергающими, как он деликатно подчеркнул, описанную констатацию.

Конечно, это не осталось незамеченным внимательно слушавшим его профессором, но спорить, собственно, было не о чем — молодой человек ничего не утверждал, а всего лишь предполагал, не имея возможности в полевых условиях основательно проверить свои догадки. А то, что он об этом сказал, несомненно, говорит в его пользу, — у него хороший глаз и очевидный вкус к данной работе. И умение обходиться без эмоционально заряженных соображений, что особо ценил профессор.

Беседа между тем незаметно перешла в область петрографии, которая, как оказалось, интересовала Мир-Али Каткая со студенческих лет. Впрочем, он тут же добавил, что его интересуют также термальные и минеральные источники Азербайджана. И не преминул довольно толково рассказать о лечебных свойствах азербайджанских минеральных вод, как бы подтверждая тем самым, что предмет разговора знает не понаслышке.

— Ну, что же, товарищ Кашкай, то, что вы рассказали, — весьма познавательно, особенно в части, касающейся вашей республики, — сказал профессор, вновь взглянув на часы. — И вы умеете ценить свое и чужое время. Не очень часто встречающееся свойство в нашей среде... Простите, как вас по имени и отчеству?

— Мир-Али Сеид-Али оглу...

— У вас в роду не было геологов?

— Нет, профессор. Я — единственный Кашкай, выбравший эту профессию.

— Ваша фамилия — Кашкай — часто встречается в Азербайджане?

Вопрос можно было понять и так: «Кашкай — азербайджанская фамилия?»

— Все очень просто, профессор. Кашкай — так называется древний тюркский этнос, от которого берет начало наш род.

— Вы хорошо владеете русским языком. Это большой плюс с учетом того, что основная масса научной литературы, с которой вам придется иметь дело сейчас, да и в будущем, будет на русском. Среди наших аспирантов из национальных республик это, к сожалению, не частое явление. Знаете другие языки?

— Да, немецкий и английский.

— Как следует из вашей автобиографии, вы выходец из глубинки? — поинтересовался Франц Юльевич.

— Мой отец по роду своих занятий практически всю жизнь был связан с Россией. И умер в Одессе. Мой старший брат получил образование в Харькове, в тамошнем медицинском институте. Он физиолог, ученик академика Павлова. Живет и работает в Москве, но тоже переезжает по приглашению в Ленинград. Что касается меня, то родился я в Гяндже, а вырос и учился в Баку.

Наличие брата — без пяти минут ленинградца — у будущего аспиранта обещало облегчить решение его квартирной проблемы, что было немаловажно для института, испытывавшего затруднения с жильем.

На этой весьма прагматичной мысли, мелькнувшей в сознании профессора, собственно, и завершилась эта встреча, определившая дальнейшую судьбу нашего героя.

Естественно, Франц Юльевич не стал углубляться в то, чем конкретно занимался отец Мир-Али Кашкай в до-и послереволюционные годы в Одессе. Хотя сразу же всплывший в памяти знаменитый фильм «Броненосец Потемкин» услужливо подсказывал, что это могла быть и революционная деятельность. И это было бы неплохо. Если же он был инженером или человеком чиновничьего сословия царского времени, то это, по мнению профессора, тоже могло говорить в пользу молодого научного работника как человека, вышедшего из культурной, образованной семьи. Хотя, разумеется, новый аспирант мог быть отнесен к категории старых специалистов как минимум к выходцам из этой среды, отношение к которым теперь оставляло желать лучшего. Но если исключить такую вероятность, М. Кашкай вполне вписывался в нынешние подходы к формированию научных кадров, которые он, руководитель института, заинтересованный прежде всего в личностно-профессиональных качествах будущего аспиранта, вынужден был увязывать с партийной установкой относительно старых специалистов и подозрениями во вредительстве.

Вообще-то копаться в биографиях было не его профессорским делом.

На учебу в Москву и Ленинград направляли не всякого отличника. Кадры проходили тщательную проверку в республиканских инстанциях, да и кадровики институтские не дремали. Если бакинские власти направили в аспирантуру человека, значит, все в порядке.

Упоминание Кашкаем древней тюркской народности, от которой брало начало его рода, конечно, не могло остаться незамеченным профессором — в последние годы ему не часто приходилось встречаться с такого рода откровениями, но он предпочел, очевидно, удовлетвориться констатацией этого факта. И был, скорее всего, прав, поскольку Кашкаю пришлось бы рассказать ему немало из того, что определенно осложнило бы жизнь профессора, во всяком случае, внесло бы в его сознание ненужные и опасные мысли, от которых он и без того отбивался с трудом, с нарастающей тревогой наблюдая за тем, как суровеет и ожесточается время.

Ну, например, рассказал бы Кашкай о своем прапрадеде Мухаммед-Сеиде, главе богатого и сильного рода^[1], а значит, о сеидах, возводящих свою родословную непосредственно к пророку Мухаммеду, о их жизни и истории, окруженной религиозными мифами и предрассудками, о присущей всем их далеким потомкам склонности к просветительской, научной деятельности, о личных духовных, нравственных качествах членов этого ордена и конечно же о том, что его потомкам пришлось и вкусить роскошную жизнь Гянджинских богатеев, и купаться в лучах славы и почета; но в полной мере познали они и горький вкус гонений, оставивших трагический рубец в судьбе многих из них.

И вот о чем он, несомненно, сказал бы обязательно, так это об уникальном свойстве общинной жизни кашкайцев — раскрепощенности в поведении. Мужчины у них, например, сами выбирали себе профессию и жизненный путь, а женщины не носили чадру. И в этой традиции, доставшейся от далеких предков, в привычке чувствовать себя свободным человеком была, несомненно, та особенность рода, которая им, Кашкаем, ценилась прежде всего. Это и стало основным мотивом выбора им своей фамилии.

Возможно, он пояснил бы, что принадлежность к сеидству передается по наследству от отца к детям. И нигде не документируется, никем не контролируется, сохраняясь благодаря народной молве и общинному почитанию. Принадлежность к роду сеидов подтверждается лишь одним документальным признаком — приставкой «Мир» или «Сеид» к основному имени потомка. Такая вот своеобразная генеалогическая отметина, или геральдический знак, только и всего. Отсюда и его полное имя — Мир-Али

Сеид-Али оглу.

Собственно, с этого и мог начаться его рассказ, если бы профессор, спросив у Кашкая имя, сам обратил бы внимание на его необычность. Но он промолчал, а значит, и рассказывать было незачем.

Заметим, кстати, что спустя тридцать с лишним лет эта генеалогическая отметина сыграла злую шутку с сыном старшего брата нашего героя. Молодой ученый где-то в середине 60-х годов решил вступить в ряды КПСС. При обсуждении кандидатуры на открытом партсобрании секретарь парткома научно-исследовательского института вдруг сказал: «Знаем мы вас, Гюней Джамалович, как хорошего, сознательного товарища, грамотного специалиста. Одно только непонятно — ваше имя. Что это за «Мир» — и у вас, и у вашего отца? Что означает это слово?»

Молодой физик, разумеется, прекрасно знал, что приставка «Мир» перед его именем означает вовсе не то, что ее русский омоним. В смущении он вынужден был сказать, что как-то не вникал в своеобразие своего полного имени, которое для русского слуха, и не только для русского, звучало довольно странно: Мир-Гюней-Гая Мир-Джамал оглы Кашкай. Но тут вдруг с места поднялся кто-то из рядовых коммунистов, как на грех, оказавшийся знатоком Востока, и популярно прокомментировал значение злополучного слова, привлечшего внимание партийного руководителя. Случись такое лет эдак 10–15 до того, не миновать бы Мир-Гюней-Гая чекистского расследования: «Скрыл свое религиозное происхождение!» Но на дворе была уже знаменитая хрущевская оттепель. Пожурили парня, но в партию все же приняли. А потомок Мухаммед-Сеида позже стал в Ленинграде одним из разработчиков секретной технологии для «слепой» посадки самолетов. Но это так, к слову.

Так что в 1930 году сеидский сюжет в биографии будущего аспиранта вряд ли мог сослужить добрую службу. Скорее, наоборот, он мог породить массу подозрительных вопросов у начальства, что, как понимает читатель, ему вовсе не было нужно...

ИСТОКИ

Есть семейное предание, согласно которому прапрадед Кашкаев — Мухаммед-Сеид вместе со своими близкими покинул кочевье и осел в Гяндже где-то в XVIII веке. Говоря языком генеалогии, пробанд, то есть исходное лицо в родословной Кашкаев, был очень богат и влиятелен, на новом месте женился на гянджинке, обзавелся большой семьей. От него, Мухаммед-Сеида, и пошел род нашего героя — Мир-Али Кашкая.

Долгое время семья хранила бесценную реликвию — старинный, как сказали бы сейчас, антиквариат — казан, на котором были помечены имена прямых потомков Мухаммед-Сеида. Реликвия эта, бережно передаваемая из поколения в поколение, исчезла в сутолоке послереволюционного времени, как и многое другое...

Таков в общих чертах сюжет о происхождении фамилии Кашкай, сохраненный в семье.

...Поселился Мухаммед-Сеид в центральной части Гянджи, неподалеку от торговых рядов, караван-сарая, всегда полного разноязычного купеческого люда. Родичей у него хватало, но сын был один — Мир-Асад. Так что наследнику, помимо золота, рублей, туманов и лир, достался огромный дом с двором и многочисленными пристройками.

Этот уголок Гянджи с появлением Кашкаев стал называться «сеидляр махаллеси» — квартал сеидов. Дом сносился, обновлялся, разрастался, опять сносился, пока на его месте не возник солидный двухэтажный особняк с арочной верандой, широкими воротами, венчавшими высокий, аккуратно сложенный забор, который скрывал от внешнего взгляда обитателей особняка так же надежно, как и стены какого-нибудь английского замка. Сравнение это вполне уместно, если учесть, что подход азербайджанца к своему жилищу основан на том же жизненном постулате, что и у аристократа-британца: «Мой дом — моя крепость». Но, в отличие от среднеанглийской семьи, в доме проживали многие представители семейства Кашкаев, их жены, дети известного на всю Гянджу купца Мир-Асада, сына Мухаммед-Сеида, о котором долго еще помнили в Гяндже.

Купец Мир-Асад и есть ближайший, документально подтвержденный предок Кашкаев, живший в XIX веке. У Мир-Асада, согласно этому документу, было семь сыновей. Нас интересуют двое из них — Мир-Гасым и Мир-Мевсум-хан. Мир-Гасым был известным религиозным деятелем, очень богатым. Прожил он недолго. Согласно семейному преданию, он-то и

оставил потомкам первые 3 тысячи золотых, с которых, собственно, и началась коммерческая деятельность его сыновей. Старший сын, Мир-Хусейн, организовал в Гяндже коммерческое предприятие, которое успешно развивалось. Однако он рано умер, после чего семейное дело продолжил следующий по возрасту — Сеид-Али, ставший отцом нашего героя — академика Мир-Али Кашкая.

Мир-Мевсум-хан был военным консулом Ирана в Баку. После смерти своего брата Мир-Гасыма генконсул взял на воспитание его младшего сына, Мир-Джалиля. Не потому, что его потомки терпели лишения, — просто таков был обычай Кашкаев. К тому же в Баку мальчик мог получить лучшее образование.

Мы еще встретимся с Мир-Джалилем на страницах нашей хроники, а пока вернемся к Сеид-Али, ставшему в Гяндже крупным предпринимателем. Он-то и возглавил на рубеже XIX и XX веков большое семейство Кашкаев, проживавших в описанном выше особняке, каким он и предстал взору малыша, появившегося на свет в самом конце 1896 года. Первенца называли Мир-Джамал.

— Пусть оберегает святость наших далеких предков, — сказал якобы в тот день Сеид-Али своей супруге Хабибе-ханум, славной своей красотой и дворянским родом, дочери Гаджи Джафарли, человека хоть и небогатого, но родовитого и уважаемого. Как и все матери, на случай рождения сына Хабиба-ханум запаслась красивым именем из народного сказания. Но герой сказания Джавидан, хоть и был великолепен, как лев, и смел, как тигр, однако же погибал, в конце концов, от рук недругов. Так что охранительные гарантии, предлагаемые особым статусом предков, вполне устраивали Хабибу-ханум.

...Она живет в «сеидляр махаллеси», пользующейся особым пиететом горожан. Ее муж, известный и уважаемый во всем городе человек. Он не похож на остальных мужчин-азербайджанцев. В отличие от большинства из них Сеид-Али говорит на русском и даже знает язык немецкий, а щеголяет в губернаторской аллее под шелест чинар в сюртуке с галстуком на шее, с диковинной тросточкой в руке. Только вместо того, чтобы на нее опираться, как это делают седобородые старики, Сеид-Али легко поигрывает тросточкой, что придает всей его фигуре особую стройность и изящество. Иногда он щелкает крошечной металлической кнопкой у самой ручки, и трость изрыгает огонь (разве это не волшебство?!), от которой Сеид-Али прикуривает свою длинную, как чубук, сигару.

И семья Кашкаев не похожа на другие купеческие семьи.

Сеид-Али — купец. Не простой — его знают в Баку, Тбилиси, Стамбуле, Тегеране, Тебризе, Москве. И бог весть в каких еще краях. Но большую часть времени он проводит вместе с Мещдели в Самарканде — своим дядей по материнской линии. Тут он выступает как бы в роли представителя фирмы по оптовой торговле. Он богат. И это знает каждый гянджинец — от русского губернатора до мальчишек, разносчиков родниковой воды.

Купцами были многие в его роду, и каждый представитель его прибавлял Кашкаям уважение горожан и доверие партнеров.

Торг, торговля появились на свете задолго до политики и социальных систем. Восток всегда держался на торговле. А разве торговцы Запада, например англичане, не были лучшими купцами? «Строитель всего сущего — торговля», — говорил купец Сеид-Али.

Не легкой жизнью живет Сеид-Али. В дальних краях его поджидают мошенники и воры, грязные караван-сарай, в дороге стерегут злые, не знающие пощады разбойники. От них можно или откупиться, или защититься. И то и другое стоит немалых денег. Но жизнь — дорога, и предки Сеид-Али всегда возвращались с давних странствий, привозя с собой не только хурджуны, полные добра, но и нескончаемые рассказы о жизни за вершинами Кавказских гор. Эти рассказы передавались из поколения в поколение, обрастая все новыми подробностями, превращаясь в нескончаемую книгу странствий.

Труд их был хоть и мирным, но не таким уж легким, часто — рискованным. Сеид-Али ворочает большими делами в России, Турции, Иране, то и дело отлучаясь в далекие заснеженные Петербург или Москву, а то и вовсе в Алманию (Германию), откуда привозит массу всякой всячины — от туфелек детям до меховых шуб, которые ни он, ни Хабиба-ханум не носят, поскольку в Гяндже никогда не бывает снега и морозов. Впрочем, Хабиба, как и большинство горожан, называет свой город так между собой, а официально он давно переименован в Елизаветполь — в честь супруги русского царя Александра I.

А снег Хабиба с детства видит лишь на вершине бронзового Кяпаза, что короной венчает голубоглазое озеро Гёй-гёль, куда они выезжают летом на отдых и куда Сеид-Али приглашает своих гостей из Баку, Тбилиси, из того же Петербурга.

Для приема партнеров и знатных гостей он построил даже несколько

уютных домиков в Аджикенде, за которыми присматривают нанятые им местные охотники на джейранов и кабанов. Шашлыком из баранины или джыз-бызом (жаркое из бараньих потрошков) может угостить любой гянджинец, а вот чабан ковурмасы — жаркое из нежнейшего мяса джейрана — или кебаб из кабанины подают только в доме Сеид-Али. А коли пожелает супруг, в случае появления особо знатных гостей, Хабибаханум сама становится у огня, и тогда на стол подается знаменитый азербайджанский плов — пальчики оближешь. И совсем не беда, что Сеид-Али месяцами пропадает в Баку и за границей, где, сказывают, столько обольстительных дам. (Ну и пусть! Верно говорят старые женщины: как бы ни шалил муж, с кем бы ни знался, а все равно возвращается к законной супруге.)

Впрочем, вернувшегося из дальних стран Сеид-Али также не всегда застанешь дома. Что поделаешь, дела. С утра надо зайти в дуканы (магазины) — самые большие и самые богатые в Гяндже, а может быть, и не только в нем одном. Один славен тебризскими коврами, другой — китайскими шелками, третий, только что отстроенный, — разной европейской утварью, столами, расписными диванами, разнообразной косметикой. Спрос на них велик. Среди постоянных клиентов не только местные ханумы. В магазин постоянно заглядывают жены русских чиновников и офицерства, грузинки из Тбилиси, немки из Аннендорфа (нынешний Шам-кир), русские барышни из Баку.

От подарков мужниных ломаются покои красавицы Хабибы, но нет у нее пристрастия к диковинной европейской косметике. Сурьма, хна, восточные благовония, бирюза и янтарь от сглаза, фамильные драгоценности, множество иных мелочей украшают быт азербайджанки, у которой особая привязанность к красивым шелковым келагаи (женский головной убор). Но речь сейчас не о несомненных достоинствах Хабибаханум, писаной красавицы, а о том, сколько времени надо Сеид-Али, чтобы обойти свое купеческое хозяйство, присматривать за тем, чтобы не смошенничали хитрые торговцы, работающие по найму и то и дело норовящие урвать лишнюю копейку из кассы. Надо проследить за уплатой налогов, переговорить по телеграфу с партнерами в других городах, послать людей в Евлах на железную дорогу за поступившим товаром, затем написать в Стамбул или Тегеран — заказать новый.

Многое должен успеть Сеид-Али за день. И что тут обижаться на него. Не обижаться надо, а любить и ухаживать за мужем, на котором держится большой и многолюдный дом. А это не только собственные домочадцы Сеид-Али, но и семьи братьев с их женами, невестками, детьми, прислугой.

Так уж заведено с незапамятных времен. Старший в семье отвечает за весь род, в котором благополучие всех и каждого покоится на общем купеческом деле. Торговля — дело богоугодное. Но времена меняются. И в последние дни Сеид-Али поговаривает о том, что есть смысл вложить капитал в нефтяное дело в Баку. Там вчерашние нукеры (слуги) давно успели стать миллионерами. Где ни купишь кусочек земли, всюду нефть бьет фонтаном. Европейские компании хлынули на Апшеронский полуостров, как мухи на мед. А чем хуже их Сеид-Али? Пусть едет в Баку, ему виднее...

Господь отбирает, но он же и дает. Бог дал им всё, чтобы иметь большую семью: молодость, силу, красоту, богатство. Над ними сияет счастливая звезда, зажженная когда-то для нее и ее Сеид-Али. И она будет светить, пока они живы: она — Хабиба, Сеид-Али, их дети, которых также будет осенять имя далекого, никогда не забываемого, величавого предка. Так угодно Всевышнему, отмечающему людей смиренных, не ведающих ни алчности, ни зависти. Потому у нее и ее детей чистые сердца, обращенные к людям и Господу Богу нашему, которому она не устает возносить молитвы, ничего не прося, кроме мира и благополучия для своей семьи и всех обездоленных. Она уверена, что Бог внимлет ее молитвам, ибо жизнь ее детей незримой нитью связана с именем покойного Мухаммед-Сеида. А это значит, Господь не оставит и Сеид-Али, и то крошечное неведомое существо, которое она носит сейчас под своим сердцем...

Синеет небо над Гянджой, ни единого облачка над головой молодой и цветущей Хабибы, укачивающей под вечными чинарами свою годовалую дочурку Рахшанде. И в глазах молодой женщины ни тени грусти. Только бездонное счастье. Ей, матери четверых детей, всего-навсего 26 лет. Она хочет подарить Сеид-Али еще сыновей.

Ничто не предвещает в далекой окраине империи каких-либо перемен существующего порядка вещей, осененного веками размеренного восточного бытия. Нашествие грузин и лезгин, когда однажды исчезли знаменитые крепостные ворота Гянджи (они по сию пору хранятся в запасниках музеев Тбилиси в качестве военного трофея и вещественного доказательства грузинской удали), подвиг Джавадхана, не пожелавшего сдать Гянджу генералу Цицианову, — все это осталось в глубине ушедшего столетия, в дастанах, распеваемых ашугами-сказителями.

Синеет небо над Гянджой, ни тени во взоре матери, склонившейся над колыбелью младенца. Ничто не может нарушить ее покой. К тому времени,

когда муж вернется из долгих странствий, она родит ему пятого ребенка, который только что шевельнулся у нее под сердцем. Это будет ее четвертый сын — так подсказывает ей сердце. Мужчины — везде и всюду — желают иметь сыновей. И чем больше — тем лучше. И их можно понять: сын — защита чести и достоинства, опора в делах. Но было бы несправедливо не замечать того, что Сеид-Али, ее муж, гордится сыновьями — Мир-Джамалом, Ага-Миром, Мир-Таги — продолжателями рода, и боготворит свою Рахшанде, любит ее больше жизни...

За воротами тишина. Медленны, беззвучны воды Гянджачая. Спит крохотная Рахшанде в люльке, как и вся древняя Гянджа...

К тому времени, когда вернется Сеид-Али, надо запастись именем для нового дитя.

Она уверена — у нее будет сын...

*

Чутье не подвело молодую женщину. Ее пятый ребенок и в самом деле оказался мальчиком. Ошиблась Хабиба в другом, пожалуй, в главном — в том, что скоро выйдет встречать мужа.

Он не вернется более никогда в Гянджу, удачливый в делах, да и во всем остальном, предприниматель Сеид-Али.

Вместо него в дом пришла черная весть, страшнее которой не бывает.

В Одессе, где он оказался по делам, его неожиданно сразила какая-то странная болезнь. Он по житейской привычке первоначально не обращал внимания на боли, считая их преходящим недугом. Когда же пришлось таки обратиться к врачам, было уже поздно — одесские врачи оказались бессильны перед болезнью почек.

Случайная, нелепая смерть... Он ушел сорока двух лет от роду, оставив четверых детей, беременную пятым ребенком молодую жену и свое состояние, доставшееся ему от предков и приумноженное его неустанными трудами. Его привезли в Гянджу в цинковом гробу и похоронили в семейном склепе на кладбище «Сявискар» (ныне оно находится в центре города. Обычай захоронения в склепе идет из глубины веков. В Гяндже и некоторых других районах Азербайджана он сохранился до наших дней).

Молодая мать до конца дней своих будет мучиться этой нелепой смертью, не понимая, в чем была вина ее супруга, если так было угодно

Всевышнему.

Безотчетный страх пробрался в ее душу с того дня — молодая женщина уловила в неожиданной смерти смутное знамение.

Знак беды. Он рано или поздно появляется для каждого. Но мало кто может уловить его незримое приближение, а почувствовав, укрыться, уйти, изолироваться от тех напастей, которые он предвещает.

Люди склонны верить в свою звезду даже на смертном одре. А ведь сказано давным-давно: Господь дал — Господь взял. И еще сказано: беда не приходит одна...

*

Мир-Али родился спустя несколько месяцев после похорон. Рождение ребенка после сороковин и перед годовщиной посчитали добрым знаком.

Хабиба и сама чувствовала милосердие небес, не отнявших у нее дитя, давших ей силы внести в дом четвертого сына Сеид-Али, не позволив, таким образом, погаснуть животворному огню в его очаге.

Она нашла это имя еще при жизни отсутствующего мужа и мысленно обращалась к существу, просившемуся на свет божий с тем именем — Мир-Али.

Хабиба полагала, что дважды освященным именем она оградит от злых сил своего сына, которому суждено было расти без отца. Али — наиболее почитаемый азербайджанцами святой мученик, Мир — знак святости.

— Пусть оберегает тебя сень Али и святость твоих далеких предков...

*

Сразу после сороковин управление делами, как и всем семейством, перешло к старшему двоюродному брату Мир-Джалилю, следующему по возрасту в доме — сыну рано умершего Мир-Гасыма, которого вырастил Мир-Мевсум-хан, военный консул Ирана в Баку. Наследование по родовой традиции переходило не детям, а по старшинству, среди мужской половины.

Традиция, подтвержденная жизненной практикой, как известно, имеет силу закона. Более того, она часто бывает выше закона. Во всяком случае, ни в какое противоречие с юстицией Российской империи право Мир-

Джалилия стать обладателем собственности, накопленной родом, не вступило. Не оспаривалось оно никогда и членами семейства. К. тому же Мир-Джалиль был уже коммерсантом первой гильдии, домовладельцем, известным богачом в Гяндже. Он закончил бакинское реальное училище, кроме родного азербайджанского знал французский, арабский, фарси, русский.

Женившись на дочери Мир-Мевсум-хана — Хумай, он приумножил семейный капитал, прибавил в авторитете. Известность, уважение и особый почет ему принес тот факт, что в 1896 году его делегировали в Петербург в составе делегации Закавказья на торжества по случаю коронации российского императора Николая II.

*

И опять все вошло в свою обычную колею. Семейство продолжало жить своей размеренной жизнью.

Отставший от каравана жизни исчезает без следа, время стирает с земли даже его могилу. И когда это происходит, азербайджанцы воздают хвалу Всевышнему, забравшему их родича к себе, в райские кущи, о чем свидетельствует слияние праха его с матерью-землей.

*

Спит древняя Гянджа. Спят пятеро деток Хабибы-ханум, старшему из которых Мир-Джамалу уже 18, а младшему, Мир-Али, только исполнилось 7, и он уже ходит в Гянджинскую гимназию, обучается музыке, как того хотел его отец.

Каждый год родители отдают детей в семьи местных немцев, которые поселились в этих краях еще в екатерининские времена. Немцы поселений Аннендорфа, как и Еленендорфа (нынешний Ханлар), живут с Гянджой совместной жизнью. Дети остаются у немцев по несколько месяцев, заглядывая к родным только по воскресеньям. Так дети усваивают немецкий язык и немецкие порядки. У немцев масса запретов. Например, фрау Гретхен учит порядку следующим образом: чертит круг и строго-настрого запрещает переступать черту.

«Мир-Али нашел способ выходить за черту, не нарушая при этом запрета, — смеется фрау. — Поставит ножку за линию и тут же уберет!»

...Лето в том году было необычайно жарким. Иногда гян-джинцам казалось, что успевший изрядно им надоесть огненный рыжеватый диск вовсе и не собирается покинуть основательно изжарившееся небо даже ночью. Как назло, не было и дуновения ветерка с четко обозначенных в мареве дня гор Малого Кавказа. Город, правда, жил привычной жизнью, в назначенное время открывались лавки, но особого оживления на улицах не ощущалось.

Обезлюдели, можно сказать, не только улицы, но и базарные площади, другие места, где обычно собирались гянджинцы.

Мир и синее небо над Гянджей...

И вдруг выстрел.

Кара или предупреждение свыше?

Ага-мир, которому недавно исполнилось 14, мальчик блестящих способностей, лежит бездыханный. Кто ему подбросил ружье? Сам взял? С чего бы это? Он же тянулся к музыке и книгам!

Истошный крик матери. Вторая нелепая смерть.

Господи, как уберечь от нее малюток моих?!

Господь дает, Господь же и забирает?

Что-то недоброе витает над домом. Что-то изменилось в этом мире, доселе светлом и прекрасном, доселе казавшемся молодой матери цветником. Что?

Поговаривают люди, что русский царь в своем Петербурге объявил войну Германии, правитель которой вроде бы ему чуть ли не родным братом приходится. Слышала Хабиба-ханум, как тихо беседовали о том мужчины в семье. И, судя по их словам, соседняя Турция не останется в стороне, тоже ввяжется в войну. А значит, может случиться, наводнят эти края русские войска.

Торговлю в Стамбуле потеряем, зато можно заработать на русских, считает на этих главных «совещаниях» Мир-Джалиль. Можно снабжать русскую армию провиантом.

Разговор этот был давно, а в Гяндже ни пушек, ни войск. Только гачаги, беглый народец, в окрестностях рыщут. Днем прячутся в лесах, а

ночью выходят на дело. То купца припозднившегося перехватят, то дом бекский спалят. Одни говорят, мол, то народные мстители, другие машут рукой, мол, разбойник и есть разбойник, что тут приукрашивать. А вообще, чего люди не могут поделить? Земли и денег всем хватит, если по-честному трудиться. Как Сеид-Али и его братья. А тут войной идут друг на друга.

Кому это нужно? Хорошо, что от Гянджи до Москвы далеко, а до Турции тоже не близко. Обойдется...

Не обошлось.

Незримый большой водоворот бушевавшей где-то за три-девять земель войны неумолимо втягивал в свой омут все новые страны и народы.

Пожар становился вселенским, и от его всепожирающего пламени было не уберечься.

Собравшиеся аксакалы-миллионеры в Баку решили помочь царю великой империи в трудную минуту. Царь российский — он всем царь, каждому, кто проживает в пределах необъятной России — от Украины до Камчатки, от северных, покрытых льдами морей, до реки Араз, за которой начинается другая империя — Персидская, страна шахов и поэтов.

Гянджинский купец Мир-Джалиль согласился поддержать идею. По всей стране идет сбор средств на снаряжение азербайджанской дивизии. Слово, конечно, первым делом за миллионерами-азербайджанцами. Гаджи Зейналлабдин Тагиев, Муса Нагиев, Муртуза Мухтаров, Шамси Асадуллаев — нефтяные беки — уже внесли свой весомый пай. Собралось на совет и Гянджинское купечество, в котором солидное место занимает Мир-Джалиль.

Гаджи Зейналлабдин — признанный авторитет во всем Азербайджане. Раз он считает нужным формировать за счет собственных средств первую азербайджанскую дивизию, так тому и быть.

От войн, которые вел царь, азербайджанцы обычно оставались в стороне. Где-то там, высоко-высоко у самого трона, порешили когда-то освободить азербайджанцев от воинской обязанности. То ли речь их тюркская смущала царских сановников, то ли вера...

Но времена не те, да и война не та, считает Мир-Джалиль.

— За царя пошлешь игидов кровь проливать?

Хитрый, недобрый прищур рыжебородого ахунда. Он степенно поглаживает отливающую рыжеватым блеском свежей хны окладистую бороду.

— Игиды давненько, со времен Джавадхана, не знают запаха пороха. Едва ли не все наши кавказские соседи прошли через все войны царские, военному делу обучены. Да и оружие нынче не то, что сто лет назад.

Кто был больше прав в том давнем споре — не нам судить. Только последующие события показали: если кто и нуждался в помощи и поддержке Российской империи, так то был сам царь.

Это была не единственная правда в речах ахунда. Но прав был в том споре и Мир-Джалиль: он тоже считал, что надо помогать русскому царю.

Колесо истории вращается медленно, неслышно, незаметно. Но часы, когда оно ускоряет свое вечное вращение, западают в человеческую память надолго, поскольку шестеренки молоха обильно смазываются кровью людской.

Скинули царя с его золотого трона, и пошла смута по всей империи, которую и империей-то называли теперь ради большой политики.

Покатилась по ухабам безвременья раздираемая обезумевшими народами страна. А народы перестали быть народами, превратившись в кровожадные толпы. Началась и долго не утихала давняя армяно-азербайджанская вражда. У скольких людей она оставила свою недобрую отметину — не счесть...

Пошли разговоры о том, что с турецкого фронта возвращаются к себе в Россию русские солдаты — не хотят более за царя-батюшку умирать. Вновь (в который уже раз!) оцетинилась ружьями Гянджа. Заперлись наглухо горожане в своих домах-крепостях. Толстенная кладка их, выдержавшая натиск веков, более не внушает доверия Хабибе-ханум.

Призрак черной вести, той, что прокралась за порог ее дома 12 лет назад, вновь витает где-то поблизости и некуда уйти от него.

Страх вновь вселился в ее материнское сердце. Некуда податься...

...Майским утром с грохотом распахиваются ворота.

Она бросается к веранде, где играют ее младшие Мир-Али и Рахшанде.

— Джалиль?!

Чей-то хриплый голос, прокатившийся по двору, ожег ее сердце.

— Джалиль!!!

Оглушительно гремят выстрелы. Она успевает добежать до веранды и, цепляясь за косяк, медленно сползает на порог.

Падает раненный в плечо Мир-Джамал (правая рука так и останется у него неподвижной), ранен Мир-Таги (до конца жизни он будет носить ортопедический ботинок, а ранняя непонятная смерть — не следствие ли шока, который мальчонка испытал в 1919-м?). Пуля задевает спрятавшегося за диваном маленького Мир-Али (на всю жизнь останется у него отметина

о том дне).

Его сестренка Рахшанде, девятилетняя Султан-беим и трехлетний Мир-Селим — дети Мир-Джалиля — уцелели чудом, схоронившись в глубине комнаты за диваном...

Веранда в кровавых брызгах.

Мрачные тени перешагивают через распластавшееся безжизненное тело Хабибы.

Кровавые следы по всему дому.

В кабинете за столом — изрешеченное пулями тело Мир-Джалиля.

Невидящий взор Хабибы устремлен в дальний угол веранды, где за толстыми мутками исчез ее Мир-Али. Самый смысленный ее мальчик, самый умный, самый талантливый, который расстается с книгами, только когда берет в руки тар...

Он еще ничего не понял. Ни грохота выстрелов, не мечущихся теней, ни неожиданно смолкнувшую мать, так и не добравшую до него, ни женских воплей, ни раны в ногу, ни крови, сочащейся из нее...

Потом он вспомнит эти мгновения как страшное безмолвное вращение гигантского черного пространства. И услышит крик матери.

Этот зов отчаяния еще долго будет будить его среди ночи...

Пронзительная тишина повисла над разгромленным жилищем.

Все кончилось разом: беззаботное детство, безбедная жизнь, безоблачное будущее...

*

Рок? Но в чьи руки он вложил свой кровавый меч? И — за что? За что, Господи... Из очевидцев тех событий уже никого нет в живых. Да и при жизни они неохотно делились воспоминаниями. Небезопасно это было.

*

С этого кровавого эпизода жизнь Кашкаев словно подменили. Лишь старший сын Се ид-Ал и — Мир-Джамал — вместе со своими двоюродными братьями еще пытался что-то сделать, выжидая наступления лучших времен.

В те смутные годы все чего-то ждали: армяне — Андроника, азербайджанцы — турок, русские — кто Деникина, кто большевиков. А все

вместе в душе еще надеялись: авось образуется и все станет на свое место — царь воссядет на трон, армяне поутихнут, вернется русский губернатор с казаками вместо назначенного мусаватистским правительством Худадатбека Рафибейли.

Только в доме Кашкаев ничего не ждали, ни на что не надеялись...

*

...В Гяндже появился человек с густыми бровями, орлиным носом и глубоко запавшими глазами. Это был Шахзаде (принц Мансур Мирза Гаджар).

Никто не знал, кто он и откуда приехал. Он происходил из рода Гаджаров и на его папaxe сиял серебряный иранский лев. Человек этот, считавший себя потомком Ага Мухаммеда, взял командование на себя.

Батальоны русских приближались к Гяндже, город был полон беженцами из Баку. Они рассказывали о расстреле министров, аресте депутатов парламента, трупах, выброшенных в море с привязанными к ногам ядрами.

«В знойный полдень мы сошлись врукопашную. Перед моими глазами мелькали широкоскулые, плоские лица, треугольные штыки. Ночью мы переползли по мосту обратно в нашу часть города. Начинался очередной рассвет. Издали доносилась артиллерийская канонада. На минарете мечети стояли Шахзаде Гаджар и Ильяс-бек. Кто-то затянул песню о туранском государстве.

— Я кое-что слышал, — послышался чей-то голос неподалеку от меня. Лицо говорившего было бледным, как у покойника, глаза задумчивы. — В Иране появился некто по имени Рза. Он командует армией, и они побеждают. И Кямал в Анкаре тоже собрал армию. Мы деремся не зря. Нам на помощь идут двадцать пять тысяч человек.

— Не двадцать пять тысяч, — сказал я, — а двести пятьдесят миллионов. И только одному Богу известно, успеют ли они.

С той стороны заиграли призыв к атаке. Я поднял голову. Передо мной лежала широкая пересохшая река. Русские, пригибаясь, перебежали площадь, стреляя на ходу. Я отвечал им плотным огнем. Их были тысячи, и мой одинокий пулемет был бессилен на Гянджинском мосту...»

«Али хан Ширваншир погиб в 5 часов 15 минут на Гянджинском мосту. Его тело упало в пересохшую реку, пронзенное восемью пулями. В его кармане найдена тетрадь. Если на то будет воля Аллаха, я доставлю эту

тетрадь его жене. На рассвете, незадолго до наступления русских, мы похоронили его во дворе мечети. Наша республика погибла, как погиб Али хан Ширваншир».

Так Курбан Саид описал падение Гянджи в 1920 году. И финал его книги «Али и Нино», как нам кажется, лучше всего венчает тот отрезок жизни нашего героя, о котором почти ничего неизвестно...

*

— Эта власть долго не продержится. В Бога она не верит. Силой отобрала у людей земли, дома, драгоценности. Все сущее на земле держится на «халаллыге», то есть на справедливости. А разве справедливо отбирать нажитое многими поколениями и раздавать бог знает кому?

За эти речи рыжебородый ахунд был вызван в бывшую резиденцию губернатора, над которой теперь развевалось красное знамя, и его больше не видели.

В том же доме с красным знаменем Мир-Джамалу объявили, что магазины, мельница, лавки, дома, особняки и вся прочая, принадлежащая его семье, собственность становятся достоянием Советской республики.

Мир-Джамал не то что не возмутился, а мысленно возблагодарил Всевышнего, смиловившегося над ним и позволившего таким хотя и дороговатым, но все же привычным способом откупиться и вернуться к своим домочадцам невредимым. Но лучше бы он не возвращался.

Уходил Мир-Джамал из собственного дома, а вернулся в государственную квартиру. Бывшему богачу разрешено было вместе со своими домочадцами поселиться в двух комнатах еще вчера принадлежавшего ему дома. А в остальных кашкаевских владениях поселились советские чиновники, разместились банк, гостиница, почта.

Купечество, как класс, паразитирующий на живом теле трудового народа, упразднялось.

На улицах стали появляться попарно, а то и небольшими группами, молодые, в общем-то, незлобивые парни.

Они шли по улицам тогдашней Гянджи, без труда определяя, в какой дом надо зайти, а там решительно направлялись именно к той двери, за которой — вот чудеса! — и сидел в этот час нужный им человек. Будто он так и сел здесь специально, чтобы дожидаться, когда за ним придут. Войдя же в комнату, эти молчаливые люди ворошили шкафы и комоды, рылись в постельном белье, забирали то, что считали нужным, особенно книги,

исписанные листки, оставив, правда, подробную расписку на изъятые вещи, затем еще раз оглядывали комнату. Видимо, для того, чтобы убедиться, не забыли ли что. Потом уходили, забрав, как правило, с собой хозяина дома.

Большинство гянджинцев были едины во мнении, что они, эти необычные, скажем так, посетители, брали только бумажки, какие-то книги, журналы. Но были и такие — их, правда, было немного, — которые говорили, что не только исписанными листками или книгами интересовались эти молчаливые люди. Вот у Мешади К., к примеру, не найдя никаких бумаг, они забрали золотое блюдечко, которое тот привез из паломничества в святые места. И не золота жалко Мешади К., а памятно было ему блюдечко, по краям которого ученый-гравер написал имя Господа Бога нашего.

Осмелев от рассказа первого, второй говорил, будто эти люди у Кебля Ф., и правда, искали именно бумажки какие-то, но, уходя, забрали почему-то золотой медальон его жены и жемчужное ожерелье дочери... Ну и так далее...

Женщины вздыхали, украдкой вытирали слезы. Мужчины утешали: вон в Баку Гаджи Зейналлабдин сам передал новой власти свои промыслы, заводы — всю собственность. Нариманов, говорят, оставил ему, своему бывшему покровителю, на деньги которого он выучился на доктора, небольшой особняк в пригороде Баку. Там и живет бывший миллионер. Коротает свои дни. Видимо, последние...

А вот генералов азербайджанских доктору Нариманову спасти не удалось. Всех поставили к стенке. Только Мехмандарова и Шихлинского пощадили. Нужны, говорят, новой власти знаменитые военспецы.

А мусаватисты, в том числе Гянджинские, кто угодил под пулю, а кто не успел махнуть в Турцию — по тюрьмам скитается. Худадат-бека Рафибейли увезли в Баку, там и расстреляли.

Мамед Эмин тоже исчез. Одни говорят — за границу, другие, что в Москву увезли его. Сам Сталин, которого Мамед Эмин Расул-заде когда-то знал под кличкой «Чопур» — «Щербатый», в своем вагоне увез, вызволив из баиловской тюрьмы. Сейчас «Чопур» большой человек в Москве. С Лениным на короткой ноге. Так что, может, и вернут они, большевики, Мамед Эмина вместо Нариманова, который нынче также в Москве? Сейчас Нариман вместе с Лениным правит Страной Советов.

Куда мчит паровоз истории? К коммунистическим зорям, отвечают большевики. Оказалось — в пропасть. Об этом тоже предупреждали. Но

как можно было услышать эти предупредительные сигналы на разъездах, когда все охвачены кругом таким энтузиазмом, такой верой во всеобщее счастье и благоденствие: «Даешь коммуно!» И — всё.

*

Такая вот жизнь пошла. Ничего не поймешь, ничего не поделаешь и никуда не денешься. Радоваться надо, что волна бедствий, нахлынув, все же пощадила. Живы как-то. Еще...

Некогда большая семья Кашкаев распадалась прямо на глазах. Мир-Джамал переберется вскоре в Баку, станет преподавателем в мединституте. В Рахшанде влюбится Фаррух Рафибейли (двоюродный брат Худадат-бека, того самого, что губернаторствовал в Гяндже при АДР — Азербайджанской демократической республике, которую упоминать нынче небезопасно). Однажды она соберет свои девичьи пожитки и исчезнет вместе со своим возлюбленным...

Семья перебивалась случайными заработками. Впрочем, в Гяндже теперь мало кто жил иначе.

Торговля, кормившая древний город, обувавшая и одевавшая гянджинцев, принесшая славу и благополучие городу, была объявлена спекуляцией и сурово каралась на основе революционного закона.

«Слышали, сын-то покойного Сеид-Али, богача среди богатеев, музыкантом заделался, на свадьбах на жизнь себе зарабатывает».

То была правда. Мир-Али в свои неполные 15 лет зарабатывал на жизнь всей семье. Он сам научился играть на таре, а затем и на кларнете. Послушав худощавого мальчика, старый еврей, школьный учитель, подозвал его к себе, усадил за обшарпанное пианино, оказавшееся в учительской после всеобщей конфискации и покорно служившее педагогическому коллективу в качестве подставки для чернильниц и свертков.

— Ну-ка, попробуй, сыграй то, что ты на таре исполняешь.

Мальчик осторожно прикоснулся к клавишам, побренчал несколько минут, вслушиваясь в гамму звуков, и... заиграл «Сары гелин» — сперва одним пальцем. Потом стали звучать аккорды. К окончанию школы он уже играл на пианино так же хорошо, как и на таре. Позже освоил и скрипку. (Музыкальность — фамильная черта Кашкаев. Ага-мир, погибший в 14 лет, был, несомненно, одаренным мальчиком, о чем не уставали вспоминать Мир-Али и Рахшанде. Мир-Таги, брат будущего академика, на кяманче

играл профессионально.)

У мальчика — абсолютный слух, сказал старый еврей. И посоветовал родственникам отвезти его в Баку к Узеир-беку, собирающему по всему Азербайджану одаренных людей. Что и говорить, надо бы перебираться в большой город. И не только ради музыкальной школы — там никто никого не знает, потому как все приезжие. А то уже ползает злорадный слушок по Гяндже: «Богатеи-то, купцы бывшие, по-прежнему живут припеваючи. Откуда денег у них столько: и на жизнь, и на учебу? Ясное дело — либо припрятали золотишко в кувшинах, либо из Стамбула бежавшие родственнички шлют».

После таких разговоров Мир-Джамала забирают в бывший губернаторский дом, откуда он возвращается поздно, осунувшийся, усталый. Однако возвращается. Другие бесследно исчезают. Тетушка Бильгеис-беим уверяет, что такая исключительность связана с двумя вещами: сеидством ее домочадцев и назирами (жертвоприношениями), которые она спешит отнести в «Имам-заде», когда глава семьи вместе с человеком в кожанке исчезает за углом.

— Над нами — святой дух Мухаммед-Сеида! — восклицает она громко, когда Мир-Джамал устало переступает порог. Увы, это ее мнение мало кто разделяет. Свое восклицание старушка повторяет как заклинание, по несколько раз и даже на следующий день с таким расчетом, чтобы об отношении Всевышнего, явно симпатизирующего ей и ее семейству, стало известно всему двору, всем новым жильцам, всему кварталу, как можно большему числу гянджинцев. Поскольку неизвестно теперь, кто друг, а кто недруг, кто сострадает твоим горестям, а кто злорадствует.

Наступили трудные времена.

В души людей вселился страх, как после землетрясения, — ты жив, дышишь под развалинами, но неведомая сила лишила тебя всего, кроме дыхания. И жестокая, слепая стихия может вновь соединить небо с землей, забрав у тебя последнее — жизнь.

Старая эпоха умерла — как вдруг перевернулся дом, и в одночасье все, кто были внизу, вдруг оказались наверху и принялись топтать, унижать и преследовать бывших «верхних»...

В городе правит вчерашняя голытьба, угрожающая покончить с капиталистами не только в Гяндже, но и вообще, а точнее, во всемирном масштабе. И эта перспектива очень нравится молодым. В самом деле, если отобрать у капиталистов всё, что они наворовали у простого народа, и

поделить поровну между остальными, наверное, всем достанется и, таким образом, не будет ни бедных, ни богатых.

— Может, тогда некому будет завидовать? — рассуждает по вечерам тетушка Бильгеис-беим, поглядывая на дверь и медленно перебирая четки. — Ведь если хорошо подумать, все беды на земле от этой человеческой страсти — зависти. Зависти и гордыни.

Однако Мир-Али трудно с этим суждением согласиться. Чему завидовать-то? У него ни отца, ни матери, отобрали всё, что можно было отобрать. И ютится его семья в двух комнатах того самого особняка, который много лет назад отстроил на зависть всему городу купец Сеид-Али. Так решила специальная комиссия по инвентаризации всей недвижимости купеческой Гянджи.

После того как реквизировали в пользу трудового народа все дома, виллы, особняки, комиссия принялась за имущество богачей, «начиная с ложек и заканчивая коврами, не упустив при этом покрывала и кастрюли», — свидетельствует очевидица тех событий, внучка бакинского нефтепромышленника Мусы Нагиева, французская писательница Банин в своей знаменитой книге «Кавказские дни».

Словом, в течение считанных дней семья бывшего купца Сеид-Али стала частью Гянджинской бедноты. Впрочем, запомнилась Мир-Али фраза, сказанная вдогонку: «Больно живуче это племя. Торговать запретили, они за музыку! Опять же — без них народу не прожить...»

Фраза брошена в спину. Как стрела, начиненная ядом. Колочий взгляд ехидны. Зейдулла. Тот самый, что еще недавно разносил на базаре чай. Теперь заделался коммунистом. Ходит в хромовых, скрипучих сапогах с маузером на боку — важным начальником заделался. Посыльный Ильхам, который всегда при нем, так его и величает: «Раис!» Раис Зейдулла может кого хочешь на базаре схватить за шиворот и приволочь в низенький дом, где раньше стоял городской и где сейчас размещается милиция. Он может также исступленно выкрикивать лозунги на городской площади, когда собирается народ, то по случаю кончины великого вождя, то в весенний день первого мая, объявленный праздником всех трудящихся. Войдя в раж, он выхватывает из кобуры свой маузер и, размахивая им, грозит «добить всех буржуев, капиталистов, ханов, беков и их приспешников-мулл!».

Многие с завистью поглядывают на Зейдулла, мечтая о хромовых сапогах и маузере, — что твой нарком! Но для этого прежде всего надо записаться в партию большевиков, что не так-то просто. Надо иметь пролетарские корни. На худой конец — крестьянские. И когда только успел Зейдулла, мальчик на побегушках, заделаться пролетарием, войти в доверие

к большевикам? Как ему это удалось? Не делится ни с кем своим секретом раис. Только многозначительно намекает на то, что при царе и мусаватистах он не только чай разносил на базаре, но и расклеивал по городу прокламации. А главный аргумент в пользу его революционной юности — драка с приставом, после чего ему пришлось бежать из Гянджи.

Имел место тот подвиг или нет — никто не помнит. Вписать такое в свою биографию не каждый решится, хоть царя и нет в живых. А что если сказки все это, басни? Возьмет и вернется на свой престол царь! Что тогда?

И все равно, что бы там ни говорили, а нет ни в Зейдулле, ни в тех, кто стоит рядом с ним, ничего такого, что вызывало бы у Мир-Али что-то похожее на зависть.

Пройдет много лет и, насмотревшись на то, как одни и те же люди подлаживались сперва под мусаватистов, а потом перекрасились в красных, на то, как именитые ученые, часто даже талантливые, заискивали поочередно перед партийными вождями, хотя, по большому счету, в том и не было особой нужды, академик М. Кашкай скажет: «Приспособленчество, конформизм — худшее из всего, что засело в нас и сам не знаю когда. Да только ли в нас одних? Чехов-то ведь тоже о том же писал, когда предлагал выдавливать из себя раба. Так что приспособленцы не имеют национальности»^{4}.

*

Одно хорошее у новой власти — учит грамоте всех, независимо от того, пролетарский ты сынок или бекский наследник. Учеба в школе бесплатная. А учиться, копаться в книжках Мир-Али любит более всего. Может, больше, чем свой любимый тар. И еще нравится людям, что театр открыли. Мир-Али тут же зачислили таристом в оркестр.

На седьмой день недели (воскресенье теперь не по пятницам, как раньше, а после шянбя — субботы) приглашает он в театр своих друзей и родственников: смотрите — на сцене целый мир, не знакомый всем нам. Помимо нового мира, который открывается за бархатной занавесью, родня смотрит и на Мир-Али — руководителя оркестра. Работа эта серьезно поправила материальное положение семьи.

Любовь к театру у него останется на всю жизнь, а музыкальные способности он передаст по наследству детям. Чингиз, его первенец, в 60-е годы, будучи студентом геофака Азгосуниверситета, получит известность блестящего джазиста-саксофониста, а Хабиба, старшая дочь, станет

профессиональным музыковедом. Но — это впереди. А пока...

*

Каждую весну в Гянджу приезжает агитбригада из профессоров, педагогов, ученых разных — зовут учиться в Баку.

— У нас земля богатая, — рассказывает седой профессор в очках. — Нефть, газ, медь, уголь. Поискать, много чего найдется. Добывать нефть научились, а вот искать — нет. А может, здесь, у нас под ногами, в Гянджинской земле тоже имеется нефть? Кто-нибудь интересовался, есть тут вообще полезные ископаемые?

Нет, ни Мир-Али, ни его друзья ничего об этом не слышали.

— Жаль, друзья мои, жаль! Представьте...

И далее следует рассказ об экспедициях в горах, романтической жизни в палаточных городках под луной. «Мы любим наши горы, реки, леса, слагаем песни о них. А что под ними — мало что знаем...»

Рассказывали гости из Баку не только о нефти и профессии нефтяника. Приглашали стать учителем, уверяли, что нет ничего лучше математики, загадочных чисел, цитировали Низами и Физули, звали окунуться в мир поэзии, стать филологом, а еще лучше заняться исторической наукой. Кому, как не ему, новому подрастающему поколению, сесть за написание истории своего края?

Многие тогда решили стать педагогами — учитель всегда пользовался особым уважением в народе...

«Раз бесплатно учат наукам, значит, им грамотеи нужны. Ученые люди всегда в почете были, хоть при ханах, хоть при царе. Но только большевики решили сделать всех грамотными и образованными».

Так рассуждала отверженная революцией бывшая знать. Разумеется, та часть, что осталась жива.

Мир-Али покидает Гянджу. В Баку он ищет не только спасения от косых взглядов, злорадного шепота, откровенных доносов, бесконечным ручейком стекающих в бывший губернаторский дворец. Здесь можно продолжить учебу, получить образование.

В 1924 году, когда он заканчивал бакинскую школу № 5, его как талантливого музыканта-самородка представили великому Узеир-беку. Прослушав юношу, он тут же зачислил его в консерваторию: «Учись, сынок! Я уверен — первоклассным скрипачом станешь!»

Но к этому времени Мир-Али уже определил для себя свое будущее —

он станет горным инженером. Некоторое время он ходит в консерваторию, музицирует на скрипке по классу профессора Эйдлина, но вскоре подает заявление с просьбой о зачислении на первый курс геолого-разведочного отделения горного факультета Азербайджанского государственного политехнического института^[5].

Этот институт родился буквально на второй день после установления советской власти. В конце апреля ее провозгласили в Баку, а в мае Н. Нариманов, председатель Азревкома, подписал акт о создании Комитета по организации высшего политехнического института. 13 ноября того же года был уже учрежден Бакинский политехнический институт. К началу занятий в институте работали шесть профессоров, 54 преподавателя и два ассистента. Баку обратился за помощью в Центр. Из Москвы, Киева, Харькова и других городов прибыли многие известные ученые, преподаватели. Среди них Н. А. Дубровский (первый ректор), П. К. Жузе, Л. Г. Гурвич, А. С. Щепотьев, Д. Д. Гадаскин и др.^[6]

1925 год, сентябрь. Золотая пора высшей школы Азербайджана: еще нет экзаменов, незачем и некому давать взятки и «табшевовать» — подключать знакомства. Зато в фаворе — молодежь пролетарского происхождения. (С 1924 года введен запрет на прием в вузы для выходцев из «ненародных» классов.) Стране Советов нужны кадры, а молодежь, в массе своей, не приучена сидеть за партой. Так что желающих не так много. В политехническом учится чуть больше тысячи студентов, азербайджанцев — несколько десятков. Студенты все время «ищут себя», переводясь с одного факультета на другой. Войдя в аудиторию будущих архитекторов, можно выйти с дипломом нефтепромысловика.

Группа студентов первого курса геолого-разведочного отделения насчитывала около тридцати человек. Треть из них, как и Мир-Али, была принята сразу после окончания десятилетки. Это 17—18-летние юноши. Остальные — бывшие нефтяники, рабочие, служащие советских учреждений, словом, люди с жизненным и практическим опытом. Некоторые из них имеют незаконченное среднее образование в объеме 7—8 классов.

Итак, вторая половина 20-х годов. Страна приступает к практическому строительству социализма. Необходимы запасы минерального сырья. Нужно выяснить геологическое строение огромной страны, и в ней — Азербайджана.

Баку богат нефтью. Но утверждают, что в недрах земли здесь скрываются несметные сокровища. Республика же в геологическом

отношении — сплошное белое пятно. Кадров научных нет, инженеров также. Потребность в геологах велика. Это позже в СССР стали готовить геологов по специальностям от 001 до 006. А тогда такого дробления не было. Специалистов готовили примерно так же, как принято было в Горном институте дореволюционной России: выпускник мог быть геологом, горным инженером, инженером по технике безопасности, маркшейдером и пр. Правда, в Баку на весь учебный процесс накладывал свой отпечаток нефтяной профиль республики, развитость нефтяной геологии, ее теории и практики.

«Я выбрал то, что необходимо было для работы геолога», — скажет позже М. Кашкай. А в справке, выданной ему по окончании политехнического, будет сказано, что он «прослушал полный курс производственного обучения на геолого-разведочном отделении горного факультета и как выполнивший все требования учебного плана... удостоен звания горного инженера по геологоразведочной специальности»^[7].

Почему он выбрал геологию? Интуиция? Призвание? Зов судьбы?

Много позже с его слов некий журналист в составленном к юбилейной дате биографическом очерке напишет: «Частые поездки в Дашкесан, в Хачбулаг, Аджикенд, Гей-Гель, Чирагидзор привили М. Кашкаю интерес к причудливому строению высоких гор, пестрой окраске и составу слагающих их минералов и руд».

А может, рано повзрослевшего юношу привлекла возможность заняться делом, которое никак не соприкасается с повседневной общественной жизнью, насквозь пропитанной политическими интригами?

Горы, наука и он. И никакого злословия. Что может быть лучше этой доли после того, как мир перевернулся?

«Между прочим, сам термин «геология» впервые был применен в XIV в. кельнским архиепископом Брюнном в книге «Филобиблион». Сей духовный отец утверждал, что существуют только две науки — теология и геология. Теология — это все о боге, о бессмертии, о жизни неземной. Геология же, напротив — все о земной жизни, включая не только все естественные науки, но также историю, этику и эстетику. Но это я узнал уже в зрелом возрасте. К профессии же своей я, скорее всего, шел интуитивно, меня к ней вела любовь к природе, привитая детскими наблюдениями за причудливыми красками Кяпаза. Мне всегда доставляло какое-то особенное удовольствие бродить по горам. Можно сказать, большая часть моей жизни прошла среди скал, гор, каменных глыб. Я мог бы стать зоологом, ботаником, географом, работая с одинаковым увлечением. После окончания школы я руководствовался побуждениями

более очевидными — геология была актуальнее, страна остро нуждалась в полезных ископаемых, нужны были геологи. Для них открывались широкие возможности путешествий, исследований в малоизученных районах страны.

...Я избрал геологию. Помимо любви к природе, у меня в юности созрело желание быть полезным Родине. Выбор профессии оправдал мои юношеские стремления и надежды. Это и есть счастье».

Он верил в богатства азербайджанской земли, и самой большой мечтою его было открыть их людям, своему народу. Сегодня, возможно, это звучит громко. Но о том же говорили и к тому же стремились в свое время его великие современники: Узеир, Вургун, Мамедалиев — лучшие из азербайджанцев.

Заметьте также, не о славе мечтал молодой человек — о служении Отчизне. Без высокой цели не может быть великих дел.

Из воспоминаний Асафа Алиева, доктора геолого-минералогических наук:

«Его эпоха была богата на имена. Посмотрите, в каком созвездии великих людей он рос, набирался знаний и опыта: Ферсман, Левинсон-Лессинг, Белянкин, Яншин. Это же совершенно непостижимый, я бы сказал, космический уровень информации. Разумеется, не надо забывать и о следующем: со светилами общаются многие. Не всем, однако, удастся взойти на научный небосклон, ярким светом озарить тайны природы. В этом и состояло его счастье, Кашкая ученого, геолога. Природа пробудила интерес в нем к тайнам Земли. А великие геологи были его путеводной звездой в его научных исканиях, которые он не прекращал даже на смертном одре. И в этом беззаветном служении науке также видится влияние его великих учителей. Он не мог быть иным».

Горы, эти тысячелетние книги Природы, на каменных страницах которых написаны сокровенные тайны мироздания, он будет учиться читать до конца дней своих.

Для кого она копит и прячет свои богатства миллионы лет и кого она ждет, чтобы отдать их ему?

Такой вот у него личный вопрос к ней, Природе...

*

Мир-Али определился не только с будущей профессией.

Под заявлением подпись: Мир-Али Сеид-Али оглы Кашкай. Эту фамилию во время всеобщей паспортизации Азербайджанской ССР он выбрал себе сам. Много лет назад, еще в царские времена, в 1897 году, когда в Российской империи проводилась перепись подданных его величества императора Николая II, новые фамилии жителям окраин подбирались по имени предков или роду занятий.

Вот тогда-то Мир-Али так же, как и два других его брата, Мир-Джамал и Мир-Таги, восстановил родовую отметину.

Будущий ученый документализировал свое происхождение. Романтизм молодости? Скорее склонность к научной фиксации, точности. К тому же новая фамилия в бюрократическом государстве словно бы меняет человеческое обличье. Были в Гяндже отпрыски купца Сеид-Али да разбежались кто куда, прописавшись по новым адресам с новыми фамилиями.

В Баку до него, Мир-Али Кашкая, никому и дела нет. Даже во дворе дома, где живет Мир-Джамал. Известно лишь, что Мир-Джамал преподаватель мединститута, а Мир-Таги и Мир-Али, его младшие братья, учатся и работают. Знают, что они родом из Гянджи (без этого, без указания, из каких земель человек — карабахских, шекинских, шемахинских и т. д., — не обойтись). И все. Никто не косит глазами, не шепчет. А главное, не пишет куда надо.

Это просто удивительно в стране, где все самозабвенно ищут бывших беков, буржуев — врагов народа в надежде таким простым способом расширить собственное жилье или заполнить чью-то приглянувшуюся дочь, жену, или просто отомстить обидчику. Для этого достаточно черкнуть несколько строк в органы: милицию, ГПУ, рабоче-крестьянскую инспекцию, прокуратуру и другие надзирающие организации, подобно ловушкам, расставленным по всем населенным пунктам, от столичных городов и до горных аулов. А над всеми ними возвышаются партийные органы — от Центрального комитета в Баку и в Москве до парткомов и партячеек в школах и мастерских. В «Азгорнохимтресте», куда юноша поступил на работу, параллельно слушая лекции в политехническом. Позже этот вуз станет знаменит на весь Советский Союз, и даже в мире о нем заговорят как о кузнице инженеров-нефтяников.

(Название института неоднократно менялось: с 1920 по 1930 год он назывался Азербайджанским политехническим институтом, причем с 1929 года постановлением Совнаркома СССР получает статус общесоюзного; в 1930 году становится Азербайджанским нефтяным институтом им. Азизбекова, в 1931 году — награждается орденом Трудового Красного

Знамени и вновь переименовывается в Азербайджанский индустриальный институт им. М. Азизбекова, а через несколько десятилетий преобразовывается в Азербайджанский институт нефти и химии.)

Мир-Али в полевых партиях — сначала как бы на подхвате, помогает инженерам чем может. Добросовестного и любознательного юношу включают в экспедиции геологов, где он быстро начинает овладевать искусством ведения геологической съемки. Начинаящий горный инженер сразу усвоил — это то в его профессии, без чего нет самой геологии. И еще он понял точно, что открылось ему в жизни: никто и ничто не поможет, если не научиться рассчитывать на себя, на свои собственные силы.

Везде, при любой власти, при любых обстоятельствах, это остается главным.

*

— Автобиографию? Пожалуйста! Родился в Гяндже в 1907 году, 7 января. Отец скончался в 1906-м, мать — в 1919 году. Окончил школу, поступил в институт. Прошу зачислить стажером геологической экспедиции. Вот и всё.

— Для кого геология — сплошная романтика, а для кого — наука, сплошь состоящая из государственных секретов. Азербайджанская ССР — богатая страна. Но о богатствах ее — нефти, газе, угле, руде, золоте, серебре, меди — где, сколько чего, никто не должен знать. Секрет! Таким образом, любой человек, допущенный в геологическую экспедицию, становится потенциальным обладателем важных государственных тайн. Так что извольте, молодой человек, представить автобиографию. Собственноручно. Газеты читаете? Небось слышали о вредителях? О, они везде — в шахтах, цехах, на полях, в лабораториях. Что товарищ Сталин об этом говорит? Он учит, что наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства. Отсюда и единственная политика советской власти — политика разгрома активных вредителей...

Без всякой шпаргалки кадровик шпарит наизусть цитаты.

— Уловили, молодой человек?

Стажер Мир-Али Кашкай давно уловил специфику времени: большевизм, как и любая новая сила, старается переделать существующие символы, скомпрометировать их, уничтожить или исказить их

первоначальное значение. Старые кадры, сословия, идеи должны быть отброшены. А вместе с ними и те, кто цепляется за них.

Стажеру Кашкаю не надо искать пролетарские и истинно крестьянские корни своего социального происхождения, чем занято большинство служащих в молодой республике. Сирота и есть сирота. К тому же он любит свою трудную работу. Готов ходить по горам с тяжелым геологическим снаряжением целыми днями. Аккуратен, заносит в тетрадочку нужную информацию. По вечерам, когда экспедиция собирается у костра, геологи любят послушать, как звенит его тар. Не звенит — поет. Настоящий концерт. Не стажер — находка. Через год его знает весь институт. Его статья о студенческой практике привлекла внимание. Кашкай — отличник.

После первого курса, когда студенты выбирают место студенческой практики, М. Кашкай решает ехать в Донбасс. «Очень хотелось побывать и поработать в настоящей шахте!» Вскоре начинающего геолога определяют в состав экспедиции, направляющейся в Дашкесан. Он, студент-практикант, зачислен в экспедицию в качестве исполняющего обязанности геолога.

Это начало геологического пути. Он приводит юношу на последнем курсе и вовсе далеко — на Урал. Там-то он и напишет свою дипломную работу «Геология и полезные ископаемые Кизил-Кубахского района в бассейне Урал-Пермь».

В Баку его уже знают как инициатора создания кабинета минералогии и рудных месторождений в политехникуме им. Н. Нариманова. Об этом начинании студента горного отделения написано даже в газетах. Одно плохо — учебников не достать. Выход один — конспектировать лекции, встать в библиотечную очередь, а еще лучше — устраивать дискуссии на семинарах, в ходе которых двухчасовки продолжаются на перемене. Его цель не диплом, а знания. К третьему курсу, когда начнется специализация, студенты должны определяться — нефть или петрография.

Кашкай уже фактически инженер-геолог в «Азгорнохимтресте». Его знают в Дашкесане, он облазил Кельбаджар, где вышел на минеральные воды Исти-Су. Последнее станет увлечением всей его жизни. На кафедре посоветуют взять подготовленный им реферат за основу при написании дипломной работы. Он изучит всё о лечебных водах Европы, России. Параллельно собирал материалы по дашкесанским месторождениям, рассчитывая в течение ближайших лет расширить географию своих исследований. Он понимает, что геологическая карта Азербайджана только формируется, и готов активнейшим образом включиться в эту научно-практическую исследовательскую работу. Он уже тогда приступит к

проведению геологоразведочных работ на крупном месторождении алунита в Дашкесанском районе — проблема, которая займет особое место в его научной деятельности.

Не тогда ли, в нелегкие 20—30-е годы, он сформулировал свое жизненное кредо, выраженное поэтически, но с конкретной целевой установкой, что, несомненно, отражала свойственный ему в юности нравственный максимализм: «Крылья имеют многие птицы. Но не каждой из них удастся взмыть высоко, на недостижимую высоту».

Он будет часто возвращаться к этому образу в своих раздумьях, в откровенных беседах с учениками, детьми. И каждый раз эта жизненная формула будет наполняться новым смыслом и содержанием.

Тогда, в далекой юности, он выбрал свой путь. И знал, что главное — не останавливаться: взлетевший должен летать.

Простая, казалось бы, истина, но, чтобы ее понять, многим не хватает жизни.

*

Советская власть решила покончить с неграмотностью.

Кашкай, ежедневно совершающий утомительные поездки в Биби-Эйбат к рабочим-нефтяникам, с каждым днем убеждается, что ничего фантастического в этом социальном замысле нет.

Его старший брат Мир-Таги, закончивший к тому времени также политехнический, с группой таких же, как и он, молодых специалистов совершает регулярные выезды в отдаленные районы республики — агитирует молодежь учиться. Перед юношеским напором и азартом отступают даже вековые предрассудки — родители доверяют совершенно незнакомым людям из города забирать с собой в город на учебу даже девушек!

Сколько их, сельских парней и девочек, стали благодаря энтузиазму таких, как Мир-Таги, техниками, инженерами, врачами, педагогами?!

Ничего подобного на азербайджанской земле никогда не было. Народ, только что вышедший из феодального прошлого, из пожара Гражданской войны, разрухи, голода и холода, словно одна большая семья, сел за парты. Грамотные учили остальных, всем миром тянулись к знаниям. Тогдашние азербайджанские интеллектуалы пошли в народ.

Это был редчайший час единения народа. Если когда и посещало республику чувство социальной ответственности, то, наверное, в эти

непростые дни всеобщего обучения грамоте. В те годы, собственно, и закладывался фундамент нового Азербайджана, который тогда назывался Азербайджанской Советской Социалистической Республикой.

К 1927 году в организованных повсеместно пунктах по ликвидации безграмотности научились писать и читать свыше 100 тысяч человек.

Для Кашкая, как и для многих его товарищей, студентов, это начинание стало школой, если так можно выразиться, практического патриотизма, патриотизма на деле, без громких слов и красивых жестов. Тогда чуть ли не каждый день приносил новость, которая окрыляла, вдохновляла, питала надежды на лучшее.

Провели электричку, соединившую нефтепромысловые районы с центром города!

На Биби-Эйбате под руководством инженера Потоцкого засыпали бухту — вручную, лопатами да тачками! Это, по существу, первая в мире попытка добыть морскую нефть!

Открыты новые месторождения в Локбатане, на древнем острове Пираллахи!

Эх, большевики-большевики, если б не ваша классовая борьба, не репрессии да казематы! Впрочем, иногда думалось: а какая власть мирилась с политическими противниками?

Да, при всем том, это было удивительное время.

В Баку съезжались ученые, способные создать научную школу. В Бакинском политехническом начинал свою научную деятельность знаменитый физик, отец советской атомной бомбы Игорь Курчатов. Среди первых профессоров — основоположник подземной гидравлики, будущий академик Леонид Лейбензон, будущий член-корреспондент АН СССР Константин Красуский.

Бакинский политехнический после М. Кашкая даст путевку в жизнь Н. К. Байбакову (будущий сталинский нарком, бессменный председатель Госплана СССР), С. А. Оруджеву (будущий министр газовой промышленности СССР), А. Ализаде, Ш. Азизбекову, Ш. Мехтиеву — будущим академикам, основоположникам азербайджанской геологической школы. Целая плеяда известнейших имен, могучая кучка азербайджанской научной геологической мысли.

Такова уж роль нефти в истории человечества. Тесно сплетенная с мировой политикой, она заслоняет все остальное. Даже золото и бриллианты Аляски и Сибири меркнут перед ее могучим мифическим образом. Какой же научной силой надо обладать, чтобы в условиях общей нефтемании утвердить и развить собственное направление в геологии,

равное по силе, глубине разработки нефтяному делу! И это притом что дорога в науке была отнюдь не гладкой...

«В 30-м он вынужден был уехать в Ленинград. До него перебрался в Москву Мир-Джамал...»

С чего бы это? Уже и тема научной работы была определена, и Мир-Али Кашкай был нарасхват у геологов-практиков. И вдруг вызов в кадры.

«Тут вот информация поступила...»

Кадровик, застегнутый наглухо в сталинский френч, смотрит куда-то мимо:

«Дело, разумеется, не в информации, это так, всякие небылицы. Но вы молоды, Кашкай, у вас все впереди. С родственниками своими будьте осторожны. О вас хорошо отзывается руководство. Говорят, у вас большое будущее. Именно поэтому осторожность вам не помешает».

У него не было врагов. Возможно, были завистники. В науке, как и в литературе, театре, кино, без этого не обходится. Но Кашкай умел располагать к себе людей. Он был мягок, незлобив, интеллигентен.

*

К 1930 году вдруг заговорили об обострении классовой борьбы. Вспомнили об азербайджанской эмиграции, окопавшейся в Турции и налаживавшей связи с притаившимися недобитыми классовыми врагами.

— Раз нашли недобитых, значит, будут добивать, кто под руку попадет! — комментировали остряки речь нового республиканского вождя Мир-Джафара Багирова.

О нем в республике знали не понаслышке — кадровый чекист, бывший руководитель ОГПУ, прозванный своими товарищами «Дяди сеидом», что значит «Сеид сорви голова». Как стал партийным вождем, сразу нарекли его «Четырехглазым» — это опять-таки остряки, число которых вскоре поубавится. А подхалимствующие партработники величают его по-своему: «Хозяин».

«Не к добру все это», — все чаще думает главный геолог «Азгорнохимтреста» М. Кашкай, стараясь как можно глубже уйти в работу. И тут ему в очередной раз везет — в горах Дашкесана он узнает о наборе аспирантов для учебы в Москве и Ленинграде. Первый набор аспирантов в Академии наук СССР!

Он, несомненно, подходит по всем статьям: молод, образование высшее, стаж практической работы имеется, русским владеет как родным,

но понимает, что воспользоваться этой возможностью будет непросто. С особой тщательностью он работает над заявлением, зная, какое значение сейчас придается такого рода документам — каждая строка, каждое слово будет рассматриваться едва ли не под микроскопом.

«В Академию наук СССР.

Прошу зачислить меня на Подготовительное отделение для аспирантов.

Я окончил весной 1930 г. Азербайджанский политехнический институт, геологическое отделение горного факультета. Работал в 1928 г. в Донецком бассейне, летом 1929 г. на Урале в геологических разведках. С июня текущего года работаю на геологической разведке при Дашкесанских рудниках начальником геологоразведочной партии.

При сем прилагаю: анкета (с отзывом руководителя занятий по петрографии), удостоверение об окончании института, отзыв профессора Везирова, удостоверение о социальном положении».

Да, требовался и такой документ. И он был не менее важный, чем копия диплома об окончании вуза. И такая вот подробность не лишняя:

«Я работал в музыкальных и шахматных кружках для рабочих, как организатор. Участвовал на производственных совещаниях на Биби-Эйбатских нефтяных промыслах. Учил грамоте нефтяников, делал доклады об индустриальной пятилетке Союза, в частности, о пятилетке нефтяной промышленности...»^{8}

Будущий научный работник должен подтвердить свою общественную активность, участие в жизни рабочего коллектива. И дальше в заявлении — тревога, нескрываемое опасение.

«Я имею возможность прислать пока только вышеперечисленные документы, так как интенсивная работа в горах не оставляет мне возможности выехать в Баку, чтобы достать соответствующие документы. Надеюсь, Комиссия примет во внимание дальность расстояния и мою загруженность ответственной работой, которую я не смог покинуть хотя бы на 3 дня.

Я надеюсь, что мое горячее желание получить высшую квалификацию по геологии, специально по петрографии, будет поддержано Комиссией. Если же какие-либо документы будут сочтены необходимыми для

подтверждения анкеты, то прошу из-за формальных упущений не отказывать мне в моем ходатайстве, а **принять хотя бы условно** (выделено мной. — Р. А.), потребовав немедленную доставку соответствующего документа.

Ввиду того, что я нахожусь очень далеко, прошу результаты рассмотрения Комиссией моего заявления, а также вопросы требования направлять моему брату, работающему в Москве, который обеспечит быстрое уведомление меня. Адрес: Москва-69, Трубниковский переулок, 30, кв.12»^[9].

Все лето он мечется между Загликом и Баку, шлет телеграммы в далекий «Уралуголь», по крупницам собирая справки, содержание которых у нынешних читателей может вызвать, мягко говоря, недоумение: в аспирантуру института петрографии стремится попасть молодой человек, не в разведшколу же Красной армии! Но горный инженер М. Кашкай прекрасно знает, что такое справка о социальном происхождении и свидетельства с печатью, подтверждающие каждый факт в ней. Не представил заверенного печатью документа — значит, или что-то скрываешь, или уклоняешься от общения с трудовым народом, живешь своей жизнью и для себя, а советские люди сильны коллективизмом.

И летят в Москву, в Трубниковский переулок, 30, к Мир-Джамалу, а оттуда в Ленинград телеграммы кандидата в аспиранты Мир-Али Кашкая:

«Прошу приложить к моим документам присылаемую при этом справку о моей общественной работе (по ликвидации неграмотности), выданную Группкомом Союза работников просвещения... удостоверение из «Уралугля» от 1929 г. о моей работе... справку от завкома Загликского квасцового завода о моей общественной работе... справку о преждевременной кончине матери...»^[10]

Его заявление с просьбой отправить в Ленинград для повышения своих теоретических знаний, подготовки кандидатской диссертации ни в Дашкесане, ни в Баку никого не удивляет: если не Кашкай, то кто же...

*

«Оформить Кашкая Мир-Али Сеид-Али оглы аспирантом Института петрографии». Директор института Левинсон-Лессинг Ф. Ю.^[11]

Вроде бы все — победа! Цель достигнута! Ан нет — вызывают в Комитет по подготовке кадров. Есть вопросы...

Первый из них — аспирант Кашкай не успел сдать экзамены по диамату и истмату. Диалектический материализм и исторический материализм уже к тому времени были главнейшими предметами в любом вузе. Без них продолжить образование в аспирантуре было невозможно. И дело было не только в экзаменационных оценках — можно было прослыть аполитичным или и того хуже — сторонником буржуазной философии.

И Мир-Али садится писать заявление, первое в Ленинградском петрографическом институте:

«Будучи на разведочной работе в Закавказье, в семидесяти верстах от гор. Гянджи, сообщение Комитета по подготовке кадров о зачислении меня кандидатом в аспиранты я получил лишь 10 октября, а в Ленинград успел приехать 29 числа. В промежутке же этого времени я выполнял и сдавал ответственную работу, возложенную на меня Азербайджанским отделением института прикладной минералогии, о чем могу представить оправдательный документ в течение десяти дней. Ввиду этого я не мог подготовиться к испытаниям по диамату и истмату, потому прошу принять во внимание мое положение и, зачислив меня аспирантом подготовительного отделения, допустить к занятиям с 1 ноября, а также дать отсрочку по вышеупомянутым предметам до января месяца следующего года»^[12].

«Заявление принято к делу. Но это еще не все. Есть еще один вопрос. Тут письмо пришло... Кстати, оно поступило до вашего появления в институте. Письмо анонимное, мы ему хода не дадим. Но содержание... — Кадровик поморщился. — Примите к сведению и постарайтесь сделать так, чтобы таких писем в отношении вас больше не было, — у нас работы поубавится, у вас — неприятностей».

«И тут достали...» — уныло подумал Мир-Али. Аноним спрашивал у руководства далекого ленинградского института: зачем растить ученого — недобитого буржуя?

«Продублируйте справку о социальном происхождении», — напомнил на прощанье кадровик...

На следующий день в Комиссию по аспирантам поступает записка за подписью академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга:

«Сообщаю, что аспирант Кашкай Мир-Али зачислен в Петрографический институт и что непосредственным его руководителем

будет профессор П. И. Лебедев»^{13}.

Франц Юльевич конечно же знаком с неожиданным посланием «доброжелателей» Кашкая! По счастью, любитель эпистолярного жанра предпочел остаться неизвестным. По своему жизненному опыту профессор знает — жертвой подметных писем становятся люди талантливые и порядочные. Не дело ученого тратить время на анонимотворчество всякого рода завистников, как правило, безнадежных неудачников...

Через некоторое время сформулирована и тема диссертации: «Геолого-петрографический очерк района минеральных источников Исти-Су и их геохимическая характеристика».

...Они вновь встретились в знакомом уже нам кабинете — академик Франц Юльевич Левинсон-Лессинг и аспирант Мир-Али Кашкай.

— Не согласитесь ли быть моим руководителем?

Профессор не удивлен просьбой новичка, но считает нужным предупредить:

— А вы поинтересовались у ваших более опытных коллег, сколько раз им приходилось переделывать свои работы?

Кашкаю об этом известно.

— Ну что ж, попробуем. Подготовьте, пожалуйста, план-разработку вашей проблемы.

Вскоре Левинсон-Лессинг представит своего аспиранта профессору П. И. Лебедеву, в паре с которым они будут осуществлять руководство научной работой Кашкая...

«Родился я шесть месяцев спустя после кончины отца. Ребенком потерял мать. Потому с 11 лет пошел работать. Сиротская жизнь и Первая мировая война лишили меня детства. И все же я никогда не падал духом. Не пугали меня никогда ни трудности, ни страдания, которые мне пришлось перетерпеть в жизни. Не жалею о молодости, потраченной на бесконечную борьбу с несправедливостями. При всем при том, оглядываясь на свой нелегкий жизненный путь, могу с удовлетворением сказать: мне везло на хороших, умных людей. Их у меня в жизни было гораздо больше, чем плохих, недостойных».

Это слова сказаны в 1967 году умудренным жизнью ученым^{14}.

А тогда, в далеком 30-м, когда садился на поезд, увозивший его в

Ленинград, он не мог не сказать себе: «А ведь я бегу от своего родного очага!»

Истинные причины и мотивы наших поступков и решений большей частью являются вынужденными. Не потому ли, оглядываясь на склоне лет на пройденный путь, мы то и дело поражаемся собственному легкомыслию и с детским увлечением строим наивные версии о том, что было бы, если...

Как сложилась бы наша судьба, если бы поступили иным образом?

Вряд ли кто сможет ответить на этот вопрос определенно.

Ахмеда Джавада, лучшего из азербайджанских поэтов начала XX века, после прихода большевиков к власти многие бывалые люди предупреждали, что ему лучше в данную минуту покинуть страну.

«Одних расстреляли, других посадили, третьих выслали, а я должен бежать?!» — возмутился поэт. *И* погиб.

Увы, в жизни самыми верными оказываются решения, лишённые поэзии и романтизма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕНИНГРАД, УЛ. КАЛЯЕВА, 21

Итак, 23-летний Мир-Али Кашкай легкой походкой шагает по Невскому проспекту. Поздняя осень в Ленинграде чем-то сродни бакинской — та же слякоть, дождь вперемежку со снегом, тот же холодный, порывистый ветер. Однако он не чувствует ни холодного ветра, ни луж под ногами. Он счастлив, молод, полон сил и близок к осуществлению своей мечты — что ему дурная погода?

Он ходит этим путем каждое утро — от дома 21, что на улице Каляева, и до Васильевского острова, где находится Ленинградский петрографический институт, обязанный своим рождением поставленной советской властью грандиозной задаче — подготовить армию специалистов для подъема экономики молодой социалистической республики. Знаменитый и единственный в стране Геологический музей имени Петра Великого в Ленинграде преобразован в два института — петрографии и геологии. Впрочем, чуть позже, в 1934 году, они оба будут перебазированы в Москву.

Страна, успешно завершив начальный этап индустриализации, приступила к осуществлению первого пятилетнего плана.

Из воспоминаний выдающегося советского геолога-нефтяника, академика А. А. Трофимука:

«В ходе воплощения в жизнь этого плана на Урал, Кавказ, в районы Сибири и Дальнего Востока были направлены сотни геологических экспедиций, партий на поиски и разведку главнейших полезных ископаемых (уголь, нефть, руды черных и цветных металлов, агроруды, стройматериалы). При укомплектовании этих партий и экспедиций остро ощущалась нужда в кадрах. В качестве коллекторов и даже прорабов привлекались студенты первого курса и даже юноши и девушки со средним образованием»^{15}.

Аспирант первого курса основного отделения Ленинградского петрографического института Мир-Али Кашкай только что представил своему научному руководителю, члену-корреспонденту Академии наук СССР, профессору Лебедеву свой план. В нем указаны темы и предметы, которые аспирант обязан выполнить и проработать в текущем учебном году.

Учебный год обещает быть напряженным. Прежде всего в течение

весьма короткого времени основательно будет повторен курс петрографии — учебные пособия «Курс петрографии» В. И. Лучицкого и «Курс петрографии» Ф. Ю. Левинсон-Лессинга. Далее следуют темы: развитие петрографии, соотношение между геологией и минералогией. Применение микроскопического метода, работы Сорбы, Циркуля. Качественный состав земной коры, количественный состав земной коры. Структуры горных пород. Развитие экспериментальной петрографии.

Всего двадцать научных тем, среди которых нельзя не обратить внимание на пункт шестнадцатый — проработка научной темы: «Алунитизация загликских туфитов в Азербайджане».

Завершает производственный план пункт о том, что на летний период следующего, 1931 года намечено участие аспиранта М. Кашкая в геологической экспедиции сроком на 3–4 месяца. Он должен изучить курс кристаллооптики и петрографии, физико-химические основы минералогии, геохимии. Одновременно необходимо освоить методику спектроскопических и рентгенографических исследований в применении к минералогии и петрографии. И особая статья — изучение методики экспериментальных физико-химических исследований в экспериментальной лаборатории под руководством профессора Д. С. Белянкина.

Этот перечень предметов и проблем заканчивается обязательством «к концу года научиться пользоваться специальной литературой на немецком языке (без словаря)».

В аудиторию к аспирантам приходят светила геологии, не только советской — мировой. Один из них — Дмитрий Степанович Белянкин. У него те же вехи в биографии, что и у Франца Юльевича: родился в 1876 году, учился в Юрьевском (ныне Тартуском) университете, где и остался работать в химической лаборатории. Затем ученый обосновался в Петербургском политехническом институте, вместе с другими выдающимися учеными был привлечен к работе Комиссии по изучению естественных производительных сил России, после революции принял активное участие в создании и формировании Петрографического института и Института геологических наук АН СССР.

Блестящий лектор, человек широкой эрудиции и высокой культуры, он всем обликом своим являл утонченную интеллигентность — высокий лоб, выразительные пронизательные серые глаза, аккуратно прибранные волосы, подернутые сединой, белоснежная сорочка, аккуратно повязанный галстук.

— Вы избрали своей специальностью объект неживой природы —

горные породы, минералы, слагающие земную кору нашей планеты. Может, кому-то этот предмет покажется скучным по сравнению, скажем, с историей или литературой, однако хочу заметить, что объектам природы свойственна история, не менее увлекательная, чем история народов, стран, государств.

Так он начал первую лекцию курса общей геологии, развернув затем свое вступление в занимательный рассказ о том, как возникла в земной коре горная порода, представленная в обыкновенном булыжнике, какие геологические процессы придавали ему окончательный вид. Говорил он тихо и неспешно, держа в поле зрения всю аудиторию и часто останавливая взгляд на ком-нибудь из сидящих перед ним студентов. И эта манера как бы подключать к себе на короткое мгновение поочередно едва ли не каждого из присутствующих создавала удивительную атмосферу доверительности и единения.

«Это были уроки высочайшего класса, которые помогли мне глубоко проникнуть в сущность геологических явлений, сформировали чувство особого уважения к своей науке и специальности геолога», — будет вспоминать на склоне лет академик Кашкай.

При этом он обязательно подчеркивал, что стать пропагандистом геологической науки ему помогла ленинградская геологическая школа, ее выдающиеся представители Левинсон-Лессинг, Ферсман, Белянкин, Лебедев, знакомством и дружбой с которыми он высоко дорожил.

Аспирантура в Ленинграде, с точки зрения богатства ощущений, познаний, приобщения к высокой культуре, стала для него как бы вторым студенчеством.

Первое время он живет вместе со старшим братом Мир-Джамалом, который вслед за ним обосновался в городе на Неве. Затем Комитет по подготовке кадров Академии наук СССР бронирует ему в Ленинграде жилплощадь (комната в 15 квадратных метров) в доме 21 по улице Каляева, квартира 26.

В его многочисленных интервью, статьях, воспоминаниях нет и намека на трудности учебной поры.

Семинары знаменитостей чередовались серьезнейшей проработкой необъятной геологической литературы. Он перелопачивал груды книг с жадностью путника, дорвавшегося до вожаемого источника, конспектировал, записывал собственные мысли, рождавшиеся в процессе чтения и общения со специалистами. Однако было бы ошибочным представлять его таким аспирантом-затворником с заученным маршрутом — аудитория, библиотека, лаборатория. Он общителен, азартен, интересен

для других и тянется к тем, кто интересен ему самому. Не забывает он и театр — не пропускает ни одной премьеры в Мариинском театре.

За пять лет он изучил Эрмитаж и все знаменитые места Северной столицы России. В моду входят новые европейские танцы. Мир-Али записывается в танцевальный кружок. На новогодних балах, вечеринках, которыми богата жизнь института, не раз становится победителем конкурсов. Его любимый танец — вальс-бостон.

Аспиранты, съехавшиеся со всех концов СССР, жили дружно. По воспоминаниям тех, кто пришел в науку в те годы, это была своеобразная семья молодых талантливых людей, многие из которых стали позже известными учеными в своих республиках.

«Аспирантов учили не только плодотворно работать с максимальной отдачей сил, но и отдыхать, развлекаться, — вспоминал М. Кашкай. — Позже, встречаясь на конференциях, мы часами вспоминали наши капустники, спектакли драмкружка, репетиции, которые, между прочим, устраивались в зале заседаний института. Франц Юльевич, сам любитель русской словесности, всего изящного, обычно очень строгий и требовательный к научным сотрудникам, относился к нашим «художествам» весьма благосклонно. С видимым удовольствием приходил на спектакли...»^{16}

О тех далеких днях, к сожалению, свидетельств осталось немного. Биографию нашего героя, обстоятельства его жизни, поведение в тех или иных жизненных ситуациях приходится воспроизводить по крупицам воспоминаний коллег и близких, а их осталось, увы, не так уж много. Помогло то, что наш герой сам едва ли не со студенческих лет аккуратнейшим образом вел собственный архив, где собраны отчеты о научных экспедициях, переписка с коллегами из других стран.

И среди этого обширного архивного материала — бережно хранимые папки с публикациями в печати, выступления и интервью на радио и телевидении. Удивительно, но сохранились все публикации — от научных статей до небольших объявлений о защите диссертаций, где М. Кашкай выступал в качестве официального оппонента (в то время для защиты диссертации — кандидатской или докторской — необходимо было опубликовать официальное уведомление с указанием темы научной работы, места и времени защиты, имен оппонентов и т. д. Сейчас это воспринимается как некая бюрократическая затея, а тогда такого рода публикация считалась элементом культуры, научной этики — ставилась в известность о публичной защите научная общественность, и на это действо

мог прийти каждый).

М. Кашкай аккуратнейшим образом, до конца жизни вел учет всех публикаций — собственных, а также журналистских о нем. По этим газетным и журнальным вырезкам можно проследить едва ли не всю биографию ученого: учебу, подготовку диссертаций, работу в геологических экспедициях, участие в международных конференциях. И представить себе судьбу этого человека, ясно сознававшего, в какое непростое время он живет.

Первая публикация от 23 марта 1933 года. Это небольшая заметка в газете «За социалистическую науку», органе Академии наук СССР. В ней сообщается, что «состоялся полит-бой между кружками ленинизма биологов, химиков и сейсмологов — 31 человек... Один из участников объявил крестьянство враждебным классом, другой утверждал, что роль партии при диктатуре пролетариата не увеличивается, а понижается».

Разумеется, эти опасные заблуждения получили достойный отпор. Незамысловатая информация, несмотря на бесхитростность и прямолинейность утверждений, довольно точно передает идеологическую атмосферу, которой была пронизана жизнь страны. Серьезность, которая придавалась политбоям, подчеркивается тем, что к заметке подверстана таблица «Итоги политбоя в кружках». В графе «Фамилии давших лучшие ответы» в кружке «Текущая политика» значатся Левченко, Маслова, Поппе, Гехоррейда и наш герой — Кашкай.

Советский ученый не может быть аполитичным, он должен жить проблемами страны, разбираться в ее политике — внешней и внутренней, следить по газетам и журналам за происками империалистов, строящими козни против первого и единственного в мире государства рабочих и крестьян.

Особой школой теоретической геологии были коллоквиумы тогдашних светил: Левинсона-Лессинга, Ферсмана, Белянкина. Сохранились воспоминания участников тектонических коллоквиумов, проходивших каждую субботу.

Участие в таких заседаниях считалось святым делом для всех, ибо являлось одной из форм обучения аспирантов, приобщения их к научному творчеству, самостоятельному мышлению. Аспиранты ждали их с нетерпением, тщательно готовились к своим докладам, если такой чести кто удостоивался — не вылезали неделями из библиотек. Знали уже по опыту — любой доклад нередко мог быть подвергнут беспощадной критике, хотя выступающие в прениях неукоснительно соблюдали требования этики и научной корректности.

Докладчик получал массу вопросов, замечаний, его как бы подталкивали к тому, чтобы он научился глубоко, а главное — критично рассматривать свой материал, многократно обдумывать свои выводы, вновь и вновь корректировать свои формулировки. Выступающий порой покидал зал заседания «субботников» как парилку, но не было случая каких-либо обид, как не было и пустых придираков.

Участники коллоквиумов щедро делились своими познаниями, догадками, родившимися в ходе научных импровизаций, неожиданными соображениями. Именитые ученые были щедры на идеи, которые давали не только мощный импульс для научных поисков молодых ученых, но часто становились отправной точкой новых работ, начинаний и открытий.

Ленинградские коллоквиумы запомнились М. Кашкаю как настоящий праздник научной мысли, раскованного, незакомплексованного мышления.

Вот кто-то из аспирантов, демонстрируя минерал, внушительно замечает, что свою задачу исследователя он видит прежде всего в том, чтобы сразу установить наличие в нем драгоценных металлов, столь необходимых народному хозяйству.

— Установка в целом правильная, — звучит реплика. — Но полезно будет помнить и классика: «Если вам подали чай, не ищите в нем кофе».

Аспирант смущен? Несомненно. Но так его отучали от краснобайства, излишней самоуверенности и мешающей поиску истины неумеренной и чаще всего конъюнктурной политизации научной проблемы.

Некоторые именитые ученые, прежде чем сдать в печать очередную статью или новую крупную работу, выносили их на обсуждение коллоквиума. Они считали важным и нужным получить оценку своих идей и выводов, знали, что будут сделаны откровенные критические замечания, на которые как-то не принято было обижаться. Считалось хорошим тоном выразить искреннюю благодарность за критику — своим примером они учили новое молодое поколение высокой академической корректности.

М. Кашкай, как и многие другие аспиранты, поначалу не решался выступать. Но пришел на помощь научный руководитель Петр Иванович Лебедев. Он усаживал своих учеников в первый ряд кресел и начинал обсуждение докладов с вопросов, которые аспиранты по очереди должны были задать выступавшему. Так незаметно они приобщались к научной дискуссии.

При всей высокой требовательности, царившей в аспирантуре, начинающим ученым предоставлялась возможность самому выбрать направление своей деятельности. На него не оказывалось никакого давления, никто не торопил с защитой диссертации. Она созревала по мере

сбора фактологического материала во время ежегодных экспедиций, насыщенного учебного процесса, постоянного общения с выдающимися представителями советской и мировой геологической науки. Главным в обучении считалось основательное освоение теоретических знаний о Земле, обретение навыков научного поиска, умение анализировать и обобщать разрозненные геологические факты. К этому вела, а точнее, обязывала общая научная атмосфера, которой дышал институт петрографии.

Отношения учеников и учителей, несмотря на огромную разницу в возрасте, положении и, само собой, ученых степенях, отличались удивительной демократичностью, теплотой, какая бывает только у людей, научившихся ценить дружбу, простоту общения в уникальных условиях геологической жизни — в горах, тайге, пустыне. Такая манера высокой интеллигентности, поведенческий стиль стали для них частью образа жизни.

Профессора, академики, авторы широко известных работ и учебников по геологии могли запросто пригласить к себе на чай группу студентов или аспирантов. Запоминались молодым ученым не только огромная, на всю стену, библиотека, хлебосольство хозяина, но прежде всего его непринужденные, полные любопытнейших деталей рассказы о путешествиях по бескрайним просторам России, по далеким странам в дореволюционную пору. «Взятые вместе эти рассказы составили бы огромную книгу путешествий и воспоминаний, которая могла бы стать настольной книгой начинающего геолога», — вспоминал впоследствии М. Кашкай.

Великолепным рассказчиком был великий А. Е. Ферсман. Его лекции по минералогии увлекали точностью знаний и образностью мышления.

«Поэтические книги Ферсмана по минералогии пробудили интерес к минералам у нескольких поколений людей, — писал много позже М. Кашкай. — Подтверждением тому великое множество знатоков, собирателей камней по всей советской стране...»^[17]

Внимая своим великим учителям, он уже тогда утвердился во мнении, что «для ученого чрезвычайно важно знать не только предшествующие работы по тем проблемам, которыми он занимается, но и историю жизни этих своих предшественников, условия, в которых они творили, обстоятельства, которые помогли им сделать те или иные открытия»^[18].

Он штудировал труды своих учителей, изучал их жизнь, находя в каждом из них многое, достойное подражания. Каждая встреча, каждый

разговор с ними, часто не имеющий прямого отношения к учебе, но обогащающий кругозор, оставлял в памяти заметный след.

Вот Левинсон-Лессинг окидывает взглядом аудиторию и задумчиво произносит: «Гёте где-то говорит: гений делает то, что должен, талантливый человек — что может, а остальные — как все. Так вот, я меньше всего хотел бы, чтобы вы работали, как все. Человек ценен индивидуальностью!»

В последующем он не раз выступит в советской печати с воспоминаниями о своих учителях-наставниках, напишет о них, видных представителях советской, правильней будет сказать — мировой геологии, статьи. Пожалуй, лучшая из них «Франц Юльевич Левинсон-Лессинг — выдающийся петрограф», написанная в связи со 100-летним юбилеем великого ученого.

Это — обширное исследование важнейших работ Левинсона-Лессинга, положивших начало геохимии — «русской науки, так блестяще развитой в трудах В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана и их талантливых учеников». Геохимия к тому времени стала предметом исканий и самого М. Кашкая, ей суждено было занять особое место в его научных исканиях. Дружба с великим ученым, общение с ним озарили солнечным светом его молодость, вселили уверенность, помогли найти свою тропинку в науке. Именно поэтому годы общения с Левинсоном-Лессингом он считает самыми лучшими, самыми плодотворными в своей жизни.

«КОГДА В ЛИСТАХ ВОСПОМИНАНЬЯ»

Ленинградский период — особая страница в жизни нашего героя. И не только в познавательном смысле, конечно, хотя город с его историей и необыкновенной архитектурой, знаменитой и столь полюбившейся ему Мариинкой производил на него неизгладимое впечатление.

Эти годы были насыщены интересными встречами, неожиданными знакомствами, поездками.

«Он всегда нравился женщинам», — утверждают те, кто знал его близко. Давно замечено, женщины испытывают особую тягу к певцам и музыкантам. А Мир-Али еще и великолепный напарник в танцах. Вечера аспирантской жизни проходят в веселых капустниках, застольях, на которых Мир-Али — душа общества. Можно было ожидать, что он найдет в Ленинграде свою спутницу жизни, как это произошло со многими азербайджанцами, оказавшимися тогда в России.

Россия в те годы как бы заново открывала для себя свои национальные окраины.

В советской Москве тон задавали не чопорные аристократы прошлого, а новая, выросшая в условиях советского равноправия молодежь, лишенная националистических предубеждений. Интернационализм был сердцевинной официальной идеологии, и он проникал в быт. Простые люди находили подтверждение новым жизненным принципам в том, что на трибуне Мавзолея по праздникам стояли признанные руководители страны — русские, грузины, евреи, украинцы, белорусы. Никогда в Азербайджане не было такого наплыва смешанных браков, как в те десятилетия. На еврейке был женат партийный вождь Мир-Джафар Багиров. Большевики, при всех своих недостатках, в жизни часто следовали своим официально декларируемым принципам. Стране нужны летчики, и Сталин направляет в авиационное училище своего сына — Василия. То же самое делают Багиров и его наркомы. Сталин женат на Надежде Аллилуевой, и это воспринимается как естественное проявление советского образа жизни. Но это к слову...

Так были ли романы у М. Каткая в те годы? Наверное, были увлечения. Вот, например, формируется Алтайско-Кузнецкая химическая экспедиция во главе с профессором Петром Ивановичем Лебедевым, руководителем Кашкая. Почти половина экспедиции — женщины-геологи. Трудно представить себе, чтобы в тайге у костра не загорелась любовь. Ну,

не любовь, так легкий флирт, так сказать, экспедиционный роман. Друзья и коллеги ничего об этом не говорят, разве что улыбнется кто загадочно...

Но вот в кипе многочисленных заявлений, справок, командировочных находим несколько строк, адресованных аспирантом Кашкаем в Комитет по кадрам АН: «Для выполнения моей научной работы, которая входит в программу следующего года, мне нужно попасть на Кавказ (подчеркнуто аспирант пишет именно «попасть», а не привычное «выехать» или «командироваться». — Р. А.) для дополнения тех пробелов к материалам, которые были собраны мною летом 1930 года. Потому прошу дать мне командировку с 15 сентября по 15 декабря с. г.». И далее, видимо, для пущей убедительности добавлено: «Тем более, что не буду пользоваться отпуском».

С чего бы это? До 15 сентября аспирант должен был находиться в упомянутой выше алтайско-кузнецкой экспедиции. Обычно после экспедиции геологи разъезжаются отдохнуть в отпуск. Таких обращений в папке несколько. Он все время рвется в Баку: на недельку, на месяц, на несколько дней. Формальное объяснение этому желанию к концу учебы, когда он, собственно, работает над кандидатской, простое — аспирант должен поработать в Исти-Су, собрать дополнительные материалы для своей диссертации. А что ему не терпится в 1931, 1932, 1933 годах? Причина в ностальгии? Вряд ли. Он ведь фактически бежал из Баку и навсегда покинул Гянджу. Зачем ему напоминать о себе недругам, продолжающим слать анонимки в Москву и Ленинград?

Ответ на эти вопросы я нашел в пожелтевшей от времени папке, в которой бережно были собраны письма той, что отвечала на его юношеские послания, которую не мог забыть, даже если бы очень захотел.

...Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге, вижу я...

Письма эти написаны староазербайджанским арабистическим алфавитом. Одно лишь написано латиницей — не той, что ныне утверждена в Азербайджанской республике, а алфавитом, в основу которого легли разработки Мирза-Фатали Ахундова, философа, драматурга, просветителя (1812–1878), и который внедрить он предлагал еще турецкому султану... Это «латинизированное» письмо написано неровным почерком, можно сказать, почерком первоклассницы. Отправительница извиняется за вынужденный перерыв в переписке, связанный, как

оказывается, с необходимостью освоить новый алфавит — латиницу.

Здесь надо бы пояснить, что правительственное решение о переходе на новый алфавит было принято летом 1928 года. Подготовительная же работа к этому велась с ноября 1920-го. Секрет такой оперативности, можно полагать, был связан с тем обстоятельством, что Научный отдел Наркомпроса РСФСР еще ранее, в 1919 году, высказался относительно «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию республики».

В это время вожди Октября жили ожиданиями всемирной революции. И в этом смысле их можно понять: дело идет к Всемирной республике! Отказ от кириллицы поможет российским пролетариям теснее сплотиться с рабочим классом Германии, Америки, Франции и т. д.

Конечно, огромной массе населения, учившейся писать и читать, было проще, чем интеллигенции, привыкшей к арабской вязи. Азербайджанский опыт перевода письменности на современный алфавит в Москве одобрили. В. И. Ленин назвал инициативу азербайджанских коммунистов «революцией на Востоке». М. Горький позже, когда движение за новый алфавит приобрело общесоветский размах, счел нужным отметить, что историческая заслуга в этом реформаторском движении принадлежит азербайджанцам.

Все бы ничего, да вскоре настроения в Москве поменялись и окончательно склонились в пользу кириллицы. В 1939 году в Баку решение о замене латиницы кириллицей было оформлено законодательно. Так что автору упомянутого письма, как и всей азербайджанской интеллигенции, да и народу, вновь пришлось переучиваться. Мог ли академик М. Кашкай представить, что пройдет несколько лет после его смерти и азербайджанцев вновь подвергнут этой, в общем-то, унижительной процедуре — учить грамоте грамотного человека? Но это уже тема другого, большого разговора...

Арабская вязь предыдущих писем, можно сказать, поражает изяществом, легкостью строк. Трудно поверить, что письма эти написаны одним и тем же лицом. Каждое послание начинается с традиционного обращения к мужчине, какое было принято в дворянских азербайджанских семьях — «Ага!». Это слово, близкое по смыслу русскому «сударь». И далее следуют шутливые изложения новостей, кое-что о своей жизни, иногда о стихах. Пушкинские строки незаметно вплетаются в заочную беседу молодых людей.

Собеседница нашего героя, очевидно, любила поэзию.

...Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас...

Об ухаживаниях Мир-Али, наверное, знали в семьях. О чувствах своих он так никому и не поведал. О них мы можем судить по пожелтевшим страницам аккуратно сложенных писем, хранящихся в личном архиве ученого. Она, его пассия, судя по некоторым строкам, имела успех в бакинских элитных кругах. В нее, оказывается, были влюблены многие, в том числе и известные люди. В ее письмах слишком много подтекста, позволяющего догадываться о взаимных чувствах. По шутливому тону можно предположить, что у них, как и у всех влюбленных, были свои маленькие тайны...

...Она глядит на вас так нежно,
Она лопочет так небрежно,
Она так тонко весела...

Судя по письмам и изяществу почерка, в ней было то очарование, которое французы называют шармом. Она была умна, интересна, окружена вниманием. Несомненно, их сближала увлеченность поэзией, музыкой, но в остальном это были разные люди, разные в своих жизненных целях и устремлениях. Он, Мир-Али Кашкай, был человеком науки, где-то рационального склада. Она жила в мире литературы, музыки, живописи...

Первая любовь бывает у всех. Что может быть трагичней для юноши, чем разочарование, которое неизбежно сопутствует любви, обрамленной брачными узами? Наш герой избежал трагедии, из чего вовсе не следует, что судьба была в данном случае милостива к нему. Их любовь так и осталась в юношеских мечтах. Он хранил ее бережно, как память о молодости. Ни словом, ни взглядом никому не позволяя коснуться своей тайны.

...Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь...

Пройдет много лет, они будут дружить семьями, приглашать друг друга на празднества, юбилеи, свадьбы своих детей. Время отодвинет образы молодости, как он отложил в архив папку с дорогими письмами.

...Прощай, письмо любви, прощай...

Мы невольно коснулись этой страницы жизни и, не желая неосторожным движением омрачить то, что составляло сокровенную тайну нашего героя, вновь вернули письма на архивные полки.

Разумеется, можно было бы и не упоминать об этом трогательном эпизоде давно минувших дней. Но этот штрих в портрете нашего героя представляется очень важным. Без него не понять, не оценить главного, за что любили его окружающие — благородство, возвышенность чувств, что, согласитесь, встречается в нашей жизни не так уж часто...

«ПИШИТЕ МНЕ В НОВО-СИБИРСК»

По собственному признанию М. Кашкая, основательность его знаниям и опыту как геологу дали экспедиционные выезды в период учебы в аспирантуре (в 1930–1935 годах) в Сибирь, на Северный Кавказ, в Азербайджан.

Эти пять лет геологической деятельности М. Кашкая имели огромное значение для становления его как практического геолога и ученого. Именно там, в Сибири, он стал мастером геологической съемки — основы всех работ в геологии. Позже он будет разъяснять своим многочисленным ученикам: «Только геологическая съемка дает полное и точное представление о том, каково геологическое строение территории, на которой вы находитесь. А для этого не так уж много возможностей. Есть места, где обнажаются пласты осадков, где можно встретить выходы каких-то коренных пород. Они встречаются редко. Это лишь отдельные пятна, по которым надо восстановить структуру, геологическое строение целой территории».

Нужно быть большим профессионалом, чтобы это суметь сделать, почувствовать природу, понять, как она устроена, чтобы восстановить по немногим фрагментам общую картину. Очень многие заслуженные геологи всю свою профессиональную деятельность связывали с детальным изучением какого-то отдельного района. И этим очень способствовали поиску полезных ископаемых. Но представьте себе дерзкий замах ученого, который такую геологическую съемку распространил на территорию практически всего Азербайджана, Донбасса, Урала, Западной Сибири. Это огромная территория. И огромная работа, на которую ушли многие годы жизни...

Уже тогда наметились характерный для ученого комплексный подход к изучаемым объектам, тонкость и глубина наблюдений, обстоятельность и скрупулезность исследований, огромная работоспособность и настойчивость. В этот же период определились и те основные направления научной деятельности М. Кашкая, которым он остался верен в дальнейшем.

Пожалуй, здесь стоит рассказать о том, как организовывалась и осуществлялась экспедиция, скажем, в тайгу или в Кельбаджарские горы. Ведь геологам приходилось топать фактически по бездорожью. Ни самолетов, ни поездов, ни быстроходных машин. На Алтай, к месту стоянки, экспедиция добиралась неделями: поначалу поездом, а затем на

телегах, прихватив с собой, как говорится, минимальное «боевое оборудование», включавшее только необходимые вещи — бидон для питьевой воды, раскладушки, палатки, съестные припасы — в основном консервы и сухари.

Надо сказать, П. И. Лебедев, научный руководитель Кашкай, он же — начальник экспедиции, был большой мастер в деле выбора места для лагеря, организации стоянки и ночевки геологического отряда. Он прекрасно знал местность и наиболее примечательные уголки Алтая.

Но это все — телеги, груженные нехитрым имуществом, стоянки, костры в тайге — впереди. Попасть в экспедицию не так-то просто. Выезду предшествует длительная переписка с начальством, в ходе которого Комитет по кадрам АН должен получить скрепленные подписями непосредственных руководителей аспиранта записки, свидетельствующие о его прилежности и успешном освоении теоретического курса. На запрос Комитета академик Ф. Левинсон-Лессинг, например, собственноручно свидетельствует, что «аспирант Кашкай Мир-Али усердно посещал: 1) семинарий аспирантов-гидрографов; 2) семинарий для студентов-петрографов IV курса. Он принимал участие в обсуждении докладов и возникавших в связи с этим общих проблем петрографии и, несомненно, извлек из этого пользу для своего петрографического образования»^{19}.

Заключение, подписанное самим Левинсоном-Лессингом! Казалось бы, авторитетное мнение такого уровня откроет любые двери. Так-то оно так, да только все должно быть исполнено по форме, в соответствии с установленным порядком. А это значит, что и руководитель лаборатории, где аспирант Кашкай проводит свои исследования, должен подтвердить, что последний в состоянии проводить анализы и лабораторные исследования.

«Сим удостоверяю (старорусская манера деловой переписки еще не изжита в Ленинграде. — Р. А.), что аспирант подготовительного отделения Кашкай Мир-Али, работавший под моим руководством в химической лаборатории в течение весеннего семестра, исполнял все задания добросовестно и успешно. Ввиду этого считаю дальнейшую его работу в лаборатории весьма желательной. Старший химик Петрин А. Н.».

И вот, наконец, ученый секретарь института вручает аспиранту М. Кашкаю временное удостоверение, согласно которому «аспирант М. С. Кашкай командировается на летнюю научно-производственную практику на Алтай с 1 июня по 15 сентября с. г.». Не забыто и уточнение — аспирант едет на средства экспедиции.

И только после всего этого Президиум АН СССР командировует

участников Алтайско-Кузнецкой геохимической экспедиции на Восточный Алтай.

«Точный адрес экспедиции пока неизвестен, — пишет М. Кашкай брату Мир-Джамалу. — Первая остановка в городе Ново-Сибирск...»^{20}

*

Их 14 человек, начинающих геологов и опытных ученых, зачисленных прорабами, специалистом-химиком, просто научным сотрудником, препаратором, коллектором. М. Кашкай оформлен начальником отряда — учли его производственный опыт, накопленный в Дашкесане.

На Алтай он выезжал не раз и в последующие годы свыкся с неудобствами жизни геолога, сдружился с товарищами по экспедиции. Но каждый раз, когда он с рассветом поднимался в горы в Дашкесане, Карабахе, Нахичевани, Келбаджарах, он вспоминал далекий, деревянный Ново-Сибирск. Большой двор, где расположились участники экспедиции, старинные скрипучие дровни, сарай, где мычали, не давая спать, коровы, молоко которых, однако, было хорошей добавкой к скудному пайку геологов. Работа в экспедиции развила его природную аккуратность, стремление к порядку в любых условиях. Каждая кошма, палатка, лопата, молоток и другое имущество скрупулезно вписывались в особую книгу, и в любое время нужный инвентарь или инструмент можно было найти. Бережное отношение к вещам стало привычкой — в горах или в степи, на бездорожье, всё может пригодиться. Поэтому он всегда внимательно следил за тем, чтобы ничего из инвентаря не выбрасывалось.

Над этой его привычкой молодежь часто посмеивалась, хотя каждый раз жизнь в условиях полевых работ подтверждала правоту бывалого геолога.

*

Если бы нехоженые тропы, которыми пришлось пройти молодому азербайджанцу Мир-Али Кашкаю от Ново-Сибирска до конторы прииска Большая Викторьевка, расположенной в Горной Шории, и дальше — по склонам Кузнецкого Алатау и живописным уголкам Северного Алтая, выпали на долю какого-либо экзальтированного, романтического юноши, наверняка азербайджанская литература обогатилась бы поэтическими

«сибирскими» мотивами. К тому же, что ни село, гора, речка — одни тюркские названия, от которых невольно можно удариться в неистребимый тюркизм: прииск Казаны, расположенный неподалеку от гор Джелсай и Тютюн. Или, например, названия железорудных месторождений: Шалымское, Таштагальское, Кочуринское.

Коллеги Кашкая немало удивлялись тому, какую этимологическую интерпретацию давал Мир-Али каждый раз сибирской топонимике. И откуда что бралось? Не филолог же он, чтобы так изобретательно и искусно играть словами.

И тем не менее кажется странным, что его, можно сказать, поэтическая натура, всегда очень эмоционально отзывавшаяся на роскошное величие сибирских ландшафтов, ни разу не потянулась к блокноту, чтобы запечатлеть в памяти увиденное в стихах или в какой-либо иной литературной форме. Как свидетельствуют родные, он часто возвращался к сибирским страницам своей юности. И особенно подробно и восторженно рассказывал о первой своей экспедиции на Алтай. В статьях же исследуемая территория предстает в чисто профессиональном, детальном и точном описании:

«Район входит в состав Горной Шории, расположен на Юго-Западном склоне Кузнецкого Алатау и представляет собой гористую местность с мягким рельефом, изрезанным сетью горных рек и долин.

Высоко поднимающиеся вершины Пустаг, Кизимес, Учташ, Татуя, Куббес сложены из изверженных пород.

Вершины этих гор уже успели обнажиться денудацией, а некоторые вершины, как, например, горы Куббес, сложенные из более твердых, кремнистых серицито-кварцевых контактовых пород, не успели еще полностью денудироваться, и на этой горе мы наблюдаем резко поднимающуюся, высокую древнюю покрывку.

Нередко на таких вершинах (Пустага, Куббеса) встречаются болота, и их склоны, как вообще весь горно-шорский район, покрыты непроходимой тайгой и густой травой.

Для более высоких частей района из растительности характерны кедры, на склонах встречаются, главным образом, пихта, а также береза и осина.

Ввиду густоты растительного покрова район беден естественными обнажениями, которые мы имеем возможность изучать лишь на высоких вершинах, на крутых склонах и на берегах глубоко резанных горных речек»^[21].

Вполне реально, пользуясь этим описанием, нарисовать весьма

впечатляющую живописную картину или вычертить убедительную карту.

Отсутствие в творчестве Кашкай каких-либо литературных следов о пребывании на Алтае, откуда когда-то двинулся тюркский этнос через тайгу, великие реки, гигантские пространства, минуя Кавказский хребет, к берегам Босфора, можно объяснить и так. Молодой ученый смотрит на мир глазами геолога, и мышление его сугубо рационально. Он понимает, что от его работы в экспедиции зависит дальнейший научный поиск. Главное — собрать материал, проанализировать и на этой основе подготовить статьи, каждая из которых, и это он хорошо знает, пройдет сквозь сито придирчивого чтения его научного руководителя Лебедева, станет предметом полемического обсуждения на коллоквиумах.

Видимо, сосредоточиваясь на поставленных задачах, он поначалу не разрешал себе отвлекаться на «лирику», а потом это уже становится привычкой или, скорее, принципом его изыскательской работы.

В устных же своих выступлениях и лекциях он, обращаясь непосредственно к аудитории, был куда более эмоционален и красноречив, любил блеснуть ярким афоризмом, занятной историей, любопытной жизненной подробностью — всем тем, что способно было заинтересовать слушателя и разбудить его воображение.

Итогом сибирских экспедиций явились три научные статьи. Первые из них были опубликованы в трудах Петрографического института — «К петрографии интрузивных пород железорудных месторождений Кондомского района», а также «К петрографии западного склона Кузнецкого Алатау». Они представляют, по признанию автора, обработку части материалов, полученных при работе в составе Алтайско-Кузнецкой петрографо-геохимической экспедиции под руководством П. И. Лебедева.

Кондомская группа железорудных месторождений, открытая геолого-поисковыми партиями в 1931 году, представляла особый научный и практический интерес. М. Кашкай, продолжая исследования своих предшественников, побывавших в районе, дает точную и обширную характеристику довольно большой площади.

Третья работа — «К минералогии рудных процессов Кондомской группы железорудных месторождений» вышла в издательстве Академии наук СССР под редакцией Совета по изучению природных ресурсов.

«Изучение метасоматических процессов в связи с образованием железорудных месторождений в Кузнецком Алатау представляет весьма интересный объект, — писал М. Кашкай. — Наша работа, предложенная профессором П. И. Лебедевым летом 1932 г. Горно-Шорскому отряду Алтайско-Кузнецкой геохимической экспедиции, коснулась Кондомской

группы железорудных месторождений в Кузнецком Алатау. Она была продолжением работ названной экспедиции в 1931 году, в которых я также принимал участие»^{22}.

В этой статье, явившейся результатом полевых наблюдений, химических и микроскопических исследований, рассмотрены общие вопросы минералогии рудных процессов Кондомской группы, выделены особенности и даны подробные характеристики железорудных месторождений. Причем, в отличие от своих предшественников, М. Кашкай дает развернутые характеристики составным частям группы: Шерегешевскому, Шалымскому, Таштагальскому и Кочуринскому месторождениям.

Молодой ученый особо подчеркивает, что со стороны своего профессора Лебедева он встретил самое близкое «живое руководство» как во время полевой работы в 1931 году, так и при камеральной обработке в Петрографическом институте Академии наук СССР. Он подчеркивает, что пользовался также весьма ценными советами профессора Д. С. Белянкина, «дававшимися мне во время просмотра шлифов». И еще один штрих, свидетельствующий об оснащенности экспедиции, уровень которой для того времени был достаточно высок. «К нашему отряду была прикреплена химическая лаборатория (химик — В. А. Молева), в которой своевременные определения тех или иных интересующих нас в руде элементов способствовали более правильному сбору материалов и давали некоторый материал к решению более сложных вопросов»^{23}.

Отдать должное другим участникам экспедиции, тем более своим учителям и наставникам, он никогда не забывал, и это тоже его характерная черта.

Особняком не только в начале научной деятельности, но и всего геологического поиска М. Кашкай стоит работа «Об осмистом иридии и золотоносных шлихах Кузнецкого Алатау». В сущности, речь идет о новом геологическом открытии, которое принесло известность молодому ученому, выдвинув его в ряды талантливой плеяды воспитанников становящейся советской геологической школы.

Надо заметить, осмистый иридий в Горной Шории описан был еще в 1891 году Хелмхакером (Helmhacker) и сразу же забыт на сорок с лишним лет. Кашкаем он был получен из приисковой конторы Большая Викторьевка во время посещения прииска летом 1932 года.

К слову, здешней производственной конторой этот минерал не принимался. И это притом что рабочие прииска стремились сдавать его

вместе с золотом. С лета 1932 года осмистый иридий был оценен в восемь раз дороже золота. Кашкай указывал, что золото и металлы платиновой группы на западном склоне Кузнецкого Алатау и на Северном Алтае находятся главным образом в россыпях, но имеется в отдельных местах и коренное золото (гора Джелсай).

О происхождении золота в данном регионе имелось определенное мнение и до того, чего нельзя сказать о металлах платиновой группы. Кашкай высказал предположение, что осмистый иридий на прииске Большая Викторьевка, «по всей вероятности, связан со змейковым штоком, из коих он вымывался речками Викторьевка и Николаевка, берущими свое начало на восточном склоне горы Пустаг, сложенной из щелочных гранитов, откуда названные речки, возможно, приносят с собой часто золото»^[24].

Осмистый иридий из прииска Большая Викторьевка был подвергнут геологом химическому анализу. Ученый сопоставил полученные результаты рентгенограмм, характеризующих физическую природу кристаллического строения осмистого иридия, с рентгенограммами из разных районов СССР. Это позволило сделать вывод, что «величины параметров нашего осмистого иридия очень близки к параметрам осмистого иридия из Сыссерского района и Забайкалья»^[25].

Исследования по осмистому иридию и золотоносным шлихам из шестнадцати золотых приисков Кузнецкого Алатау и Северного Алтая М. Кашкай провел на очень высоком научном уровне. Микрохимические анализы производились по работам известного профессора В. А. Зильберминца. Не довольствуясь этим, Кашкай начал переписку с самим ученым, известным специалистом в данной области. Рекомендации и советы, присланные Зильберминцем из Москвы, способствовали, по мнению Кашкая, более полному исследованию материалов.

Первые же статьи М. Кашкая показали, что он в совершенстве владеет методом научного анализа, эрудирован, самостоятелен и оригинален в подходах и мыслях.

В таком возрасте редко кому из представителей этой науки удавалось столь блистательно заявить о себе, завоевав уважение куда более известных и авторитетных коллег. О знаменитом докладе молодого Левинсона-Лессинга, принесшем ему мировую славу, знали все. Как знали и о выдающихся первых работах двадцатитрехлетнего Л. Я. Яншина и его кандидатской диссертации, которую ему разрешили защитить без свидетельства о высшем образовании — случай уникальный в СССР и

мире вообще.

Так что сравнивать было с кем, и поспешных оценок, тем более аплодисментов, в этой среде вряд ли можно было дожидаться. И отмеченная многими специалистами основательность большого ученого в первых работах аспиранта-второкурсника М. Кашкая дорогого стоила.

Каждый учебный год заканчивается отчетом научного руководителя аспиранта о проделанной научно-практической работе. По этим кратким сообщениям принимается решение о переводе на другой курс. Но не только. Записки профессора П. И. Лебедева являются как бы отражением творческого роста М. Кашкая, его профессионального становления.

«...Для усиления и развития знаний в области микроскопической методики исследования минералов и горных пород т. Кашкай прошел курс оптических констант под руководством преподавателя Геолого-разведочного института М. К. Бельштерна; для проработки вопросов применения физической химии к петрографии т. Кашкай участвовал под моим руководством в проводимом в Геолого-разведочном институте курсе экспериментальной петрографии; для полного овладения методом количественного химического анализа т. Кашкай изучал методику в химической лаборатории Петрографического института; т. Кашкай участвовал в семинарии акд. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга; для самостоятельного применения методов научного исследования к отдельным петрографическим темам мной была поручена тов. Кашкаю коллекция гранитов Центрального Кавказа, которая уже изучается им оптическим методом. Одновременно им прорабатывается соответствующая литература по петрографии Кавказа».

«Во всех изложенных выше частях своей работы Мир-Али Кашкай обнаружил добросовестное и активное участие к работе», — пишет к концу 1933 года профессор П. И. Лебедев. В ответ Комитет по кадрам издает приказ: «Перевести на третий курс. Срок защиты диссертации — май — июнь 1935 г.»^[26].

ГОРОД МИРОНЫЧА

М. Кашкаю с Ленинградом повезло во многих отношениях. Совместная работа, сотрудничество и дружба с выдающимися геологами современности оказывали формирующее влияние на него как на ученого. Не меньшее значение имело и приобщение к великому русскому и мировому искусству, средоточием которого всегда был Ленинград (Петербург).

Была и другая сторона пребывания в культурном, экономическом и политическом центре страны, каковым в те годы являлся Ленинград. Хотя В. И. Ленин настоял на переносе столицы в Москву, где с 1918 года находилась тогдашняя верховная власть, и в новую столицу переводились лучшие интеллектуальные силы, Ленинград все же продолжал сохранять свой неформальный титул Северной столицы. Эта его самобытность, перед которой оказалось бессильно время, накладывала свой особый отпечаток на характер, поведение ленинградцев, прежде всего тех, кто продолжал считать себя, во всяком случае в душе, петербуржцем.

В какой-то мере отражением давнего, никогда не прекращавшегося соперничества двух великих городов явилось политическое противоборство, которым отмечена общественная атмосфера Ленинграда и Москвы как раз на рубеже 30-х годов. С точки зрения кремлевского руководства, город на Неве усилиями Троцкого и Зиновьева превратился в центр оппозиции, подрывная работа которой становилась нетерпимой не только ввиду особенностей личности Сталина, не мирившегося ни с каким возражением.

Руководство страны исходило из того, что как бы ни противоречило классическому марксизму практическое строительство социализма в отдельно взятой стране, в данном случае в отсталой, по существу крестьянской России, иного пути, как сделать индустриальный рывок, история большевикам не оставила. Бесконечные дискуссии на эту тему, по мнению сталинистов, только отвлекали силы и внимание партии, народа. Пятилетки были призваны поднять из трясины отсталости страну, вывести ее в ряды промышленно развитых стран мира.

Такова была сталинская доктрина строительства социализма, и многие с ней были согласны. Можно даже утверждать, что новое поколение, молодежь, студенчество в этой преобразовательной программе видели продолжение революции: вздыбить страну, строить заводы, создавать

социалистическую индустрию, возводить города будущего — это звучало, манило, в этом был простор для личной инициативы, перспектива роста. Но оппозиционный Ленинград не сдавался. А, по мнению Сталина, откровенно мешал.

М. Кашкай появился в Ленинграде, когда С. Киров начинал энергично продвигать в жизнь установки генсека, которого уже называл великим кормчим. (Да, да, именно в одной из речей той поры товарища Кирова прозвучало это словосочетание, которое наши современники обычно связывают с Мао Цзэдуном.) В отличие от Зиновьева, который любого снимал с должности за малейшее непослушание, Киров не был сторонником жестких мер, особенно в борьбе с оппозицией, полагая, что с ней нужно сражаться политическими приемами. Поэтому он зачастую не давал санкции на арест, предлагая начальнику ГПУ по Ленинграду Ф. Медведю «поглубже разобраться». Но Москва требовала и ждала результативности в «очистительной» работе, и Кирову, в конце концов, пришлось-таки развернуть гонения на старые партийно-хозяйственные кадры. Вот тогда-то пошла гулять по страницам газет знаменитая фраза Сергея Мироновича: «Каждый член партии должен сейчас любого оппозиционера бить в морду!»^[27]

Надо ли говорить о том, что неискушенная рабоче-крестьянская масса нового набора большевиков понимала слова ленинградского вождя, соратника товарища Сталина, как призыв и воспринимала его буквально! Грандиозная чистка привела к арестам тысяч бывших оппозиционеров.

Возвращаясь из очередной экспедиции, Мир-Али Кашкай с ужасом обнаруживал исчезновение очередной группы преподавателей.

Профессура становилась все более замкнутой. Говорить вслух об арестах стало как-то не принято. Однажды Франц Юльевич, как бы между прочим, заметил: «У нас счастливая профессия, товарищ Кашкай. Никогда не изменяйте ей, что бы в жизни ни случилось». А Кашкай уже давно про себя решил заниматься только своим делом. Политика не его удел. У него один маршрут — кафедра, библиотека, лаборатория, экспедиция, горы. И еще: театр, Эрмитаж, белые ночи...

Жизнь учила его умению не ввязываться в политические интриги, сохранять дипломатическую дистанцию с властью, не вступая с нею в пререкания, и не поддаваться искушению сблизиться, чтобы пользоваться могучим покровительством. Одно мучило его в те годы, когда поползли мрачные слухи, которые нашли вскоре подтверждение в реализации политической установки, — выкорчевать из научно-культурной среды Питера представителей старой школы, которую высокомерно называли

царской: «А вдруг возьмутся и за Франца Юльевича? А Ферсман? Белянкин? Лебедев?»

Каждый из них был для него учителем, другом, наставником, частью его жизни. А вдруг...

Начались аресты и расстрелы «классовых врагов». Действуя привычным способом «в интересах пролетариев», Киров с целью решения жилищного вопроса в Ленинграде, население которого росло в связи с ростом численности рабочих на новых стройках в ходе «социалистической индустриализации», приказал в одночасье выселить из города остатки «недобитых классово чуждых элементов непролетарского происхождения»^{28}. И, поскольку бывшая столица уже неоднократно чистилась от сановников, чиновников и других представителей прежней власти, данная акция сказалась в основном на «не приносящих пользу» интеллигентах-гуманитариях. Геологов миновала сия горькая чаша...

Свидетельствует историк; «Киров решил разрубить гордиев узел одним ударом: выселить десятки тысяч лиц непролетарского происхождения не только из квартир, но и вообще из города, отправить их в административном порядке в те отдаленные холодные края, где пресловутый Макар не пас своих столь же пресловутых телят. Что и было выполнено с присущей Сергею Мироновичу энергией. Пострадали не только старухи и старики, бывшие сановники и чиновники, но в основном пострадала интеллигенция: музыканты и врачи, адвокаты и инженеры, научные работники и искусствоведы... Сколько их поумирало в пути, в необжитых местах...»^{29}

Когда в 1934 году ленинградские газеты открыли «крестовый поход» против специалистов и людей науки, обвиняя их в попытках организации вооруженного восстания против советской власти, П. И. Лебедев счел нужным предупредить своего аспиранта: «Кончится тем, что Академию наук переведут в Москву...»

Так оно и вышло. Но прежде, не без ведома Кирова, в Академии наук был осуществлен самый настоящий погром... Жертвами «академического дела» стали 525 ее сотрудников^{30}.

Институт Левинсона-Лессинга, так неофициально называли в ученом мире Петрографический, оставался вне политических интриг. Геологи — народ особой породы: зимой копаются в своих лабораториях, летом — бродят в тайге или лазают по горам. Эта была как раз та доля, о которой мечтал М. Кашкай, покидая Баку...

Впрочем, несмотря на политические дразги и интриги, жизнь шла

своим чередом. Аспирант М. Кашкай все эти годы находился, можно сказать, в приподнятом настроении. Учеба ему давалась легко, из экспедиций он возвращался также не с пустыми руками — задания выполнял полностью, спорил, как и все, по поводу новых, неизвестных ранее, выходов различных горных пород, новых пликативных складов, разломов и т. д. Это были далекие от политики дела, никакой классовой борьбы и никакой оппозиции — чистая наука.

Страна выполняла пятилетки — первую, потом вторую.

Было чем гордиться и геологам. На XVII съезде сам товарищ Сталин сказал о них несколько добрых слов: «У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны»^[31].

База на Востоке — это прежде всего труд геологов, значит, и его, Мир-Али Кашкая, труд, его экспедиции на Алтай, исследования железорудных месторождений Кузнецкого Алатау, его находка осмистого иридия в прииске Большая Викторьевка.

Сталинский абзац из доклада на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года можно прочесть на стене парткома, он стал поводом для обсуждения задач, стоящих перед учеными и аспирантами института. Страна обязуется выполнить задания пятилетки за четыре года, и геологи брались также найти, исследовать, подключить новые месторождения полезных ископаемых к локомотиву социалистической индустрии.

«Конечно, на наших собраниях немало пустых слов... Но страна-то растет, развивается, новая индустрия — это реальность. Вот что главное!» — так рассуждал наставник аспиранта П. И. Лебедев.

И это тоже было учебой — уметь отделять второстепенное от главного, не задерживать внимание исключительно на недостатках, видеть и понимать движение жизни...

Незаметно пролетели первые два года учебы. Вроде бы немалый срок, а отними от них еще месяцы пребывания в Сибири, время на обработку добытых материалов в лабораториях, командировку в Дашкесан, которую профессор Лебедев считал весьма важной для исследования Загликского алунитового месторождения, да еще часы обязательного штудирования и усвоения теоретического курса — совсем не остается времени для

диссертации^{[\[32\]](#)}.

Не успел, как говорится, оглянуться, как защита на носу.

Стало быть, надо возвращаться на родину, пробираться в Исти-Су...

ОДИН НА ОДИН С БОЛЬШИМ ХОСРОВЫМ

— В Исти-Су? — переспросил секретарь, потом еще раз внимательно прочел командировочное удостоверение и вновь уперся недоверчивым взглядом в молодого человека, стоявшего перед ним и дожидавшегося предложения присесть.

— Да, товарищ Агаев, это тема моей научной работы. И мне не позже завтрашнего дня надо попасть в район расположения источников.

— И что вы там будете делать, товарищ Кашкай? — продолжил свои расспросы секретарь Евлахского райкома, выйдя из-за своего обшарпанного и запачканного чернильными пятнами стола и, наконец, движением руки пригласив командированного присесть. (Как, однако, изменились люди. Как они быстро усвоили новые порядки, коммунистический этикет и одеяния — «сталинский» френч и сапоги, усики вместо усов и мундштук вместо трубки!)

Появление гостя поначалу обескуражило секретаря, затем искренне заинтересовало и, в заключение, столь же искренне расстроило. Партийному руководителю было не до геолога по той простой причине, что в районе начался сбор хлопка и у него каждая минута была на счету. Хлопковая страда — время испытаний для партийного руководства. Соберешь нужное количество хлопка (а сколько нужно — толком никто не знает, в планах-заданиях одни цифры, а Баку настаивает на других) — значит, усидишь на своем секретарском стуле до положенного срока, провалишь сдачу «белого золота» — придется отвечать перед самим «Хозяином», товарищем Багировым. У него же, евлахского секретаря, одни проблемы, и каждая из них начинается со слова «нет»: нет людей — мужики сидят в чайханах, а на поле одни женщины с детьми, привязанными к спине, нет лошадей, нет телег, нет воды — нечем поить людей в испепеляющую жару. А тут откуда ни возмись этот Кашкай — свежесбрившийся, в чистенькой рубашке, аккуратно отутюженных брюках. Как будто не с поезда сошел, а из родного дома мамочка проводила. Небось сейчас лошадей попросит или телегу до Тер-Тера...

Гость выложил на стол кожаную полевую сумку (такие нынче у большого проверяющего начальства водятся), достал из ее кармашка какую-то бумажку и положил перед хозяином тесного, дышащего полуденной жарой кабинета. Бумажка, оказавшаяся препроводилкой Ленинградского петрографического института, удостоверяла, что

сотруднику одного, командированному «в Закавказье, в район минеральных источников Исти-Су с 16 июня по 1 октября 1934 года, необходимо оказать содействие в проезде к месту командировки, поскольку исследования, проводимые Кашкаем, могут выявить и уточнить бальнеологические качества названных источников. В связи с этим ему необходимо охватить геологической съемкой районы всех трех минеральных источников и связать их между собой»^{33}.

Документ, само собой, написан на русском. Да если б он был составлен на азербайджанском, все равно тут без переводчика не обойтись.

Секретарь понял, что день, его первая, по крайней мере, половина, безвозвратно потерян. Лучшим способом как можно быстрее заняться своими хлопковыми вопросами было разобраться с делом неожиданно-негаданно свалившегося ему на голову геолога. В конце концов из Ленинграда, где партийным вождем «наш Мироныч», не каждый день приезжают гости, к тому же наши, свои, соотечественники.

Порадовавшись за своего земляка, занятого важной работой в далеком Ленинграде, послушав его рассказы о геологических экспедициях, ищущих нефть, руду, уголь, золото и прочие полезные ископаемые по всей Стране Советов, он заодно попросил в точности перевести содержание документа относительно командировки товарища Кашкая в Кельбаджары (русский язык, конечно, язык партийцев, но секретарь человек из села, за то и ценят его в ЦК, к тому же с геологическими терминами ему не приходилось иметь дело). Выслушав внимательно собеседника, он попросил помощника, моложавого мужичка, подать чаю, придвинул к себе чистый лист бумаги и принялся что-то чертить на нем. Оказалось, что он был занят разработкой маршрута дальнейшего следования ученого к месту командирования. Согласно схеме выходило, что евлахский секретарь берется обеспечить его переброску в Тер-Тер.

— Отсюда мы каждый день отправляем карабахцам солярку, продукты, стройматериалы, словом, все, что им полагается по распределению Центра. Место для одного человека всегда найдется.

Брался он сообщить тамошнему начальству и о приезде ленинградского азербайджанца с тем, чтобы в Тер-Тере помогли перебраться далее до самой границы Кельбаджарского района. Отсюда — как повезет.

— В горах, конечно, как и всюду, — наша советская власть, крепкая. Но горцы, сами знаете, народ своеобразный. Мягко говоря...

Первая встреча с этим своеобразным народом произошла в селе Агдабан, что на самой границе между Тер-Тером и Кельбаджарами.

Совершенно неожиданно день догорел и погас под проливным дождем, невесть откуда грянувшим и накрывшим путников — молодого геолога и столь же молодого учителя, направлявшегося в район минеральных вод по распределению после окончания педагогического техникума. Нужно было думать о ночлеге. Их «гид», местный крестьянин, ловко управлявший тощей лошадкой, тяжело, с храпом тянувшей грозящую вот-вот развалиться телегу на многочисленных спусках, отчаянно похлестывая по бокам несчастное животное, вывел уже успевших промокнуть пассажиров к неказистому дому, где располагался, как он уверял, сельсовет. Из приоткрытой, грубо сколоченной двери дыхнуло восхитительным запахом горящих поленьев и свежееиспеченного хлеба, в глубине комнаты мерцал золотистый свет керосиновой лампы.

Плечистый детина, представившийся председателем сельсовета, не рекомендовал им продолжать путешествие и предложил заночевать в Агдабане, дожидаясь солнца. На вопрос, когда оно выглянет, солнце, детина посмотрел за дверь (в доме окон не было), шумно потянул носом и, стряхнув с головы капли дождя, дал прогноз: не раньше завтрашнего полудня. Прогноз оказался довольно точным, с одной лишь поправкой — дождь к полудню действительно прекратился, но солнце выглянуло для того, чтобы вновь исчезнуть. В результате Муса, точнее, Сельсовет-Муса, так звали председателя, не рекомендовал отправляться в путь на ночь глядя:

— До райсовета километров пятьдесят — не меньше. А на горных дорогах не только медведи шастают...

Через пару часов село погрузилось во мглу, и наступила жуткая тишина.

Путники проснулись среди ночи от громких голосов, приглушенной ругани, шараханья каких-то теней, заполнивших комнату. Чья-то рука вырвала из темноты лампаду и принялась шарить по углам. Наконец, возник Сельсовет-Муса, поставив на середину комнаты грубо сколоченную табуретку и водрузив на нее керосинку так, что можно было разглядеть тех, кто сгрудились вокруг этого источника жизни. Ночных пришельцев возглавлял крупный мужчина, папаха которого как бы служила ему еще и маской, что ничего хорошего не сулило тем, кто повстречался бы с ним в темени кельбаджарского каньона. По тому, как председатель сельсовета

бросился кипятить чай, как он суетился вокруг стола, раскладывая на нем чашки, куски овечьего сыра и лаваша, легко можно было догадаться, что ночной пришелец как раз и являлся одним из тех, кто шастает по здешним горным тропам, о чем до председателя сельсовета Мусы предупреждали нашего героя еще в Баку.

— Ну что ж, коли свела нас судьба — будем знакомы: Ири-Хосров (Большой Хоеров).

Имена новых знакомцев не произвели впечатления на обладателя мохнатой папахи, по-прежнему заслонявшей его лицо. Только спросил горожанина:

— Мир-Али? Из сеидов, что ли?

Тот неопределенно пожал плечами, улыбнулся своей мягкой улыбкой:

— Вообще-то я геолог. Приехал сюда из Ленинграда изучать ваши родники, источники. Они обладают лечебными свойствами.

— Так это и моя бабушка знавала, — громко пробасил детина и неестественно засмеялся. И это был смех, от которого по коже пробежали мурашки.

— Вот и хорошо! До меня только ваша бабушка знала, а после меня — весь мир узнает!

Это сообщение произвело впечатление на ночного гостя. Он прервал свой смех и придвинулся ближе к Мир-Али:

— А ты не из чекистов, а? Они тоже любят сказки всякие рассказывать. Нет, по глазам вижу — мирный человек. Молод больно. А что за профессия у тебя — геолог?

«Лекция» Мир-Али затянулась до самого утра. А завершилось знакомство тем, что Ири-Хосров, пожимая ему на прощанье руку, пробасил дружески:

— Ежели кто тебе поперек дороги встанет, дай мне знать.

И, обращаясь уже к Сельсовет-Мусе, приказал:

— Геолог — мой друг. Так и знай. И всем передай. И, хлестнув коня, скрылся в предрассветной мгле. Больше Мир-Али так и не довелось повстречать Ири-Хосрова, хотя пришлось посещать эти места на протяжении всей жизни. Выполнил ли его приказ Сельсовет-Муса или нет, история Кельбаджар об этом умалчивает. Только за четыре месяца, проведенных в Исти-Су, никто ему поперек дороги не вставал, хотя еще долго ходили слухи о бандах, не покорившихся новой власти, грабителях и убийцах, наводивших ужас на всех и прежде всего тех, кто наезжал сюда из большевистского Баку.

Проделав на лошадях нелегкий путь в 50 километров от Агдабана до райцентра Кельбаджар, наш герой поселился в тамошнем гостевом доме, где обычно останавливалось высокое начальство из Баку. Оно навещалось в эти края редко, потому как ни хлопком, ни овцеводством не славен был затерявшийся высоко в горах (2225 метров над уровнем моря) Кельбаджар. А знаменит он был своими минеральными источниками. Местные жители использовали их в качестве лечебного средства от всяких хворей, ориентируясь на легенды и рассказы стариков, — первые врачи появились в этих краях сравнительно недавно, да и то бывали здесь наездами, в летние месяцы. А с наступлением дождливой и холодной осени тучи плотным шатром опускались над Кельбаджаром, и городок погружался в пелену непроницаемого тумана.

Лучших условий для проведения исследовательских работ у источников, находившихся в непосредственной близости от райцентра, трудно было представить: никто и ничто не отвлекает, ученый с утра направляется в горы, возвращается с сумерками. Допоздна ведет свои записи.

Он фиксирует как факт то обстоятельство, что ранее минеральным источникам Азербайджана и их бальнеологическому значению не уделялось почти никакого внимания. Особенно интересными, по его мнению, являются группы минеральных источников Верхние и Нижние Исти-Су и Багырсах. Ученый уточняет, что по своим физико-химическим свойствам источники Исти-Су являются аналогом всемирно известных источников Карлсбада. Обнаруженная повышенная радиоактивность этих источников при большом содержании углекислоты, что встречается крайне редко, позволяет считать минеральную воду Исти-Су особо ценной.

Надо заметить, что к этой теме в последующем обращались неоднократно и сам М. Кашкай, и другие ученые — геологи, бальнеологи, курортологи. Характеристики, определения, данные им в 1934 году, были подтверждены и составили основу научных данных о минеральных источниках района.

Вот некоторые, ныне уже широко известные положения.

«Минеральные источники курорта Исти-Су расположены на правом склоне, на дне глубокой долины, за исключением одного источника, Зарегистрировано пока нами здесь 16 выходов, из них правильно функционирующих 11. Благодаря газам, условиям циркуляции минеральной

воды в выводном канале и отложениях минеральных частиц в последнем, количество выходов источников меняется»^[34].

Проведя химический анализ вод источников, азербайджанский ученый пришел к выводу, что «все минеральные источники группы Исти-Су имеют приблизительно одинаковый химический состав и могут быть причислены к группе углекисло-глауберово-щелочных терм».

Запомним и несколько слов, сказанных молодым Кашкаем по поводу перспектив курортного строительства на Нижнем Исти-Су, находящемся в десяти километрах к югу от описанного выше Исти-Су:

«Склоны ущелья здесь имеют падение около 35 градусов и образуют узкую долину, поэтому, несмотря на прекрасные качества минеральной воды источников, строительство курорта представит большие затруднения. Но если разведочными и буровыми работами удастся увеличить дебит источников и перевести эту воду каким-либо способом на несколько километров ниже по р. Тертер, где имеются красивые ровные места, покрытые лесом, то можно было бы создать второй самостоятельный курорт. К этому способу использования минеральной воды надо прибегнуть в крайнем случае, так как переводить воду на расстояние не рекомендуется»^[35].

Кашкай еще вернется к этому вопросу, когда жизнь потребует новых решений...

В деле изучения и оценки значения минеральных источников одним из важных и интересных является, как известно, их генезис. Вывод молодого Кашкая точен и емок:

«...С большой долей вероятности можно высказать мнение, что генезис источников Исти-Су связан с четвертичными вулканическими процессами, продолжающимися еще теперь в более глубоких частях земной коры и питающими наши источники теплотой и некоторыми ювенильными ингредиентами»^[36].

О широте охвата темы свидетельствует следующее указание исследователя: для выяснения генезиса минеральных источников и для увязки геологии исследуемого планшета с сопредельными районами он произвел соответствующие изыскания минеральных источников, находящихся за пределами Кельбаджар.

«Результатом явилась предлагаемая работа, состоящая из трех частей: 1) геолого-петрографический очерк района минеральных источников Исти-Су; 2) геохимия минеральных источников; 3) радиоактивность минеральных источников и травертин»^[37].

Левинсон-Лессинг, по рассказам М. Кашкая, прекрасно понимал, что минеральные источники Исти-Су могут стать отдельным направлением научной деятельности его ученика. С точки зрения, как принято говорить, диссертательности, научные исследования, порученные аспиранту, должны были стать первым и главным шагом в этом направлении. Изучив геолого-петрографические особенности района источников, их геохимию, можно в последующем приступить к дальнейшим разработкам минеральных источников, их практическому использованию.

Вот почему маститый ученый определил тему кандидатской работы своего аспиранта как «Геолого-петрографический очерк района Исти-Су и геохимия источников».

ВЫСТРЕЛ В СМОЛЬНОМ

Однако наш герой осенью 1934 года почему-то не торопится в Ленинград. В Баку многое изменилось. Тот же революционный порыв «Даешь индустрию!» чувствуется и здесь. Азербайджанские нефтяники выполнили первую пятилетку за два с половиной года. Об этом ежедневно пишут газеты, напоминая о новой сверхзадаче — выйти на выполнение планов второй пятилетки такими же скоростными темпами. «Нефть — кровь социализма!» — пишут бесчисленные агитаторы.

Новый партийный руководитель Мир-Джафар Багиров энергично добивается поставленных целей. И каждый, кто, с его точки зрения, может встать ему поперек дороги, рискует исчезнуть навсегда. Кашкай многих недосчитался в родном политехническом. Оказалось, что и сюда, в Баку, проникли сообщники Зиновьева и Троцкого... Нет, здесь теперь задерживаться нельзя.

И все же что-то его удерживает. Скорее всего, дела сердечные. А что еще может толкнуть на такое безрассудство человека, когда ему 27, у него блестящие перспективы в Ленинграде и на носу защита диссертации? А он ходит в гости к бакинским знакомым, родственникам, все чего-то ждет...

Он вернется в институт со значительным опозданием, и академику Левинсону-Лессингу придется заступиться за своего аспиранта перед грозным руководством комитета кадров АН СССР: *«Настоящим удостоверяю, что аспирант Мир-Али Кашкай был задержан в Баку для окончания отчета по экспедиции с моего ведома и согласия, 17 ноября 1934 г.»*^[38].

Сегодня любому аспиранту и студенту это может показаться странным. Между тем дисциплина в аспирантуре в те годы была похлеще студенческой. Советская власть не собиралась разбазаривать деньги рабоче-крестьянского государства, выделенные на подготовку кадров, столь необходимых науке и производству. «Вас направила на учебу республика — помните об этом, это — высочайшая ответственность!»

Одним словом, пронесло в тот раз. Но осталась в душе какая-то пустота. То ли от недосказанности в отношениях с той, ради которой он забыл о суровых ленинградских порядках, то ли от нравоучений, которые пришлось выслушать последовательно в учебной части, профкоме, на кафедре, на общеинститутском собрании. Пустота и предчувствие чего-то недоброго. Атмосфера затаившегося страха, который угадывается в

ответственности за каждый шаг, за каждый безобидный проступок.

Ужесточение дисциплины. Лучший способ самоизоляции — лаборатория, микроскоп, тишина. И крик, словно выстрел, возвращающий к реальности: «Товарища Кирова убили!»

Официальное сообщение: «1 декабря 1934 г. от руки гнусного убийцы из троцкистско-бухаринской банды шпионов и диверсантов погиб в Смольном пламенный борец за коммунизм С. М. Киров»^{39}.

Каждая строчка в нем подобна залпу. Еще не проведены следственные мероприятия, а уже известно: убийство — дело рук троцкистов и зиновьевцев. Кто же, как не они?!

Лаборатория закрывается. Надолго. У всех в глазах вопросы: «Кто?», «За что?». И невысказанное, затаенное: «Что теперь будет...»

Ленинград задыхается от зловещих сообщений. Убийца — Николаев Леонид, ленинградец. В Ленинград спецпоездом прибыл товарищ Сталин. На перроне в ответ на доклад начальника ГПУ по Ленинграду Ф. Медведя влепил тому пощечину. Николаев утверждает, что совершил убийство в одиночку из личного оружия. Допрашивают Сталин, затем Г. Ягода, Н. Ежов, Я. Агранов. «Я убил Кирова выстрелом в затылок в нескольких шагах от его кабинета в Смольном».

— Не к добру это... Не к добру, — говорит Петр Иванович Лебедев.

Профессор отворачивается к окну, за которым сквозь темень ленинградской ночи слабо мерцает тусклый свет уличного фонаря. И слова, от которых Мир-Али невольно содрогнулся и которые он будет помнить всю жизнь: «Они не простят этого».

Он не стал спрашивать учителя, кто это «они». Ясно ведь — кто...

«Убийца из троцкистско-бухаринской банды шпионов и диверсантов!» — эта фраза повторяется тысячекратно, как заклинание. И хор народных голосов вторит ему. И требует: «Отомстить за Мироныча! Теснее сплотим ряды!» Но ленинградцы — народ ученый, у них есть и другая информация: Николаев из рабочих, партиец, работал в Лужицком уездном комитете комсомола, а затем в промышленном отделе обкома партии, потом был исключен из партии, но в апреле 1934-го восстановлен с занесением строгого выговора в учетную карточку. Был женат на Мильде Петровне Драуле, латышке, работавшей техническим секретарем в обкоме партии, а с лета 1933 года — инспектором Управления уполномоченного наркомата тяжелой промышленности... Была близка с Кировым, из-за этой близости-то и раздался выстрел Николаева...

«Cherchez la femme...» — то ли вопрошает, то ли утверждает профессура в кулуарных разговорах. Драуле была довольно пикантная

особа. А Мироныч — известный жизнелюб... На митинге, однако, все требуют: «Убийц к ответу!»

Убийц? Но он один — Николаев...

Наконец занавес опускается: «Убийца товарища Кирова, троцкист Николаев, **приговорен к смертной казни**».

Николаев расстрелян. Народ торжествует. Ленинградцы знают больше: Мильда Драуле исключена из партии «за потерю бдительности». Вся семья Николаева, М. Драуле и ее мать расстреляны...

— Боюсь, что это только начало... Опять начнут выволакивать на улицы недобитых буржуев...

Это профессор П. И. Лебедев. Он пристально смотрит на аспиранта Кашкая. «Немецкий знает. Воспитан тоже отнюдь не по-пролетарски. Поступит подметное письмо из Баку, как несколько лет назад, на этот раз забот не оберешься».

— Афоризм есть у Ницше: «Человек попадает под экипаж именно тогда, когда он удачно увернулся от другого экипажа». Не про нас ли это с вами, Мир-Али?

Классовая борьба. Классовая ненависть. Классовый подход ко всему. Классовая борьба обостряется. Она приводит в движение машины Большого террора. Когда он начался, этот террор?

Кто его знает... Сидит в человеке ненависть, возвращенная Разиными да Пугачевыми. Белый террор ведь не выдумки большевиков. Он был, к сожалению. И Ленин ответил красным. Социализм посягает на главное, что составляет суть всего остального мира, — собственность. И ему этого не простят. Большевики это прекрасно понимают. Но они и впрямь сделаны из другого человеческого материала. Они будут отстаивать свои принципы до конца, до последнего вздоха. Они фанатики. И их бог — Маркс, а пророк — Ленин. Заметьте, народ на их стороне. По крайней мере, подавляющее большинство его. Почему? А все очень просто — они олицетворяют собой рабоче-крестьянскую власть. И что бы ни говорили, а эта власть — власть большинства. Троцкий, типичный доктринер — европейски образованный, с языками, блестящий оратор. Он был убежден, что красноармейцы, рабочие Петербурга и Москвы поднимутся на его защиту. Несчастный! Он так и не понял, что Сталин и Киров стократно ближе к этому народу, чем он со своим знанием классической философии!

Впрочем, мы повстречались, видимо, с явлением, которое когда-то Герцен назвал темной основой нашей природы. Он называл это демоническим началом истории, которое вносит расхождение между идейными теориями и их практическим осуществлением.

Профессор достает из книжного шкафа своего любимого Герцена, медленно листает, читает: «Мы были свидетелями, как все упования теоретических умов были осмеяны, как демоническое начало истории нахоталось над их наукой, мыслью, теорией, как оно из республики сделало Наполеона. А из революции 1830 года — биржевой оборот».

— Так и у нас — революционная романтика кончилась... Однако мы слишком отвлеклись. Мы плохо разбираемся в политике, по той простой причине, что мы геологи. Наша жизнь проходит в горах, вдали от бурных политических баталий. Может, в этом-то и состоит наше простое человеческое счастье. Каждому — свое.

На этом разговорам о роковом выстреле профессор кладет конец.

*

— Мир-Али, я бы просил вас не расхолаживаться. У вас не так уж много времени остается до защиты. А предзащита и вовсе на носу.

Профессор перебирается в Москву и советует своему аспиранту последовать за ним, как только такая возможность представится.

А у М. Кашкая работа почти готова. И он немедленно обращается в управление кадров: *«В связи с необходимостью ознакомить с новыми материалами и текстом научной работы моего руководителя Лебедева П. И., прошу командировать меня в Москву сроком на два месяца. Относительно длительности командировки имеется договоренность между академиком Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом и профессором П. И. Лебедевым»*^[40].

10 июня 1935 года он выходит на защиту кандидатской диссертации.

ЗАЩИТА

С этого момента жизнь Мир-Али Кашкая приобретает явное ускорение.

Часть ленинградских ученых перебросена в Москву, куда перебазировался ГИН — Геологический институт. Там же получает новую работу его научный руководитель, с которым приобретает постоянный, рабочий характер. Лебедев торопит Кашкая с диссертацией, одновременно рекомендуя ему после защиты окончательно также перебраться в Москву. Благо работы хватает, квалифицированные специалисты наперечет, а Кашкай зарекомендовал себя вдумчивым, исполнительным ученым, со значительным опытом практической работы. Как-то незаметно он освоился в новой структуре Академии наук СССР, также перебравшейся в Москву: ему все время поручают различные срочные задания, он постоянно нужен в Институте геологии.

Телеграмма из Ленинграда о предстоящей защите 10 июня 1935 года застаёт его почти врасплох. Будучи человеком скрупулезным, старающимся до конца отшлифовать каждую мысль, каждую фразу, он тем не менее вынужден срочно выслать текст диссертации в Институт петрографии.

В связи с этим на защите вспыхнет краткая, но острая полемика.

«Учитывая длительный срок — два года — обработки материалов, от автора можно было бы ожидать более точного оформления работы, — скажет один из оппонентов старший специалист Б. М. Куплетский. — Однако объемистая рукопись, претендующая на достаточно полное освещение района, страдает некоторыми, вызывающими сожаление, дефектами»^[41].

М. Кашкай, заключительное слово:

«Вынужден обратить внимание оппонентов, что должен был защищать диссертацию несколько позже и поэтому не смог в сжатые сроки до конца откорректировать всю работу. Хотел бы также заметить, что два года вовсе не такой уж достаточный срок для того, чтобы произвести серьезную геолого-петрографическую работу, к тому же на белом пятне. Кроме того, по ходу исследования было решено особое, большее внимание уделить геохимии минеральных источников и вопросам их радиоактивности»^[42].

10 июня 1935 года — заседание квалификационной комиссии Института геологических наук Академии наук СССР. Председатель

комиссии, член-корреспондент профессор Д. С. Белянкин, члены комиссии: профессор А. С. Гинзберг, профессор П. И. Лебедев и старший специалист Б. М. Куплетский. На заседании присутствует 37 человек. Это видные ученые, аспиранты, специалисты по Минводам.

В те времена защита диссертации шла не по накатанной схеме, как сейчас, а превращалась как бы в свободную дискуссию, по итогам которой и выносилось окончательное суждение о ценности и квалификации предложенного вниманию присутствующих научного исследования. Старые ученые, которых среди советских геологов было немало, продолжали придерживаться порядка дискуссионноеTM в процессе защиты диссертации, принятой в русской научной школе.

Тон дискуссии задал профессор А. С. Гинзберг.

«Аспирант вполне ознакомился с русской и иностранной литературой, не только связанной с прямым объектом исследования — районом Исти-Су, но и посвященной ряду затрагиваемых диссертантом проблем. Автор хорошо освоил современную микроскопическую технику и, что особенно важно для петрографа, является и хорошим химиком. Он выполнил четыре полных анализа описываемых им горных пород. С основными выводами диссертанта, как и в геолого-петрографической части, так и в вопросе генезиса минеральных источников, можно вполне согласиться. Но в работе имеется ряд отдельных моментов, против которых можно и должно возразить»^[43].

Вчитываясь в заключительное слово М. Кашкая, суждения, высказанные другими участниками заседания, невольно приходишь к выводу, что критика каких-то положений диссертации была вызвана не столько значимостью замеченных недостатков, слабыми сторонами исследования, сколько желанием, вызвав дискуссию, прощупать основательность подготовки молодого ученого, его владение проблемой, способность защищать собственное научное кредо.

Любопытно, что профессор Гинзберг, затронув ряд вопросов геолого-петрографического характера и проблемы генезиса минеральных источников, считает нужным обратить внимание диссертанта «на характер изложения и стиль, так как встречаются фразы», которые грешат, по мнению профессора, «литературным несовершенством»^[44].

М. Кашкай, отвечая на все замечания оппонентов, демонстрирует глубину теоретических познаний, широту кругозора, точное, конкретное представление об исследованной местности. Его русский безупречен, и это тоже видят и слышат присутствующие. В связи с замечанием относительно

самого литературного оформления работы он вдруг с легкой улыбкой замечает, что слово, по мнению, философов Востока, не обязательно способно скрасить мысль, чаще даже наоборот. И под недоуменные взгляды оппонентов ссылается на Чжуан-Цзы, китайского философа глубокой древности: «Слова нужны, чтобы поймать мысль, когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне найти человека, забывшего слова, и побеседовать с ним».

Эта реплика диссертанта вызвала даже легкий всплеск аплодисментов, что в зале заседания геологов случалось не часто. Напряжение снято, и заключительная часть защиты, когда зачитывался отзыв о диссертации профессора Лебедева, проходит почти в непринужденной обстановке. Он как бы подытоживает общее впечатление о проделанной аспирантом работе:

«Все сказанное дает впечатление значительной полноты представленной диссертации, умение автором пользоваться научно-исследовательской методикой в области петрографии, делать соответствующие заключения и сопоставления полевых данных и данных камеральной обработки и позволяет ожидать его дальнейшего роста в научном отношении»^[45].

Знал ли что-то о надвигающихся переменах в научной жизни профессор или пытался дать своему питомцу точное направление деятельности в будущем? Об этом можно только гадать. Но, как бы там ни было, уже ближайшие события показали, что профессор Лебедев не ошибся в своем прогнозе.

*

Бывают в жизни часы, когда все удается. Словно проказница, удача повернулась к вам лицом, и каждый день преподносит сюрпризы, один приятнее другого. За что ни возьмешься, все получается легко и быстро. И жизнь кажется в такие периоды беззаботной и успешной, а сил и энергии столько, что можно горы воротить.

Наконец, приказ по институту:

«Выпустить из аспирантуры АН с июля 1935 г. Кашкая Мир-Али Сеид Али оглы как окончившего аспирантуру по петрографическому институту и защитившего диссертацию на степень кандидата геологических наук»^[46].

Он покидает стены института с двухмесячной стипендией, выданной вперед. Чуть ранее, еще в июне, размер ее аспиранту М. Кашкаю увеличен до 400 рублей. Это же целое состояние! Советская власть не жалеет денег на науку. Аспирантской стипендии — 175 рублей — ему хватало на жилье, бытовые расходы, разъезды. К тому же во время экспедиций за проделанную работу аспирант получал дополнительную плату. Словом, остались позади первые годы учебы, когда аспиранты искали «дорожку» в столовую горсовета, где кормили вкусно, сытно, обильно и куда дешевле, чем в институтской столовой с ее самым популярным блюдом «зеленый суп с крапивой». С деньгами выпускника — почти 800 рублей! — можно выехать в Баку, закупить подарков родным и близким, вволю погулять в Кисловодске, куда зачастила новая азербайджанская знать.

Кашкай по-настоящему счастлив. Он сделал первый важный шаг в науке, уверен в своих силах и в своем будущем. Но вот чего не может себе позволить в данную минуту — это расслабиться, отдохнуть, погулять в Кисловодске, куда уже выехал Мир-Джамал. П. И. Лебедев срочно вызывает его в Москву, где всю разворачивает свою работу Петрографический институт Академии наук СССР (через несколько лет он будет носить имя Ф. Ю. Левинсона-Лессинга). А летом 1935 года Левинсон-Лессинг настаивает на том, чтобы молодого азербайджанского ученого оставили работать в Москве.

«В лице Мир-Али Кашкая мы имеем вполне сформировавшегося молодого ученого, перу которого принадлежит ряд печатных трудов. Кашкай М.-А. хорошо владеет методами исследования, умеет пользоваться литературой и проявляет серьезный интерес к научным проблемам. Я считаю его вполне подготовленным к докторантской аспирантуре...» — пишет он в характеристике, направляемой в АН СССР^[47].

А руководство Ленинградского петрографического института только что подготовило предложения по организации Северокавказской петрографо-геохимической экспедиции Академии наук СССР. Ни у кого не вызывает сомнений, что один из отрядов должен возглавить Мир-Али Кашкай. Перед ним ставится масштабная, имеющая большое народно-хозяйственное значение задача — изучить вопросы, связанные с наличием полезных ископаемых в Карачаевской автономной области, которая занимала значительную часть северного склона Главного Кавказского хребта. Так уж получилось, что окончательное решение по экспедиции вышло в верхах к лету 1935 года, к моменту назначения его старшим научным сотрудником АН СССР.

Теперь у него новый адрес — Карачаевская автономная область.

Область богата месторождениями полиметаллических руд, редких металлов (молибден), железа, угля, барита и других рудных концентраций. Образование большинства этих руд связано с изверженными породами, которые распространены в этом районе. Исследование этих пород и является задачей экспедиционного отряда, возглавляемого молодым кандидатом наук. Здесь, в верховьях реки Кубань, в системе рек Хурзук и Учкулан, приступил он к работе в новом качестве.

Уже тогда эти места привлекали массу туристов, любителей природы. Это не может не отметить и М. Кашкай. Строго научную статью «На северном склоне Главного Кавказского хребта», явившуюся итогом изучения полезных ископаемых области, он начинает с описания открывшегося ему ландшафта:

«Район расположен недалеко от горы Эльбрус и представляет собою сильно расчлененную гористую местность с высокими вершинами и глубокими, широкими долинами, имеющими чрезвычайно крутые склоны. Южная часть района в полосе, параллельной Главному Кавказскому хребту, покрыта ледниками и снегом, который не тает летом и питает речки Учкулан и Хурзук. Эти речки текут в широкой долине. Сливаясь, они образуют р. Кубань, текущую в том же направлении, что и остальные ее притоки. Водоразделы между ними расчленены на многочисленные крутые хребты, которые отличаются малодоступными вершинами»^[48].

Спустя несколько месяцев отряд закончит свою работу, и М. Кашкай вернется в Москву, где весь 1936 год посвятит анализу собранных материалов, подготовке доклада о характеристиках полезных ископаемых Северного Кавказа, публикациям о проведенных исследованиях.

Вот основные тезисы его доклада об экспедиции на Северный Кавказ.

«В районе наших исследований обнаружен ряд полезных ископаемых, большинство которых содержит небольшое количество рудных концентраций. Некоторые из них были известны до нас; несколько же точек вкрапленных руд обнаружены нами. Эти рудные образования не имеют пока промышленного значения, но представляют большой интерес для геохимической характеристики района и выяснения некоторых генетических вопросов. Для более полной геохимической картины мы ввели также в круг наших исследований месторождения свинцово-цинковых руд

— «Эльбрус» расположенные ниже по р. Кубань, примерно на расстоянии 10 км от аула Учкулан, и месторождения на Даутском хребте, по рекам Индыш и Худее. Эти точки имеют большое промышленное значение для области. Здесь находятся штольни, проникающие далеко вглубь горы, и довольно удобные жилые и рудничные сооружения. Месторождения являются полиметаллическими. Они содержат, главным образом, цинковую обманку (сфалерит) и свинцовый блеск, галенит, в меньшем количестве — медный колчедан, серный колчедан (пирит) и мышьяковую руду (реальгар).

Наиболее интересным из месторождений полиметаллических руд, отмеченных по система рек Учкулана и Хурзука, является месторождение, которое расположено у левого истока Кичкине-кола (притока р. Гондурай), покрытого ледником. Подъем на это месторождение возможен лишь при помощи буров, вбитых в скалы; он представляет большие трудности»^[49].

Из официальной биографии: «М. Кашкай составил геологическую и геохимическую карту обширных территорий Алтая, Западной Сибири, Северного Кавказа...»

Это и есть главный итог российского периода в жизни азербайджанского ученого. Разумеется, при современных совершенных и оперативных методах геологического исследования труд, упомянутый в биографии М. Каткая, не поражает воображения. Но будем помнить, что многие километры непроходимой тайги и коварных горных перевалов он прошагал с рюкзаком за плечами. Детальные геологические карты, подготовленные им, служили многим поколениям советских геологов. И все это в возрасте от 24 до 28 лет. На такой объем работы у иных уходила целая жизнь...

«Крылья даны птице для полета. Если летать — то высоко!» — пишет Кашкай в одном из писем.

Его полет в мире науки становится уверенным, набирает стремительность...

По его признанию, советские геологи в 30-е годы провели, так сказать, первый зондаж полезных ископаемых СССР. Им предстояла огромная работа на просторах необъятной Евразии. М. Кашкай мечтал о новых экспедициях — на Урал, Украину, Камчатку и опять же — на Кавказ.

Но судьба уже заготовила ему совершенно иной поворот, иную долю.

В октябре 1935 года АзОЗФАН решением правительства республики преобразовывается в Азербайджанский филиал Академии наук СССР (АзФАН).

Прежде чем продолжить рассказ о том, как отразилось на карьере нашего героя это решение, поясним, что означала аббревиатура АзОЗФАН. Еще в конце 1932 года постановлением Азербайджанского Центрального исполнительного комитета на базе Азербайджанского государственного научно-исследовательского института было организовано Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР. Эта была первая попытка концентрации научного потенциала молодой республики в едином центре. Разумеется, как создавались тогда высшая школа, музыкальные, композиторские школы — при поддержке Москвы, Ленинграда, Киева, так и научная база в Азербайджане формировалась и укреплялась при помощи специалистов, направляемых из России. Ее технический фундамент укреплялся за счет перебазирования различных научно-исследовательских организаций. Научных сил и в Баку, и в Тбилиси было маловато, чего нельзя было сказать о республиканских амбициях.

В рамках единого Закавказского филиала развитие научной мысли тормозилось желанием каждой стороны перетянуть, как говорится, на себя большую часть одеяла. Грузия претендовала на особое внимание в связи с возвышением «горного орла» — И. Сталина. Азербайджан практически находился в центре внимания Советского государства с учетом выдающегося значения Баку как нефтяного и культурного, космополитического, или как говорили в ту пору, интернационального центра.

Очень быстро республики, во главе которых стояли сколь честолюбивые, столь же авантюрные лидеры — Л. Берия и М.-Дж. Багиров, стали тяготиться обязательствами, которые налагали на них рамки филиала. Так они вышли на решение, которое подтвердило ожидаемый эффект, — создание республиканских филиалов АН СССР.

С самого начала в практической реализации этой идеи активно участвовали выдающиеся научные фигуры, знаменитые академики И. М. Губкин, С. С. Наметкин и уже знакомый нам Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

Само собой участие двух выдающихся геологов и Наметкина — крупного химика того времени в организации АзФАН объясняется нефтяной спецификой Баку. Ничего удивительного не было в том, что эта

могучая тройка поочередно возглавляла первый академический центр Азербайджана. Как, очевидно, уже догадался читатель, Левинсон-Лессинг, занятый формированием структуры будущей Академии, никак не мог обойтись без своего ученика — Мир-Али Кашкая.

Они встретились в конце 1936 года в Москве, в Старомонетном переулке, 35, где теперь располагался Петрографический институт.

— Как вы смотрите на то, чтобы вернуться в Баку?

Разумеется, долгими зимними вечерами в Ленинграде или у таежного костра он не раз размышлял об этом.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения для современного читателя. Оставаясь представителями различных народов и этносов, азербайджанцы, белорусы, украинцы, грузины и многие другие реально ощущали себя гражданами великого государства — Советского Союза. Их равноправие подтверждалось возможностью найти работу по призванию в любом уголке огромной страны. Официальная идеология — пролетарский интернационализм — исключала какое-либо ущемление прав, не говоря уже об унижении национального достоинства. Так что у Кашкая, как и у большинства его соотечественников, были как бы два отчих дома: один большой — Советский Союз и другой — Азербайджан, край, взрастивший его, и с которым он был связан нравственно и духовно. И, как бы ни складывалась жизнь, здесь жил народ, частицей которого он себя сознавал, это была земля его предков.

Россия приняла его душевно, щедро делилась опытом и знаниями. Как человек в высшей степени интеллигентный, с развитым чувством благодарности, он не мог не отметить бескорыстия и дружеского участия русских ученых в своей судьбе. Франц Юльевич так же, как и другие люди науки, с которыми он общался в Ленинграде и Москве, внес решающий вклад в его становление как ученого.

Он воспринимал их не просто как опытных и знающих учителей. Они стали ему родными людьми. Нет, в том, что Москва для него была и осталась родным краем, не было никакого преувеличения. Ну а с Баку и Гянджой он был связан, как дитя с матерью. Что тут объяснять — родина есть родина.

И что тут спрашивать? Разумеется, для молодого человека было высшим счастьем вернуться на родину и служить ей, отдать своей стране и народу свои знания и силы. И в этих мыслях не было ни рисовки, ни бравады, ни ложного патриотизма. Так думала лучшая часть тогдашней азербайджанской интеллигенции. И, главное, — так она поступала в практической жизни. Нариман Нариманов, несмотря ни на что, сумел

добиться от Москвы специальной квоты от продажи нефти для нужд образования.

К слову, число азербайджанских студентов, обучавшихся в странах Европы, Москвы и Ленинграда, перевалило очень быстро за сотню. Узеир Гаджибеков не только писал свои оперы и романсы, но, формируя симфонические оркестры, где только мог, искал национальные таланты. Самед Вургун энергично поддерживал молодых поэтов. На долгое время поддержка молодых способных людей стала яркой чертой азербайджанской интеллигенции. Последним, кто активно развивал эту традицию на государственном уровне, был Шихали Курбанов...

— Честно говоря, я предпочел бы вернуться после защиты докторской. Вы же знаете мои планы, они утверждены ученым советом.

— Я того же мнения относительно вашей научно-исследовательской работы. Но в Баку мало ученых с хорошей базовой подготовкой. Они есть, но в большинстве своем приезжие.

Франц Юльевич на минуту задумался, вспомнив прием у партийного руководства республики после создания АзФАН. Собственно, руководство воплощалось в одной фигуре — М.-Дж. Багирове, обладателе крупного, с массивной челюстью лица, говорившего короткими, четкими фразами, негромким хрипловатым голосом. Его суждения развивали известные соображения Сталина о необходимости готовить кадры на местах, форсировать создание отрядов национальной интеллигенции.

— Работу над докторской вы можете продолжить и в Баку. Мы же будем работать вместе. Мы с вами обладатели счастливой профессии, Кашкай. Геология ведь не литература и не история, не имеет ни национальной формы, ни национального содержания. Ее родина — Земля. Где бы мы ни работали, мы прежде всего служим великой науке о Земле. Ваше появление в Баку будет стимулировать научный выбор ваших соотечественников — азербайджанцев. Вашей республике очень нужны ученые геологи. Не один, не два — армия требуется. В этом — патриотический аспект вашей позиции, дорогой Кашкай. Говоря вашими же словами, вы уже умеете летать, набрали высоту. Так научите же этому искусству — летать высоко — ваших соотечественников...

Что мог сказать в ответ Францу Юльевичу его азербайджанский ученик? Разумеется, к тому времени учитель знал кое-что о жизни Мир-Али, его родителях, нелегкой судьбе. Но что за этим скрывалось, чем грозило Мир-Али его непролетарское происхождение — вряд ли профессор, занятый мыслями о философии земного строения, догадывался.

В России Кашкай чувствовал себя более комфортно — ни косых

взглядов, ни многозначительных намеков по поводу корней, которые легко можно было бы назвать буржуйскими, в связи с чем, само собой, могли возникнуть подозрения во вредительстве...

Он затерялся в научных дебрях Ленинграда и Москвы, как в тайге, которую исходил вдоль и поперек, куда редко докатывалось эхо классовых битв и где человека привыкли ценить по тому, каков он есть на самом деле и как он вживается в нелегкую таежную жизнь.

И тут, пожалуй, надо бы сказать несколько слов об отношении Мир-Али Каткая к Ленинграду. Нет, он не называл этот город, в который нельзя не влюбиться, подобно старому и верному петербуржцу Д. С. Лихачеву, Петербургом. Он застал его уже Ленинградом, и таким он вошел в его жизнь — раз и навсегда. Он считал петербуржцев людьми особого качества, мог подолгу об этом восхищенно рассуждать, как и о неповторимом очаровании города, которое точно выразил все тот же Лихачев в своем классическом определении: «Небесная линия города на Неве». Величественность силуэта, значимость немногих выразительных вертикалей и шпилей, куполов, колоколен, будто прорисованных на фоне свободного северного неба, он всегда будет хранить в своем сердце. Как и приветливость людей Северной столицы России...

«УЧЕНЫЕ НА РАЗВЕДКАХ»

...Думалось, наверное, ему также, что он как ученый ленинградской геологической школы представляет несомненную ценность для республики, кто бы ни верховодил в ней. Обо всем этом он не мог не размышлять, поскольку слухи об арестах, исчезновении знакомых, в том числе и ученых, периодически доходили до него. Но что могли значить для молодого человека эти слухи и тайные страхи?!

Грандиозная идея создания Национального научного центра, реальная возможность практически участвовать в этом великом начинании культурного строительства влекла, манила его. И он ринулся в Баку, полный решимости немедленно приступить к реализации научных замыслов, которыми всегда жил.

О тех давних днях остались лишь научные труды да краткие биографические сведения. Мало что могут поведать и немногие еще живые близкие и знакомые.

Напластования политических эпох подобны новостройкам, которые возвысились там, где когда-то жались друг к другу милые сердцу бакинцев старинные улочки, деревянные балконы — старый Баку, безвозвратно канувший в Лету.

Благо, что оставил нам покойный академик публикации тех лет. Их, слава богу, много, даже очень. О первой заметке, датированной мартом 1933 года, мы уже упоминали. Рядом с ней приклеена вторая, как раз публикация интересующего нас периода — 22 сентября 1936 года. Стоит остановиться и на ней — бесхитростная газетная информация ведет нас к тем далеким дням, когда наш герой утверждался в новом качестве в Баку — ученого-геолога. «Ученые на разведках» — так называется тассовская корреспонденция в четверть колонки «Правды».

С точки зрения журналистского материала, она вовсе не шедевр и, скорее, способна лишь удивить сегодняшнего читателя наивностью изложения. Однако именно эта простота информации наилучшим образом передает дыхание времени: ученые уходят в горы, чтобы найти полезные ископаемые, столь нужные народному хозяйству, их поиски и находки сделают жизнь народа лучше, а государство мощнее и современнее. С нескрываемой гордостью сообщается, что среди этих необыкновенных людей — геологов уже есть свои, азербайджанские, ученые.

«Вот начальник экспедиции, М. Кашкай. Он кратко сообщает об

открытых в горах Малого Кавказа шести новых месторождений хромитов. Хромиты — ценнейшее сырье для металлургической промышленности. Они обеспечивают производство высококачественной, сверхтвердой хромовой стали. В Кельбаджарском районе работниками этой же экспедиции найден исландский шпат. Кристаллы этого шпата оказались редкой величины и прозрачности. А между тем во всем нашем Союзе известно только одно месторождение исландского шпата. Та же экспедиция открыла ряд месторождений серного колчедана (необходимое сырье для переработки нефти) и железного сурика».

Как видим, наш герой со свойственной ему энергичностью с головой ушел в работу. В АзФАН он — старший научный сотрудник. В университете — уже получил доцентуру на кафедре геологии. Его научно-педагогическая деятельность получает известность. Об этом свидетельствует другая заметка, датированная ноябрем того же года. Она сообщает о совещании работников науки в ЦК комсомола Азербайджана. Комсомольцы обсуждают злободневный вопрос — состояние научно-популярной пропаганды среди молодежи.

Руководство страны спешит, торопится выпестовать свою социалистическую интеллигенцию. Нужно завлекать молодых, тянущихся к знаниям рабочих и крестьян в научные центры. Тогдашний вожак азербайджанского комсомола М. Якубов докладывает о подготовке национальной интеллигенции.

Он проделает неплохую карьеру — продвинется вверх по партийной лестнице, возглавит МВД, а затем станет вторым секретарем ЦК — вторым после всесильного М.-Дж. Багирова человеком. Затем, после совершенно неожиданного падения последнего в 1953 году, возглавит партийную организацию республики. Однако укрепиться на этом плацдарме ему не удастся — слишком близок он был к «бериевскому дружку Багирову», как сказал Г. Маленков. И вскоре канет в безвестность, как многие другие...

Но вернемся в здание ЦК комсомола, где выступают известные ученые и удалые комсомольские вожаки. Среди приглашенных — профессора Комаровский, Фридолин, Усатый, Ильин, Губайдулин, директор АзНИИ Копелюшников (тот самый — знаменитый автор азербайджанского турбобура — первого в мировой нефтяной практике!), доценты — Эфендиев и наш Кашкай. Молодого ученого заметили. И как быть ему незамеченным — старателен, даровит, трудолюбив, с весны — в горах, зимой — в тесном кабинете, заваленном книгами, беспрестанно консультируется с московскими светилами. В АзФАН знают — М. Кашкай воспитанник самого Левинсона-Лессинга.

Ораторы считают, что в деле приобщения к научным знаниям должен сыграть большую роль «такой мощный агитатор, как радио». Поднимается М. Кашкай. Его мало кто знает в партийно-комсомольских кругах. Но раз Рухулла Ахундов (именно под эгидой этого влиятельного партийного деятеля проводится совещание) счел нужным пригласить его и посадить рядом с такой знаменитостью, как Комаровский, значит, этот невысокий, аккуратно одетый человек чего-то стоит.

— Нужно организовать музей-передвижку, — предлагает он. — В Ленинграде умело пользовались таким средством агитации — наглядно, увлекательно, эффектно!

«Музей-передвижка? Это что-то новое», — записывает в план мероприятий Якубов.

Вскоре эта форма просветительской работы получила широкое распространение. Сам М. Кашкай считает необходимым как можно шире распространять геологические знания, рассказывать людям о проблемах, связанных с разработкой полезных ископаемых. С этой целью он широко пользуется возможностями, как сказали бы сейчас, СМИ.

«Территория АзССР еще недостаточно изучена, — пишет он в «Бакинском рабочем» 28 октября 1936 года. — Поэтому Азербайджанский филиал Академии наук СССР поставил ряд геохимических проблем, изучение которых даст возможность лучше познать наши недра. Работа экспедиции, возглавляемой мною, коснулась длинной полосы, состоящей из железисто-магнезиальных пород, тянущейся в северо-западном направлении, приблизительно вдоль Карабахского хребта и далее в Кельбаджары, в систему гор Муровдага и Шахдага».

Сообщив об интересных находках в указанном районе, он напоминает, что «для определения точных запасов должны быть произведены в дальнейшем детально-разведочные работы».

Ученый как бы предостерегает от скороспелых выводов и решений, зная о шапкозакидательских настроениях, бытующих среди определенной части руководителей. Он считает нужным формировать точные представления о полезных ископаемых республики, ее природно-климатических характеристиках. Любопытно, что в работах тех лет, подготовленных М. Кашкаем для широкой читательской аудитории, дана практически полная картина выявленных полезных ископаемых Азербайджана.

«Сама природа создала здесь как бы громадный музей полезных ископаемых, причем некоторые минеральные богатства по своим запасам являются крупнейшими в мире», — утверждает молодой ученый. Надо

полагать, сердца тогдашних строителей нового общества переполнялись гордостью за богатства родной земли, когда они узнавали, что «недалеко от Кировабада в Дашкесане, например, имеются большие запасы железной руды — магнитного железняка... В Азербайджане найдены цинковая и свинцовая руды, имеется и золото... Азербайджан обладает мировыми запасами алунита... Богат Азербайджан и запасами разнообразных строительных материалов — гипса, строительного камня, мрамора. И, наконец, в Азербайджане насчитывается свыше 150 минеральных горячих и холодных источников, целебное значение которых велико».

Однако ученый движим не только патриотизмом. Для него важен прежде всего научный поиск. Вместе с другими молодыми учеными К. Ализаде, Г. Эфендиевым, Ш. Мамедзаде он выпускает книгу «Термины по геологии» (на русском и азербайджанском языках). «Кандидат геологических наук Мир-Али Кашкай — автор ряда научных работ в области геохимии и минеральных источников Азербайджанской ССР. Под руководством членов-корреспондентов Академии наук СССР — профессоров Д. С. Белянкина и П. И. Лебедева им готовится к защите докторская диссертация», — узнаем мы из статьи зампреда Президиума АзФАН А. Якубова^[50].

Итак, докторская — главное направление его научной деятельности. Сформулирована уже и тема — «Минералого-петрографические исследования в области основных и ультраосновных пород Азербайджана».

Это уже замах на иной масштаб. До него еще никто не брался дать полную картину минералогических особенностей республики. Собран богатый материал, в консультациях с руководителями проблем нет. Левинсон-Лессинг, Белянкин, Лебедев, как и многие другие московские ученые, частые гости в Баку. Все идет вроде своим чередом, по той программе, которую он спланировал совместно с учителем, принимая решение о возвращении на родину. У него свой, сугубо профессиональный круг знакомств: москвичи, ленинградцы, из местных — будущие академики Азизбеков, Ализаде. Не густо?

*

Это было время, когда с трибун звучали призывные речи, торжественные клятвы в верности идеалам революции, а по вечерам в затемненных комнатах, при керосиновых лампах люди вполголоса, а то и вовсе шепотом сообщали об арестах «врагов народа». Еще и не было

никакого следствия, еще царапает (иные — собственной кровью) в сырой камере мученик: «Москва, товарищу Сталину...», а на воле он уже приговорен соседями, знакомыми, вчерашними друзьями: «Слыхали, сосед-то ваш врагом народа оказался...»

Так и осела в сознании непривычного к хитростям классовой борьбы мусульманского люда — раз арестовали, значит, враг народа, раз враг народа — поделом ему.

Первыми пустили в расход вчерашних соратников по борьбе — Газанфара Мусабекова, Али-Гейдара Караева, Рухуллу Ахундова... Потом взялись за поэтов и писателей. Одних — за пантюркизм, других — за то, что не могли молчать, смириться. Ахмед Джавад (я уже упоминал это имя выше), самый яркий поэт революционного времени (или безвременья?), сказывали, так и назвал свои последние стихи: «Сусмарам» («Не смолчу»). Там есть такие строки: «Говоришь мне, мол, умолкни, — до каких же пор молчать, / В разрушеньи, разлученьи, заточеньи пребывать?»

Рассказывали, что в 37-м, когда над поэтом сгустились тучи и стало ясно, что бывшему революционному идеологу Мусавата не миновать карательного меча другой революции — большевистской, к Джаваду приехал его тесть, Сулейман Бежанидзе, человек известный и влиятельный в Аджарии. «Не лучше ли будет, если мы переправим тебя из Батуми в Турцию? Там у нас большая родня. Много и твоих друзей, знакомых», — предложил он. Ахмед Джавад наотрез отказался: «Я — поэт и азербайджанец. Кем я стану без Родины, без Азербайджана?!»

Он не просто остался, но еще и во всеуслышание заявил, что не намерен молчать, пресмыкаться, отказываться от своих убеждений. После «Сусмарам» он уже не мог рассчитывать на снисхождение власти...

А ведь мог бы и смолчать, притулиться к новым вождям, написать что-либо об Октябре, на худой конец — о светлых далях, ожидаемых трудящимися, тем более что те и в самом деле вполне искренне ждали и надеялись. И стал бы Джавад Народным, как другие, ходил бы со звездой Героя, сидел бы в президиумах. Не раз думал об этом Кашкай. А тут — «не смолчу...». Нет, именно таких, не умеющих и не желающих молчать, не терпит власть. И не только большевистская...

Они не были лично знакомы. Но нравились Кашкаю влюбленность Джавада в их родную Гянджу, его замечательные переводы Шекспира, Пушкина. После того как пронесся слух об аресте А. Джавада, у Мир-Али было такое ощущение, что забрали в казематы НКВД очень близкого человека. «Как же так, он же повторил знаменитое толстовское «Не могу молчать!»». Этой позицией до сих пор гордится Россия, ее интеллигенция.

Эти слова — в учебниках. Это — хрестоматийная позиция любого интеллигента, патриота...» — размышлял М. Кашкай.

— Как хорошо, что мы вовремя покинули Гянджу. Остались бы там, наверняка Мир-Али сдружился бы с Джавадом. И теперь пришли бы и за ним, — шепчутся родственники.

Впрочем, ждать тех, кто наведывался по ночам, пришлось недолго (это хорошо описано у Солженицына — приходили непременно ночью, словно тати, чтобы никто не слышал. Проснутся жильцы, а соседа их уже нет. Только глухие причитания жены, матери и испуганные глаза малышей).

— Агамира взяли!

Агамир Мамедов, его троюродный брат, с которым Мир-Али дружит и часто встречается. Подобно тому как Мир-Али ушел в свою геологию, так и Агамир живет историческими событиями далекого прошлого. В последние годы он пишет работу по истории мюридизма на Кавказе. Откуда ему знать, что товарищ Багиров, партийный руководитель республики, также считает себя знатоком истории, что он готовит к печати свою версию истории революционного движения в Закавказье, что у него своя точка зрения на мюридизм, движение Шамиля. Агамир Мамедов первый, но не единственный из ученых Азербайджана, которому придется жизнью заплатить за свою точку зрения о характере, движущих силах и идеологии мюридизма.

«Что мог сделать тихий, спокойный Агамир?» — мучается в догадках родня.

— Агамир и политика? Никогда не поверю. Здесь какая-то ошибка, — убежден Кашкай.

Но как исправить эту ошибку, если она допущена? К кому обратиться?

Об аресте своего близкого родственника и друга он узнал после возвращения из командировки в Москву, где занимался перебазированием нескольких лабораторий для АзФАН. А вернулся, защищать уже было некого — Агамира расстреляли, как и Ахмеда Джавада, постановлением «тройки». В отношении жен применили одну и ту же меру — сослали в лагерь...

Он не любил возвращаться к тем жутким в своей реальности дням. Когда вспоминался бедняга Агамир, когда его спрашивали о том мрачном времени, он отвечал одной некрасовской строчкой: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

ВАЛЬС-БОСТОН ДЛЯ МОЛОДОЖЕНОВ

Жизнь, однако, кипит: строятся заводы, нефтяники рапортуют о многих сверхплановых тоннах горючего для страны, азербайджанка Лейла Мамедбекова взлетает в небесную синь — первая женщина-летчица не только в Азербайджане, но и на всем мусульманском Востоке. Великий Узеир-бек завершает свою самую знаменитую оперу «Кёр оглы», Бюль-Бюль поет его романсы, один прекраснее другого. На сцене азербайджанской оперы блистательная Шовкет Мамедова рассказывает о необыкновенном теноре Рашиде Бейбутове. Кашкай, как и многие тогдашние театралы, обожает Ульви Раджаба, лучшего азербайджанского Отелло.

Он читает курс лекций по геологии в Азгосуниверситете, которому присвоили имя Кирова (как и древней Гяндже, многим поселкам, заводам, фабрикам, вузам, научным центрам, улицам). У него открылся талант педагога. На его глазах идет формирование азербайджанской национальной элиты. Эта элита нового качества. Она вобрала в себя часть культурного национального наследия, ее ряды разбавляются и пополняются людьми от народного массива. В этом состоял подлинный, а не формальный демократизм социализма. И каким бы болезненным ни был этот процесс, говоря по-сталински, «рекрутирования» новой элиты, он позволил народу совершить небывалый культурный скачок, стать нацией.

В том и состоял секрет близости советской элиты к народу, чего никак нельзя сказать о нынешней посткоммунистической. Можно вполне определенно утверждать, что азербайджанская элита в советское время на 90 процентов была рекрутирована из народа, — это главное. О чем, кажется, ныне мало кто задумывается...

От Азгосуниверситета, открытого еще в 1919 году, в период создания первой Азербайджанской республики — АДР, в начале 30-х отпочковались медицинский, экономический, педагогический и другие факультеты, преобразованные в профильные институты. Приостановивший свою деятельность на некоторое время, университет возобновляет ее к концу 1934 года. К моменту появления в нем М. Кашкая он насчитывал уже несколько факультетов, в том числе физико-математический, химический, биологический, исторический, географический и другие, включая уже упоминавшийся факультет геологии.

В университете много интересных людей. Один из них — Мамед

Эфендиев, декан физико-математического факультета АГУ. Кашкая с ним роднит общее петербургское прошлое. М. Эфендиев — уроженец Нухи (нынешний Шеки), в 1914 году окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Был преподавателем физики и математики в Горийской учительской семинарии. В первые годы советской власти он организовывал высшие педагогические курсы математиков в Баку, стал одним из первых ректоров педагогического института. И еще Мир-Али дружен с профессором Мамедом Эфендиевым — тот любит поэзию, русскую литературу. В его доме М. Кашкай чувствует себя, как в Ленинграде, — супруга известного математика Зинаида Андреевна также окончила Петербургский университет. Она биолог.

— Когда я ее привез в Шеки, родственники приходили не поздравить, а посмотреть, в самом ли деле моя жена русская. Я им объяснял: ничего русского в ней нет, потому как она украинка. Но взглянуть чужим не позволю, как и все шекинки, будет ходить в чадре, — шутит хозяин дома, сидя во главе стола, заставленного шекинскими яствами.

Мамед Эфендиев — сын известного и высоко ценимого в Азербайджане человека — Рашид бека Эфендиева, дореволюционного просветителя, писателя, драматурга, педагога. Он оставил своему народу различные учебники, пьесы, повести, водевили, некоторые из которых привлекают внимание режиссеров и поныне.

Сблизила двух ученых их общая страсть к шахматам. Большинство их коллег, как и многие кавказцы, предпочитали коротать время за нардами. М. Эфендиев увлекался шахматами, с молодости собирал обширную литературу об этой древней игре. Они вели счет своему нескончаемому турниру, разбирали шахматные композиции, партии тогдашних знаменитостей — Алехина, Капабланки, Ласкера, Лилиентала, начинающего Ботвинника. Однако засиживается Мир-Али у Эфендиева не только из-за любви к древней игре. Он приходит по вечерам, как правило, с букетом цветов и коробкой московского шоколада. Конфеты вручаются Зинаиде Андреевне, а цветы — юной Фариде, стройной, веселой прелестнице, в очаровании которой удачно сочетаются лучшие черты матери-украинки и отца-азербайджанца.

Двухлетние ухаживания с подношением букетов, гуляньями по бакинскому бульвару, экскурсиями в театры закончились тем, чем и должны были закончиться, — помолвкой и веселой свадьбой, в которой приняла участие большая часть ученого мира тогдашнего Баку.

Это была, возможно, первая свадьба в ресторане «Интуриста», который бакинцы позже стали именовать «Старый Интурист» и который

был безжалостно снесен уже в наши — окаянные дни нового, XXI века. А тогда, в 30-е годы, щусевское здание только что украсило бакинский бульвар.

— До сих пор считалось, что драгоценные минералы вроде бы мало интересуют нашего Кашкая. Приходится признать, что и я, его научный руководитель, придерживался этого ошибочного мнения. Сегодня я вижу, что он целенаправленно все эти годы вел поиски алмаза. В геологии всякие чудеса случались, но чтоб на нефтяных месторождениях обнаружить бриллиант, да такой необыкновенной красоты — такое мне приходится видеть впервые.

Это из тоста П. И. Лебедева...

Кружение вальса-бостона для молодоженов. Его любимый танец, очень модный в те годы. Ей восемнадцать, ему тридцать два. Разница в возрасте между молодоженами — 14 лет, в общем-то, обычное явление.

Жизнь только начинается. Кашкай приобрел себе квартиру на улице Буйнакской (неподалеку от дома, где располагается ныне иранское посольство). Он, как тогда говорили, обеспечен, хорошо зарабатывает, можно сказать, ни в чем не нуждается. Иногда он берет молодую жену в Москву, Ленинград, где у Фарида разбегаются глаза от великолепия русской архитектуры, множества театров, музеев.

Раз она побывала с ним и в экспедиции в Исти-Су. Но дальняя дорога на лошадях, вечера у костра не увлекли ее. В 1941 году Фарида родила ему сына. Это был миг, когда наш герой был по-настоящему счастлив, хотя признаемся, что хеппи-энда у этого брака не получилось.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОДЫ ВОЙНЫ

Перед самой войной М. Кашкай вместе с другим видным азербайджанским геологом Ш. Азизбековым был занят выполнением задания Азербайджанского филиала Академии наук СССР и Закавказского отделения Союзредметразведки. Ученым было поручено произвести геолого-петрографические работы в зонах распространения лиственитов. Работу вели две самостоятельные экспедиции: одна в районах Азербайджана, другая в Южной Осетии. Это практически правительственное задание, целью которого было определение и уточнение полезных ископаемых республики, явилось как бы частью научного замысла докторской диссертации.

Листвениты относятся к ультраосновным породам. Этой проблемой занимались и до Кашкай. Однако петрогенетические вопросы, связанные с ультраосновными породами Азербайджана, должного освещения в геологической литературе к тому времени еще не получили. Точно так же не было достаточных сведений о лиственитах. Это — довольно распространенная порода в районах развития гипербазитов вблизи известняков (Урал, Сибирь, Закавказье, Испания, Силезия, Индия, Калифорния, Бразилия и т. д.). К тому времени термин «лиственит» вошел в европейскую и американскую литературу благодаря исследованиям Г. Розенбуша, Ф. Ю. Левинсона-Лессинга и других ученых. Под этим названием обычно описываются породы различного петрографического состава.

Цель работы ученые сформулировали следующим образом: систематизировать материал по лиственитам, основываясь на личных исследованиях в Закавказье и на литературных данных; дать точную минералого-химическую характеристику лиственитов и, наконец, осветить их генезис.

Кашкай определил зону распространения лиственитов Азербайджана — горные области Карабаха, прилегающие к нему районы Шахдага на Малом Кавказе и подробно их описал. Он разработал и свою классификацию лиственитов, дав геолого-петрографическую характеристику районов их распространения. Об итогах проделанной работы он доложил зимой 1938 года на научном кружке петрографического сектора Академии наук СССР.

Работу высоко оценил учитель Кашкай Франц Юльевич. Похвалив за

самостоятельность мышления и подхода к научному поиску, он рекомендовал ему издать работу отдельной книгой, подчеркнув, что объяснение генезиса лиственитов гидротермальным происхождением вызовет интерес.

— Вообще, всякое исследование постарайтесь сохранить в печатном виде. Книга позволит вам выйти на серьезные обобщения, которые пригодятся будущим поколениям геологов. Такова особенность нашего труда, труда геолога. Там, где мы прошли после экспедиционных палаток, после разработчиков остаются «колышки» — научно-теоретические обобщения.

Во время этой встречи Левинсон-Лессинг говорил о важности дела первопроходцев, каковым он считал Мир-Али Кашкая и его соавтора.

— После нас придут другие, они могут пойти дальше, опираясь на то, что мы увидели и нашли под покровом Земли.

Он говорил об огромном практическом значении работы уже в ближайшем будущем, ибо ему и его ученикам выпало счастье составлять первую полноценную геологическую карту страны. Запомнилось из той беседы и другое мудрое напутствие учителя: стратегический гений состоит в умении мгновенно сориентироваться, адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам.

— Это не только область чистой науки, практической геологии. Это, если хотите, глубоко патриотическая задача. Помните, руководители будут приходить и уходить, а земля останется нашим потомкам. Они о том, как мы выполнили свой долг, будут судить по нашим трудам. Так что держайте, друг мой!

Казалось, учитель прощался со своим учеником. Он был еще крепок, часто выступал с докладами на конференциях, его ждали за рубежом и в союзных республиках, и он спешил успеть повсюду. Намеревался он заглянуть и в Баку, проконсультировать своих молодых коллег в АзФАН...

Мир-Али Кашкай не забыл наказ своего учителя. Через год в соавторстве с Ш. Азизбековым вышла его первая книга «Листвениты Закавказья». Но неожиданно в 1939 году пришла горестная весть — Франца Юльевича не стало.

— Мне не суждено было увидеть своего отца. Судьбе угодно было слишком рано открыть счет дорогих для меня потерь. Со смертью Франца Юльевича я потерял не только учителя — отца.

Утрату невозможно высказать, ее можно только почувствовать...

Портрет учителя висит в его кабинете. Левинсон-Лессинг всегда рядом с ним — спокойный, мудрый, чуть ироничный.

Из воспоминаний заслуженного журналиста Азербайджана Алтая Заидова:

«Собственно говоря, о трудах Левинсона-Лессинга так же, как и других крупнейших геологов современности, мы, геологи послевоенной поры, узнали из лекций и рассказов Кашкая. В смысле знания всемирной геологии он был настоящей энциклопедией. Но дело было не только в исключительных знаниях. Надо было еще и интересно рассказать вчерашним школьникам или вчерашним солдатам, коих тоже немало было на геофаке, придать этим популярным научным сведениям привлекательную форму. Этим искусством — искусством настоящего рассказчика — профессор Кашкай владел в совершенстве. Чаще всего в своих лекциях он ссылался на Левинсона-Лессинга, работы которого он знал, казалось, наизусть...»

Из воспоминаний Васифа Баба-заде, доктора геолого-минералогических наук:

«Эта работа — листвениты Закавказья, как говорят литераторы, — первая проба пера. С ней М. Кашкай как бы обозначил уровень своих знаний, теоретической и практической подготовленности. Пройдет много лет, и М. Кашкай вновь вернется к теме лиственитов. На сей раз, будучи зрелым ученым, он раздвинет теоретические и географические рамки проблемы. Его работа «Листвениты. Их генезис и расположение» станет одним из фундаментальных исследований в геологической науке по данной проблеме. Уже будучи признанным корифеем советской петрологии, он опубликует в соавторстве с Аллахвердиевым Ш. работу о новых данных лиственитовых и хлогранитовых метасоматитах».

Не специалисту мало что говорят эти испещренные терминами отзывы. Очень точно о значении этого направления в творчестве М. Кашкая сказал как-то один из президентов АН Азербайджана, академик Р. Исмаилов. Его понятной для широкой публики оценкой и завершим этот сюжет:

«Велика заслуга Мир-Али Кашкая в исследовании железомagneзиальных пород Малого Кавказа и открытии ряда месторождений. Он обнаружил в Азербайджане своеобразные породы — листвениты, которые содержат золото, ртуть и никель, представляют интерес и как прекрасный облицовочный и поделочный камень»^[51].

После лиственитов М. Кашкай целиком сосредоточивается на своей докторской. Значительную часть ее занимают теоретические положения, в связи с чем М. Кашкаю приходится бывать в Москве. Впрочем, здесь же сосредоточены и богатейшие материалы по основным и ультраосновным породам Азербайджана. Ученый понимает, какое огромное практическое значение для экономики республики будут иметь его изыскания. Он с головой ушел в работу, и война, которая круто изменила судьбу страны и миллионов людей, застала его в буквальном смысле в лаборатории.

М. Кашкай приехал в Москву для того, чтобы вместе со своим научным руководителем окончательно доработать в целом уже законченный вариант докторской. Суматоха и полная растерянность первых дней войны привели к тому, что первый экземпляр работы остался в Москве, и переносить правку, замечания ему пришлось позже по памяти. Об этом пойдет разговор позже...

Это потом журналисты и писатели придумают версию о том, что война всех застала врасплох. Она была неожиданной разве что для круга людей, которые по своему мышлению и мироощущению были бесконечно далеки от политики (насколько это возможно в стране, где беспощадная борьба с мировым империализмом и внутренними политическими врагами стала повседневностью).

Приближающаяся катастрофа не всегда осознается, потому и кажется полной неожиданностью.

Большинство людей, не говоря уже о руководителях, прекрасно были осведомлены о приближении войны. Другое дело, что оно, это большинство, как и значительная часть руководителей, было убеждено в своем морально-политическом и военном превосходстве. И дело не только в силе сталинской пропаганды. За какие-нибудь двадцать лет советские люди успели пережить несколько войн: Гражданскую, схватку на Халхин-Голе, битву с франкистами в Испании, навалились на Финляндию и, несмотря ни на что, заставили подписать нужный договор, маршем проскакали по Западной Украине, прорвались вновь к Балтике. Как тут не верить в силу советского оружия и непобедимость советского народа?!

К слову, думаю, можно в какой-то степени понять и Сталина. Хотя и поступала информация о точной дате надвигающейся войны, но ведь был и договор о ненападении. И самое главное: гарантом передышки, казалось, выступала сама история и вытекающий из нее один-единственный военно-политический вывод — все военные стратеги предостерегали категорически избегать войны с Россией. Судьба Наполеона наилучшим образом иллюстрировала эту мысль. Общеизвестно было, что Гитлер договорился со Сталиным. Да, его дивизии продвинулись к границам СССР, но немецкий солдат уже рассматривал в бинокль противоположный берег Ла-Манша. Идти войной на СССР, воюя с Великобританией, было бы безумием. Безумцем же Гитлера считали в Советском Союзе фельетонисты и карикатуристы. Так что кинокадры с сурово замершими лицами, как и рассуждения о сталинской глупости, думается, не совсем точно передают в целом палитру политических замыслов, настроений и чувств лета 1941 года.

Наш герой был как раз представителем того незначительного меньшинства, которое менее всего интересовали происки империалистов. Слово «война» выбросило его мгновенно из лаборатории, и он первым делом кинулся на вокзал, наивно полагая, что, как всегда, в скорости окажется среди родных в Баку.

Вот он легко спрыгивает с трамвая у Курского вокзала и... в оцепенении замирает на остановке. Знакомая площадь перед вокзалом запружена человеческой массой. Всеобщий гвалт, шараханье толпищ из стороны в сторону. Крик и неразбериха. Нескончаемые горы мешков, чемоданов. Поезда, застрявшие на подступах к вокзалу. И растерянный взгляд Алекпера, преподавателя геофака, — он с двумя детьми, отчаянно ревущими, и бледной женой, то и дело поглядывающей в небо, словно вот-вот должны показаться немецкие самолеты.

Все людское скопище рыщет в поисках билета. К кассам не подступиться.

— Мне нужен один билет, всего один билет! — как заклинание повторяет Алекпер, вцепившись в Кашкая.

Тот молча протягивает обалдевшему от счастья коллеге свой билет. Мать хватает детей и бросается к вагону. Вагоны берутся приступом. Уже объявлена мобилизация. Командировочные хотят вернуться на свои предприятия, военные — в свои части. Первые дезертиры — бегут подальше от Москвы. Лучше на юг, там тепло, там горы, туда немец не скоро доберется. Все куда-то бегут. В метро — гробовое молчание. И мусор.словно в московскую подземку ворвался чудовищный вихрь,

разметав по перрону клочья бумаги, газеты, окурки, — чего никогда не бывало в мраморной московской подземке, где еще недавно было чисто и празднично.

Это людское смятение в центре Москвы закончится скоро — власть наведет порядок железной рукой военного времени. Однако, прежде чем Мир-Али Кашкай сядет в вагон отъезжающего поезда Москва — Баку, ему придется еще несколько дней курсировать между Академией и Курским вокзалом, окунуться в море слухов, которые, казалось, преследовали поезд, несущийся по просторам объятой войной страны. «Немцы взяли Киев и Харьков!», «Дорога на юг перерезана!», «Поезд возвращают в Москву!» — чего только не слышали пассажиры в вагонах, в одном из которых добирался до Баку Кашкай в июле 1941 года.

Дома его уже и не ждали. «Нам сказали, что ты уже в действующей армии. Мобилизовали прямо в Академии», — сообщила ему Рахшанде, еще не оправившаяся от перенесенного потрясения.

УРОКИ ИСТОРИИ

Страхи домашних, при всей своей реалистичности, оказались изрядно преувеличенными.

— С учеными будут разбираться потом. Сейчас не до вас. Нужно будет, пришлем повестку, — отрывисто отрапортовал мрачного вида, с воспаленными от бессонницы глазами военком, к которому явился Кашкай сразу по прибытии в Баку.

В военкоматах — столпотворение. У каждой двери длинная очередь. На улице играет духовой оркестр. Под медь труб рыдают старушки. Мужчины, одетые кто во что, растерянно утешают провожающих. Улицы как-то сразу обезлюдели.

Слезы, всхлипы и рыдания в домах, на работе — ушел на фронт муж, сын, брат. Потускневшие лица, глаза, полные безнадёжного ожидания. И вновь слезы, всхлипы и рыдания — пришла «похоронка». Сначала одна, две, десять, потом счет пошел на сотни и тысячи.

Счет потерям в войне для Кашкаев открылся в семье среднего брата Мир-Таги. Один за другим ушли в действующую армию все пять братьев Султан-ханум, жены Мир-Таги. И до конца войны стучалась в дверь Мир-Таги черная весть: то с Керчи, то из Сталинграда. Последняя пришла из Польши...

В 1942 году проводил на фронт Мир-Али Кашкай своего любимого племянника, сына Рахшанде-беим — Салахаддина. Он после третьего курса медицинского института сразу оказался в армии Рокоссовского. Вместе со своим полевым госпиталем офицер Салахаддин Рафибейли прошагал дорогами войны до самого Берлина. Дни считались праздничными, когда Совинформбюро сообщало об удачных военных операциях Красной армии, а также, когда с фронта поступали письма. По письмам Салахаддина его мать, Рахшанде, угадывала, как ее сын рос, мужал, становился первоклассным врачом. Он вернулся с войны опытным хирургом, капитаном медицины, стал известен в Баку как один из лучших хирургов, удостоился почетного звания «Заслуженный врач Азербайджана».

Иная участь была уготована его младшему брату Мирзе, также готовившемуся стать врачом. Холодной зимой 1942 года он простудился и слег. Тогда многие умирали от недоедания, туберкулеза, обыкновенного воспаления легких. Лекарств не хватало, их просто не было. Переломы и

вывихи выправляли костоправы, а от всех остальных хворей лечили знахари и бабушки, никогда не расстававшиеся с травами, цветками, диковинными ягодками и корнеплодами. Двустороннее воспаление легких, которое свалило семнадцатилетнего юношу, можно было одолеть только пенициллином. Его нигде не нашлось, даже в правительственной клинике, в которой состоял на учете Мир-Али. Однажды поздно вечером бедная Рахшанде позвонила брату: «Мирза хочет тебя видеть».

Бледный и исхудавший, он лежал на узкой железной кровати, накрывшись тонким одеялом, и, казалось, спал. Его лицо не выражало никаких чувств. На всем его облике лежала печать отрешенности, отчего у молча вошедшего в комнату Мир-Али возникло ощущение потусторонности происходящего.

— Дядя Мир-Али, сыграйте мне на скрипке, — попросил юноша слабым голосом. Кашкай бросился домой за инструментом, который давненько не брал в руки. Вскоре он был у кровати больного. Он знал, какую мелодию хотел услышать в последние минуты своей жизни юноша. Когда-то Мир-Али любил играть над колыбелью маленького Мирзы сонатину № 12 Паганини, отчего она и запомнилась ему. С ней, полюбившейся ему мелодией, Мирза и покинул этот мир...

Спустя полгода смерть также неожиданно забрала Мир-Таги, среднего брата, преподававшего в индустриальном институте. Он приехал в Шеки, где находился в экспедиции М. Кашкай, захотел повидаться, но...

С того скорбного дня и влились в семью Кашкаев Солмаз и Рена, дочери Мир-Таги. Они выросли вместе с детьми М. Кашкая, стали учеными. Многие до сих пор полагают, что это дочери покойного академика.

Словом, война косила с одинаковой беспощадностью и на фронте, и в тылу. Иногда Кашкаю казалось, что она целилась прежде всего в самых молодых и самых лучших. В те дни, может, и окрепло в Кашкае полное и абсолютное неприятие войны. В его понимании всечеловеческого побоища было что-то толстовское. Он воспринимал войну как массовое безумие человечества, ослепление человеческого разума. Позже он придет к мысли о необходимости избавить любым способом эту атавистическую склонность человека — решать мировые проблемы с помощью силы, массовых убийств, бессмысленных в своей сущности, какими бы высокими целями их ни облагораживали политики.

Эта позиция приведет его в ряды Пагуошского движения, выступая перед участниками которого М. Кашкай скажет: *«На одном из дворцов в Генуе сохранилась надпись, которую никогда не пытались стереть, хотя*

слова надписи принадлежат самому Бенито Муссолини. Может быть, потому, что его афоризм не лишен здравого смысла: «Война — это урок истории, который народы никогда не могут до конца усвоить».

*

Над бакинской бухтой повисли дирижабли — к радости мальчишек. У Волчьих ворот уставились в небо зенитки (они, кажется, простояли там чуть ли не до 70-х годов!).

В один из дней на Николаевской (так по старой привычке бакинцы называли улицу Коммунистическую, ту, что нынче переименована на Истиглалийат — Независимость) появился Мир-Джафар Багиров. Просто одетый, в сапогах, по-сталински он прошелся от Губернаторского сада до музея Низами. Здесь его обступили горожане.

— Все будет хорошо. Гитлер сломает зубы о нашу землю. Мы победим. Никто в этом не должен сомневаться. А наш народ должен показать свой героизм, мужество и отвагу.

Никакой паники! Фронт ждет бакинскую нефть, и он получит горючее в нужном количестве, — сказал якобы партийный вождь.

Говорили также, что на вопросы бакинцев, кому теперь добывать нефть, перерабатывать ее, если всех забирают в армию, Багиров ответил: «Партия найдет ответы на все нужные вопросы. Товарищ Сталин в курсе всех наших дел. Все, кто знаком с военным делом, в первую очередь будут отправлены в действующую армию. Для остальных фронтом станет рабочее место».

Эти рассказы — живые примеры городского фольклора — нашли своеобразное продолжение в академической среде. По кабинетам ползли слухи о встрече Багирова с руководством АзФАН. «У нас не так уж много ученых, чтобы бросать их в окопы. Их место — в Академии», — сказал будто бы «Хозяин». Было оно так или не было вовсе этого разговора, но Кашкай, как и многие его коллеги, вскоре оказался в воинском эшелоне, направляющемся на фронт. «Бронь» — так называлась строго секретная инструкция, в соответствии с которой определенная категория граждан освобождалась от призыва в армию в военное время, — догнала его уже в Моздоке.

Бронь не просто освобождала от воинского долга — она сберегла для Азербайджана тысячи высококлассных специалистов, наиболее выдающихся представителей науки, литературы и искусства, обязав их с

полной отдачей, не жалея сил и здоровья, работать на общую победу.

Об этом тщательно продуманном подходе к сбережению интеллектуальных ресурсов стоит тут сказать, ибо без него многих имен недосчитались бы азербайджанская наука и культура, многие исторические проекты пришлось бы отложить на «потом».

Долгие, мучительно тяжелые, поразительные своим грозным однообразием годы жизни людей, больших и малых, начинались с боя кремлевских курантов — голоса Москвы, напряженным слушанием и вчитыванием в каждую строчку, в каждое слово и в каждую запятую и точку сообщений Совинформбюро. Звучный баритон Левитана стал незабываемым голосом тех лет. Под него люди с ожиданием поднимались к новому дню и падали в полуобморочные сны после напряженных, без единой минуты отдыха, трудовых дней, которые язык не поворачивается называть каторжными, ибо был в тех днях, в той эпохе искренний порыв, свойственный исключительно состоянию человеческого духа, именуемому патриотизмом.

Страна перешла на карточную систему. Потерял карточку на хлеб — спешу на Кубинку, там можно купить всё: и хлеб, и карточки, и калоши. Впрочем, семья Кашкая, как и семьи многих партийных, советских работников, видных представителей науки и культуры, находилась на особом положении. Через спецраспределитель тогдашняя правящая и творческая элита поддерживалась продуктами питания. Нельзя сказать, что эта социальная прослойка была завалена хлебом и маслом. Но она была избавлена от необходимости стоять в очередях, мучиться в поисках самого необходимого. Люди, относящиеся к ней, выжили и помогли выжить окружающим. Таково было государственное внимание к тем, кого советская власть оставила работать в тылу. Работать для победы над общим врагом. Отдача от бакинского тыла для Советского Союза была огромной.

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинив интересам фронта и задачам разгрома врага» — эти сталинские слова, как и краткий, ясный патриотический призыв «Все для фронта, все для победы», стали программой действий для всей страны.

О подвигах азербайджанских нефтяников, бесперебойно снабжавших фронт горючим, написаны многие тома книг. Некоторые историки вообще полагают, что, по большому счету, без бакинской нефти Москве трудно было бы вообще одолеть немецкую военную машину, опиравшуюся на ресурсы всей Европы. Не будем спорить по этому поводу. Скажем только, что бронь, выданная государством нефтяникам, машиностроителям, ученым, окупилась сторицей.

Каков был труд миллионов простых людей в глубоком тылу? Кашкай, которому в эти тяжелые годы не раз приходилось жить бок о бок с нефтяниками, нефтепереработчиками и вместе с ними делать всё для снабжения фронта горючим, считал труд бакинцев подвигом. Чапай Султанов, доктор геолого-минералогических наук, в своей книге «Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти?» приводит рассказ одного из старейших бакинских нефтяников:

«Начиная с сентября 1941 года и до конца 1942 года я жил в маленькой будке на балаханском промысле — дома практически не бывал. На моем участке половина действующих скважин фонтанировала, и я боялся оставить их даже на небольшое время — из-за значительного пескопроявления при максимальных дебитах скважин штуцеры быстро изнашивались, и в любой момент могла произойти авария. Иногда мне казалось, особенно по ночам, что я начинаю сходить с ума, — я начал по ночам приговаривать скважинам: «Еще немного добавьте, родные, нефти, я очень прошу. Красной Армии надо, советскому народу надо»^[52].

С начала войны на бакинских промыслах была введена трехсменная работа — две смены были обязательными. Многие как бы работали еще и за тех, кто ушел на фронт, в третью смену. По ночам повсеместно вводилась маскировка — на промыслах включались синие лампочки. Спали и ели — долька черного хлеба и щепотка американского яичного порошка — в наспех сколоченных, беспощадно продуваемых пронизывающим северным ветром (хазри) дощатых будках.

Началась охота за «вредителями». Однако рассказывали и о провокаторах. Рабочие по утрам находили на промыслах листовки, в которых говорилось: «Господа нефтяники! С приходом наших войск ваша рабская жизнь закончится и вы будете жить как люди...»^[53]

Фашистская пропаганда на простых бакинцев не действовала. В первый год войны они пробурили 930 тысяч метров. Иными словами, ввели в эксплуатацию 752 нефтяные скважины. Страна своевременно получила крайне необходимые 23 миллиона 541 тысячу тонн нефти. Эта была рекордная цифра за всю историю нефтяной промышленности Азербайджана. К слову, в следующем 1942 году в СССР было добыто 22 миллиона тонн нефти. Из них азербайджанская нефть составила 19,8 миллиона тонн^[54].

Бакинцы придумали заправку машин прямо из... скважин. Это делалось в поселке Сураханы, где добывалась так называемая «белая» нефть, известная тем, что она дает очень высокий выход бензина. Так вот,

во время войны к сураханским скважинам подъезжали автомашины и заправлялись прямо из устья. Суточная добыча «белой» нефти была доведена до 2 тысяч тонн! В 1941 году ее добыли больше, чем за 20 предыдущих лет^{55}.

Последний сталинский нарком, бакинец Н. Байбаков, позже вспоминал, что в первые годы войны в Азербайджане сложилась парадоксальная ситуация: все емкости оказались заполненными. Девать нефть было некуда. Что было делать с излишками? «И в этой обстановке вносятся невероятные, с точки зрения здравого смысла, предложения: нефть добывать, гнать ее по трубопроводу на нефтеперегонные заводы в «Черный» город; снимать верхушку (бензин), а остаток отправлять обратно и закачивать в пласт»^{56}.

Разумеется, коллегам Кашкая — геологам-нефтяникам — было куда проще работать на фронт. А что мог сделать он — минералог-петрограф?

Оказалось, что может, и немало.

*

«Роль геологии и стратегического сырья в современной войне» — эта небольшая книжица — особая в творчестве М. Кашкая. Ее сейчас можно разыскать разве что в Академической библиотеке. По сравнению с его минералогическими изысканиями работа, написанная буквально в первые месяцы войны, не претендует на высокую теоретичность. Тем не менее она точно отражает особенность характера ученого — стремление быть нужным и полезным Родине.

За короткое время он перелопатил огромную литературу, прослеживая роль геологии в условиях подготовки и ведения войны со времен Чингисхана и до Второй мировой войны. Представляя широкому читателю наиболее важные книги в этом плане, такие как «Военная геология», «Минеральное сырье и война» и ряд других, Кашкай особое внимание уделяет значению стратегического сырья на войне. Кстати, во время Великой Отечественной войны руды и другие материалы, необходимые для изготовления, вооружения и боеприпасов, получили название «стратегическое сырье», а остродефицитные ископаемые — «критическое сырье».

«Опыт Первой мировой войны показал, что общие запасы и эксплуатационные возможности нефти, угля и других полезных

ископаемых в метрополиях и в колониях антигерманского блока — США, Англии и Франции — значительно выше, чем в Германии. СССР с его необъятной территорией, огромными запасами промышленного и стратегического сырья в нынешней войне имеет значительные преимущества перед противником», — писал М. Кашкай, по-своему мобилизуя соотечественников на борьбу с врагом, поддерживая в них уверенность в конечной победе^{57}.

Это уже был, если хотите, военно-политический прогноз, основанный на тщательном изучении сырьевых ресурсов воюющих блоков. Не каждый геолог способен связать воедино факторы полезных ископаемых и их значение в условиях военного противостояния.

Выполнял М. Кашкай в годы войны и оперативные практические правительственные поручения. С началом боевых действий выяснилось, что бакинские сажевые заводы испытывают затруднения в связи с нехваткой так называемых лавовых наконечников, которые поступали в основном из Белоруссии. С учетом того, что сажа широко стала применяться в резиновой промышленности, особенно при изготовлении покрышек, значение этой отрасли промышленности Азербайджана в условиях войны возросло. М. Кашкай с Ш. Азизбековым предложили использовать при изготовлении лавовых головок каолиниты, которые были обнаружены в Азербайджане. Исследования, проведенные учеными, показали, что и чардахлинские каолины, и огнеупорные глины являются ценным материалом для изготовления лавовых головок. В качестве наиболее подходящего минерала был рекомендован каолинит из Загликского месторождения. Производство их, согласно постановлению Совета народных комиссаров Азербайджанской ССР, было вскоре поручено одной из фабрик в Баку. Уже в декабре 1941 года производительность фабрики по выпуску этих головок достигла требуемого уровня.

Кашкай вместе со своими коллегами, учеными-нефтехимиками, немало времени провел на нефтеперерабатывающих предприятиях Баку. Именно в те годы на бакинских нефтеперегонных заводах прошли обкатку новые методы переработки нефти, в частности комбинированная очистка и вторичная перегонка, позволившие резко увеличить получение авиационных бензинов.

Его восхищал трудовой подвиг нефтепереработчиков, проявлявших в те годы чудеса изобретательности. Благодаря разработке и применению новых технологий они добились того, что при резком сокращении добычи сырой нефти общая выработка авиабензина держалась на довоенном уровне, а выработка наиболее высококачественных авиабензинов даже

возросла.

Заместитель председателя Президиума Азербайджанского филиала Академии наук СССР Г. Гусейнов в те дни на страницах бакинской печати считал нужным особо выделить работу геологов, которые активно помогали промышленным предприятиям наладить производство из местных ресурсов «того, что в мирное время завозилось из других областей Советского Союза». В качестве примера он приводит производство упомянутых выше лавовых головок для сажевых заводов, работавших на нужды войны. И далее пишет: «Были предложены в качестве заменителей теплоизоляционных материалов, ранее завозившихся с Урала, вулканические пеплы, имеющиеся в большом количестве на территории Азербайджана. Это мероприятие, одобренное и принятое трестом «Союзизоляция», дало возможность полностью обеспечить бакинскую и грозненскую нефтяную промышленность теплоизоляционными материалами, разгрузило транспорт. Исследованные месторождения фосфоритов показали возможность получения в Азербайджане суперфосфатных удобрений и фосфора для производства спичек»^[58].

Мелочь, скажет современный читатель. И будет прав. Только следует вернуться к той далекой ситуации военного лихолетья, когда производство даже спичек являлось непростым делом — достижением.

*

О том, как на фронтах Второй мировой войны решалась судьба не только СССР, но и всей человеческой цивилизации, написано много. Несоизмеримо мало сказано о тех, кто жил и работал в тылу. И это притом что судьбу общей мировой схватки определяли не только героизм солдат, совершенство военной машины, но и способность государства мобилизовать все ресурсы во имя победы. Вот в этом-то, в умении железной рукой заставить страну работать как один единый организм, напрягая все силы, всю мощь, все имеющиеся жизненные соки, коммунистическая власть умела, как никакая другая.

Однако было бы грубой ошибкой объяснять героический порыв миллионов людей одним лишь страхом наказания. Какой бы несправедливостью ни обернулась советская жизнь для интеллигенции, простые люди успели почувствовать себя хозяевами в новом государстве. Впервые за всю свою историю Азербайджан обрел государственность. Какой бы усеченной она ни была, это была их страна, которой управляли

сами азербайджанцы.

Многое в жизни Азербайджана и его народа позволяло сознать себя частью великой советской державы. Что греха таить, были и такие, кто со злорадством внимал сообщениям о стремительном броске гитлеровской армады к Москве, затаившись, ждал, когда прорвется немецкая армия к Кавказским горам. Живы были многие из тех, кого советская власть лишила собственности, власти и будущего. Те, кто все эти 20 с лишним лет жил мечтою о реванше, и сообщениям Совинформбюро о падении Киева, Харькова, Минска, Смоленска, о боях на Северном Кавказе внимал как признакам отмщения за все пережитые горести и потери. Сообщалось о бывших муллах и кулаках, припрятавших запасы зерна, картошки, продовольствия. В ответ ползли слухи, что в Азербайджан вместе с немцами движется некий имам. Спецслужбы быстро и решительно положили конец этим провокационным поползновениям. Да и что они могли значить в общей атмосфере отомобилизованности, самопожертвования?

В Баку беспрестанно прибывали поезда с теми, кто покинул свои жилища на просторах необъятной страны. Бакинцам пришлось потесниться, чтобы принять бесконечные потоки людей, бегущих с оккупированных территорий. Так большая политика вторглась в мир учености, в которой до того так комфортно чувствовал себя Мир-Али Кашкай.

Он никак не мог понять того, каким образом Германия, образец порядка, учености и культуры, могла утвердиться в мысли о мировом господстве и столь чудовищным образом двигаться к этой своей цели. В Баку в те дни прибыло много евреев — из Польши, Украины, Белоруссии. В глазах у каждого из этих несчастных гонимых был ужас, в душах надолго поселился страх. Информации о крематориях тогда еще не было, но о методичном физическом уничтожении евреев бакинцы узнавали из рассказов своих новых соседей, сослуживцев.

Кашкай, как и многие мыслящие люди того времени, искал ответ на вопрос о том, как могли с такой бесчеловечной доктриной нацизма смириться европейские государства. Почему Великобритания и Франция отвергли советские предложения о совместном противодействии Гитлеру? Мысль о том, что ведущие европейские державы вынашивали идею столкновения нацистской Германии с Советским Союзом, напрашивалась сама собой, она лежала на поверхности и многое объясняла. Но удовлетворения не приносила.

Политика с ее скрытыми и явными идеологическими мотивациями

находилась вне сферы привычного мышления ученого-естествоиспытателя. Это была особая область человеческой деятельности, годами накапливающая черную, злую, беспощадную энергию, которая выплескивалась в чудовищное столкновение государств, сравнимое с апокалипсисом...

Где-то в первые дни войны и появилась в АзФАН Дора Соломоновна Зелинская. Аккуратная, исполнительная, грамотная машинистка сразу привлекла внимание Кашкая. Он взял ее в свой отдел петрографии, минералогии и геохимии, где бывшая харьковчанка стала его незаменимым помощником. Среди беженцев-евреев было немало классных специалистов, нашедших применение своим силам в науке, медицине, промышленности, в сфере культуры.

В один из дней у Кашкая в кабинете появился пожилой мужчина, оказавшийся графологом. Пришел он по совету знакомого обратиться именно к профессору, хотя и понимал, что тот вряд ли нуждается в специалисте столь редкой профессии. После нескольких звонков, переговоров с начальством графолога определили работать в архив, а затем его знания понадобились в органах безопасности и в милиции.

Об этой встрече в бумагах М. Кашкая осталось несколько пожелтевших страниц — текст графологического исследования Р. Гиком его почерка: «Не ветвистые, но архитектурные буквы, не быстрые, с нажимом внизу, местами печатные, характеризуют Вас как человека энергичной, кропотливой натуры, самолюбивого, проявляющего упорство и последовательность в действиях». В архитектуре кашкаевского почерка графологу летом 1946 года привиделось «замечательное будущее, дорога и спокойствие»^[59].

Всё, в общем-то, сошлось, кроме разве «спокойствия», но это уже, как говорится, объяснимые издержки производства. С кем не случается...

Задумываясь над людскими судьбами, покалеченными жизнями миллионов, Кашкай, как и многие интеллигенты, зажатые неумолимым стечением обстоятельств, порой ощущал себя абсолютно беспомощным. Но это ему никогда не мешало в конкретных жизненных ситуациях вести себя согласно толстовской заповеди — круто направлять лодку вверх, в сторону «положительных сил добра и света», чтобы река жизни, реальная психология людей, темная основа нашей природы, демоническое начало истории не снесли ее вниз по течению.

Во времена Кашкая опыт совместного проживания народов одной семьей объяснялся одним, ставшим надолго звучным словом — интернационализм. Со временем оно приелось, стерлось, как и многие

другие слова из идейного багажа коммунистов. Но в повседневности люди свыклись соседствовать, общаться, жить вместе, не оглядываясь на цвет волос или разрез глаз...

*

Характерная газетная информация начала войны. На первой странице «Вышки» (была такая газета нефтяников) фото нашего героя. Под ней текст: «Мир-Али Кашкай, старший научный сотрудник АзФАН. Он успешно работает по изысканию заменителей дефицитных материалов». Это сообщение было в ноябрьском номере газеты, а через месяц М. Кашкай участвует в организации выставки АзФАН, которую посетили руководители республики, дабы посмотреть, что сделано учеными для реализации лозунга «Всё для фронта, всё для победы»^{60}.

«Небольшая и скромно оформленная выставка дает яркое представление о том, как много делается в научных лабораториях. Давно уже известны масазырские месторождения вулканического пепла. Но применение им не находилось. После многих опытов, изысканий он рекомендован в качестве хорошего теплоизоляционного материала. Он же оказался отличным заменителем привозной пемзы, мела и др.

Вот небольшие пробирки с красным и золотистым песком, — говорится в репортаже. — Это широко употребляемая минеральная краска — охра, найденная геологом М. Кашкаем в Азербайджане. Раньше охра поступала в Баку из Уфы...»^{61}

Таковы будни ученого. Будни военных лет. Поступает сообщение: в ряде мест Хизинского района произошли крупные оползни. Совнарком и ЦК(б) Азербайджана создают правительственную комиссию. В ее составе деятельное участие принимает и М. Кашкай. Он уже заведует геохимической лабораторией сектора геологии и является вероятнейшим кандидатом в руководители Отдела минералогии, петрографии и геохимии АзФАН.

Было известно, что обвалы и оползни в этом районе происходят довольно часто, но явления эти в Азербайджане не были изучены. Крупное стихийное бедствие как раз произошло в начале войны, похоронив под землей сразу несколько сел. В задачу комиссии входило изучить причины этого природного явления, посеявшего панику среди населения, и дать обоснованные выводы на будущее. Ученые быстро поставили «диагноз» —

из-за сильных дождей пришла в движение глинистая толща. Есть опасность подвижек и на подступах к Баку — предупредили исследователи.

В статье «Крупные оползни в Хизинском районе», подготовленной геологами А. А. Ализаде, М.-А. Кашкаем, М. Д. Заири и опубликованной в бюллетенях АзФАН, содержится вывод, не потерявший своей актуальности и поныне: «После сильных снегопадов и дождей, когда накопившаяся обильная вода проникает в пластичные глинистые породы, разжижает их наносную массу», следует опасаться, что определенная часть склона может сползать по наклону возвышенной части района от Хизи и до нагорной части Баку. Именно тогда, по предложению ученых, строительство в этой части азербайджанской столицы стало осуществляться при помощи специальных бетонированных площадок и укреплений.

Много лет спустя, уже в начале XXI века, когда оползни стерли с лица земли заправочную станцию ЛУКойла за старым «Интуристом», а затем пришла «в движение» Южно-советская площадь, угрожая выдавить к морю многоэтажки «новых азербайджанцев», было много споров относительно опасности игры, которую затеяли отцы города в верхней части Баку. В конце концов им удалось убедить общественность в том, что страхи бакинцев напрасны.

Как знать... В брошюре, вышедшей в свет в грозном 1943 году, Кашкай предупреждал, что глинистая толща будет периодически «просыпаться» и пренебрегать опытом искусственного укрепления почвы не следует...

Из воспоминаний Будага Будагова, академика АН Азербайджана:

«По своей геологической специализации Мир-Али Кашкай был классическим петрографом. Но, как и все выдающиеся ученые, он не ограничивал круг своих научных интересов рамками своей специализации. Ему пришлось заниматься, например, вопросами термальных вод, вулканологии и сейсмики. И во всех этих направлениях науки о Земле он оставил глубокий след. После известного случая с оползнями в Хизинском районе он занялся сейсмикой вплотную. Он определил сейсмические зоны республики, создал, по-существу, школу сейсмологов. Такая разноплановость в науке, во всяком случае, у нас в Азербайджане, встречается нечасто. Он был пионером многих начинаний. Про него говорили: Кашкай — универсальный ученый. А ведь в геологии непросто утвердиться».

И все же главной научной задачей остается докторская. Он ее должен завершить как можно быстрее — война не оставляет времени на раскачку.

Правительство торопит геологов. Полной ясности о недрах республики еще нет, а значит, нет и представления об общей картине основных пород и залегания полезных ископаемых. Над конструированием этого своеобразного геологического ключа Кашкай и трудился все последние годы.

И вот «Бакинский рабочий» в начале мая 1942 года извещает о том, что «5 июня в 6 часов вечера в зале заседаний АзФАН (Коммунистическая, 10) состоится публичная защита диссертации на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук старшим научным сотрудником института, кандидатом наук, доцентом Мир-Али Кашкаем на тему: «Минералого-петрографические исследования в области основных и ультраосновных пород Азербайджана». Официальные оппоненты — академик А. А. Твалчрелидзе, член-корреспондент Академии наук СССР Д. И. Щербаков и доктор геологических наук, заслуженный деятель науки С. А. Ковалевский».

В зале — члены ученого совета Геологического института им. И. М. Губкина АзФАН, известные ученые-геологи, преподаватели и студенты Азгосуниверситета, представители научной общественности. Председатель совета объявляет о наличии кворума и дает слово ученому секретарю совета института Я. Д. Козину для оглашения документов, касающихся диссертанта, согласно статье 19 Инструкции об ученых степенях и званиях.

К этому моменту М. Кашкай уже хорошо известен в научном мире. Оппоненты отмечают серьезную теоретическую основу работы, богатый практический материал, подкрепленный лабораторными анализами, самостоятельность научных выводов. Академик из Грузии А. А. Твалчрелидзе отметил, что азербайджанский ученый и его грузинский коллега Н. И. Схиртладзе, опираясь на материалы, добытые в Талыше и Грузии, пришли к сходным выводам в отношении тешенитовых пород. «Это также указывает на то, что минералого-петрографические исследования значительно близко стоят к прецизионным методам».

Соискатель докторского звания в связи с этим внес уточнение, что упомянутый грузинский геолог закончил свою работу в 1940 году, а исследования по Талышу были оформлены двумя годами ранее.

Вопросы о тешенитах чрезвычайно интересны в петрологии и,

понятно, вызвали оживленную полемику.

«Я собрал всю мировую литературу по данному вопросу, — говорил Кашкай, — чтобы, кратко охарактеризовав тешениты различных стран, иметь возможность более убедительно высказать свои соображения о механизме и форме образования тешенит-пикритовых пород, оттенить остроту спорного вопроса о наличии в этих породах нефелина и, наконец, установить место пикрито-тешенитовых пород Талыша в системе Малого и Большого Кавказа»^[62].

С интересом было встречено и следующее сообщение диссертанта:

«Мною изучены все рудопроявления в ультраосновных породах Азербайджана. Разведка велась по линии Азгеоуправления, были организованы специальные научные экспедиции, возглавляемые мною. В результате мне посчастливилось открыть новое месторождение хромитов на Шахдаге».

В связи с этим возник вопрос и о генезисе платины, обнаруженной исследователем. Вот его заключение:

«Нахождение небольшого самородка платины и рассеянного, как показали штуфные пробы, позволяет оптимистически относиться к платиноносности гипербазитов Закавказья»^[63].

Постановление ученого совета Геологического института им. И. М. Губкина АзФАН об успешной защите и присуждении соискателю М. А. Кашкаю степени доктора геолого-минералогических наук было подписано в мае 1942 года. Через год решением Высшей аттестационной комиссии «гражданину Кашкай Мир-Али Сеид Али оглы присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук».

Диплом же доктора наук за номером ГМ № 000016 он получил уже после войны, весной 1946 года.

Это, несомненно, был крупный шаг в научной карьере М. Кашкая.

ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР

Рождение в ту пору доктора наук, к тому же естествоиспытателя, к тому же азербайджанца да еще и столь молодого — тридцати пяти лет, стало событием. АзФАН не случайно доложил об этом своем достижении во все инстанции, в первую очередь в ЦК АКП(б), где делались соответствующие пометки в соответствующих справках, записках, докладах.

Газеты, заполненные сводками о боях на фронтах Великой Отечественной войны и рапортами о трудовых буднях нефтяников, машиностроителей, химиков, тем не менее сочли нужным оповестить читателей о крупном событии в научной жизни республики — азербайджанец стал доктором геолого-минералогических наук: «Это еще один весомый вклад в победу над гитлеровскими захватчиками!»

Словом, речь шла о факте, находящемся в центре внимания прежде всего партийного руководства, широких кругов научной и творческой интеллигенции. И те и другие не могли не обратить внимания на то, что молодой ученый, занявший заметное место в структурирующейся академической сфере, был беспартийным.

Собственно, в самом этом факте для меня, как исследователя жизни выдающегося ученого, ничего неожиданного не было. М. Кашкай следовал внутренней жизненной установке — «держаться подальше от политики». И, несколько забегаая вперед, отметим, что в этом он всегда стремился сохранять последовательность.

В 1935 году в Ленинграде среди корифеев русской геологической школы нежелание начинающего ученого вступить в ряды правящей партии могло восприниматься как вполне допустимая интеллигентская вольность. Но в 1942 году, в разгар кровопролитнейшей из войн, исход которой был не ясен, прочерк в анкете перед графой «партийность» мог вызвать вопросы, на которые не так-то просто было найти убедительный, а самое главное — приемлемый ответ. К тому же непосредственное начальство Кашкай, руководство АзФАН, не скрывало, что имеет виды на молодого, перспективного ученого.

Советская номенклатурная система к тому времени уже была сформирована. Партийное руководство республики держало под неусыпным контролем все ключевые должности вне партийной советской иерархии. Представить себе сколько-нибудь серьезное продвижение в

академической системе, да к тому же в геологии, непосредственно связанной с производственными ресурсами, практически было невозможно. И тем не менее доктор геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник АзФАН, заведующий геохимической лабораторией сектора геологии Мир-Али Кашкай оставался беспартийным. Это не мешало ему быть на виду, пользоваться преференциями, которые предоставлялись видным деятелям науки, литературы и искусства: дополнительный паек, медицинское обслуживание, путевки в здравницы и т. д. Так что есть основание полагать, что карьера его несильно бы пострадала, если бы и далее он оставался вне партии большевиков.

Мировая война, изменившая судьбы целых народов и континентов, смертельная схватка с фашизмом вносили свои коррективы в позиции людей, коренным образом отражаясь на их мироощущениях, мировосприятии, мировоззрении. М. Кашкай, как и многие представители интеллигенции, особенно те из них, кто по разным причинам в глубине души сохранял претензии к большевикам, советской власти, не мог не видеть серьезных общественных сдвигов, произошедших в жизни азербайджанского народа. Он находился в числе тех, на плечи которых само время возложило грандиозную задачу создания Азербайджанской академии — центра национальной научной мысли. Ничего подобного не знала история его народа. И вот все то, что было с таким трудом сохранено, развито, построено, создано — база социального и культурного подъема народа, — могло в одночасье развеяться в прах.

Кашкай, как и многие другие его современники, не сомневался, что фашизм не ограничится одним лишь уничтожением евреев. Их судьбу должны были разделить и многие другие народы. И вряд ли азербайджанцы с их нефтью, золотом и другими богатствами могли рассчитывать на лучшую долю, окажись немцы на Апшероне. Он не мог не видеть, что с Советским Союзом солидаризировались США, Великобритания, оккупированная Франция. Сталину рукоплескали лучшие умы современности: Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Альберт Эйнштейн...

Сталин вел трудные переговоры с союзниками о совместной борьбе с фашизмом. Кашкай не понаслышке знал о той огромной помощи, которая шла через океан, из Великобритании. Борьба с нацизмом, разгром фашистской Германии вывел Советский Союз и его лидера, генералиссимуса И. Сталина, в авангард прогрессивных сил того времени. Роль СССР в установлении нового миропорядка вынуждены были признать тогдашние великие державы. Перед народами всего мира Советский Союз

предстал в качестве страны-освободителя, страны, покончившей с коричневой чумой, с теми, кто мечтал о порабощении всей планеты. И эта слава еще долго питала идейно-политический потенциал СССР, компартии, оказывая огромное, определяющее влияние на умы и настроения человечества, по крайней мере вплоть до 1956 года.

Вот почему, думается, в суровом 1943 году М. Кашкай написал заявление о вступлении в ряды ВКП(б). Убежден, что менее всего им тогда двигали карьерные соображения или, грубо говоря, шкурнические: «А что подумают? А вдруг не так поймут?» Во всем он любил ясность, точность, определенность. И этим своим шагом внес полную ясность в свою гражданскую позицию. Он с теми, кто воюет с гитлеризмом, фашизмом. Напомним, этот шаг он сделал в 1943 году, когда еще не было ни второго фронта, ни громовых раскатов грядущей победы.

*

К удивлению многих, личная жизнь Кашкая не сложилась.

Трудно сказать, когда подумалось нашему герою, что его супруга, возможно, и чудный бриллиант, но, увы, не предназначен украсить их совместную жизнь.

Она была молода, хороша собой, любила внимание к себе и мало интересовалась работой своего мужа. Возможно, ее стали раздражать его частые и, как правило, длительные командировки, необходимости которых не понимала, а может, напротив, начала привыкать к ним, освобождаясь тем самым от казавшихся обременительными походных хлопот.

Может быть, с этого, а может быть, с чего-то другого и началось их раздельное плавание. С недопонимания, с уходом каждого из них в себя, что неизбежно сопровождается охлаждением чувств.

Не дано знать никому истинных причин, разводящих часто еще вчера близких людей, тем более что и сам М. Кашкай, вспоминая свою неудавшуюся женитьбу, ограничивался цитатой из Александра Дюма-сына о том, что надо бы остерегаться тех восхитительных женщин, которые проводят жизнь, наряжаясь то колокольчиком, то тыковкой.

Смысл этих слов туманен, но ясно, что причина была основательной и развод устраивал обоим: они расстались хотя и неожиданно, но мирно, без сцен и тягучей невыносимой ненависти, которая обычно сопровождает в Азербайджане такого рода семейные драмы.

Правда, развестись в ту пору, даже имея убедительные свидетельства

невозможности совместной жизни, для рядового человека было делом непростым, а уж для ученого-секретаря АзФАН — тем более. Советское государство считало своим долгом оберегать семьи своих граждан. С этой точки зрения, если семейная жизнь известных обществу людей не складывалась, то считалось, что они подают дурной пример рядовым коммунистам и беспартийным.

Не раз и не два приглашал в те же годы к себе на беседу Самеда Вургунна сам «Хозяин», уговаривал оставить мысли о разводе: «Что подумают о нас люди?» Все помнили, что сказал М.-Дж. Багиров об одном сильном наркоме, которого выдвигали на еще более высокую должность: «Если он женой не может руководить, как ему республику можно доверить?!»

Пришлось и М. Кашкаю объясняться с хозяином высокого кабинета.

Холодный равнодушный взгляд. Сквозь толстые стекла очков. Сквозь сидящего напротив собеседника. Глухой, доносящийся как бы издалека голос:

— Когда разводятся артисты — я это понимаю. Они в жизни, как на сцене: влюбиться и разлюбить — им раз плюнуть. Но вы-то ученый, умный человек. Вы должны уметь просчитывать каждый свой шаг. Тем более что вступили в партию. Вы несете ответственность не только перед собой, детьми, семьей. На вас смотрит вся республика. Именно вы — молодой, перспективный ученый должны являть пример для подрастающего поколения. Имейте в виду, партийная организация республики о вас положительного мнения...

Трудно сказать, что повлияло на некоторую благосклонность, проявленную аскетичным Мир-Джафаром Багировым в отношении молодого ученого, но этим монологом всё и закончилось.

И вот о чем еще хотелось бы сказать в связи с этим.

Листая книги о геологии и знаменитых геологах современности, я обратил внимание на один весьма показательный факт. Рассказывая о совместных экспедициях, научной деятельности своего великого учителя Александра Яншина, его ученики — едва ли не каждый из них — сочли необходимым вставить несколько строк о его супруге, Фидан Тауфиковне Биккениной.

Вот, например, один из фрагментов:

«Они были очень хорошей парой и до конца сохранили верность друг другу. Более того, всю их совместную жизнь Фидан была ангелом-хранителем своего мужа, по состоянию здоровья нуждавшегося в помощи и участии близкого человека. Она строго выполняла медицинские

предписания для Александра Леонидовича и в случае отклонения от режима становилась суровой, даже гневной, но ненадолго. В том, что последние три десятилетия жизни Александра Леонидовича были творчески насыщенными и очень плодотворными, немалая заслуга Фидан Тауфиковны. Она была ему опорой и поддержкой. После страшного падения Яншина в шурф Фидан Тауфиковна в буквальном смысле поставила его на ноги, забыла надолго о себе и всю свою жизнь посвятила служению тому, чему служил Яншин — геологии»^{64}.

Надо ли еще что-либо добавлять к этому печальному сюжету из жизни нашего героя?

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МАЙ 1945-ГО

Так уж получилось, что эти, сколь досадные, столь и отвлекающие от научной деятельности семейные проблемы совпали по времени с самым масштабным делом, которым когда-либо приходилось заниматься М. Кашкаю.

В конце беседы с партийным руководителем республики тот на прощание предупредил его: «Все внимание, все силы и знания вам необходимо ныне сосредоточить на главном — строительстве Академии наук Азербайджана. По тому, как вы справитесь с этим серьезнейшим поручением, будем судить о вас в дальнейшем...» А впервые об этом грандиозном проекте — создании национальной Академии наук с Кашкаем говорил еще Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

«Филиал — это лишь переходная форма к формированию самостоятельной, крупной научной академической организации. В Москве, в дальнейшем, планируют создание республиканских академий, вполне самостоятельных центров научной мысли, — говорил Левинсон-Лессинг своему ученику. — Силенок на местах пока маловато, Азербайджан, пожалуй, находится в преимущественном положении. Баку с его продвинутой экономикой и культурой — исключительное явление. И все же становление и развитие как традиционных, так и современных направлений науки вам можно обеспечить, только опираясь на серьезные научные кадры, необязательно национального происхождения. Помните, организация Академии наук — дело масштабное. В чем-то вы находитесь в том же положении, что и Петр Великий, когда принял решение о создании Российской академии. Россия долго питалась европейской научной мыслью. Нашим славянофилам не нравилось засилье немцев, французов, а потом и евреев. А куда без них двинешься? Науки, теории ведь, особенно естественные, привязаны не к этносам, а к земле, Космосу, Вселенной...»

Полностью разделял М. Кашкай и соображения своего учителя о культурном значении национального научного очага. Он представлял его как центр, объединяющий интеллектуальную элиту Азербайджана, существующего и развивающегося вполне автономно, формируя свои традиции, новые нормы, включая этические, принципы выборности и свободного независимого мнения, как основы жизнедеятельности новой организации. Что-то в этом видении было от молодости, что-то от интеллигентности старой петербургской научной школы. С тем большим

рвением он в качестве ученого-секретаря АзФАН взялся сводить воедино разрозненные научно-исследовательские институты, многочисленные лаборатории, исследовательские центры.

Сверху, как всегда, торопили, ориентируя организаторов Академии то на седьмое ноября — День Великого Октября, то на декабрь — день рождения великого Сталина, то к Первомаю. Война, однако, вносила свои коррективы. М.-Дж. Багиров был членом военного совета Кавказского фронта, часто отлучался, учреждение Академии с партийной точки зрения было делом важным, но не первостепенным. Предложение Президиума Академии наук СССР и Совнаркома Азербайджанской ССР о реорганизации Азербайджанского филиала Академии наук СССР в Академию наук Азербайджанской ССР было направлено в Москву где-то еще в середине 1944 года. И вот 23 января 1945 года вышло постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о принятии указанного предложения.

В постановлении, подписанном Молотовым, говорилось: «Поручить Совнаркому Азербайджанской ССР и Президиуму Академии наук СССР провести всю подготовительную работу по организации Академии наук Азербайджанской ССР». В связи с организацией Академии в Баку прибыла комиссия Президиума Академии наук СССР. В ее составе — известнейшие имена: академики Д. Прянишников, И. Мещанинов, наш старый знакомец Д. Белянкин, друг и научный руководитель Кашкая.

Мнение членов комиссии стало решающим при разработке и утверждении Устава и структуры АН Азербайджанской ССР и, само собой, при формировании первого состава его действительных членов. Уже через два месяца, а если быть точным, 27 марта 1945 года, вышло постановление Совнаркома Азербайджанской ССР об учреждении Академии наук Азербайджанской ССР. Новая Академия наук состояла из четырех отделений: геолого-химических наук и нефти; физико-технических наук и нефти; биологических и сельскохозяйственных наук; общественных наук.

Из числа выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями, вузами и общественными организациями кандидатов в количестве 41 доктора наук — профессоров, а также деятелей литературы и искусства утвержден состав действительных членов Академии наук Азербайджанской ССР. Ими стали: Азизбеков Шамиль Абдул Рагим оглы, доктор геолого-минералогических наук, профессор — по отделению геолого-химических наук и нефти; Ализаде Али-Ашраф Абдул Гусейн оглы, доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Сталинской премии — по отделению геолого-химических наук и нефти;

Векилов Самед Вургун Юсуф оглы, поэт, заслуженный деятель искусств, дважды лауреат Сталинской премии — по отделению общественных наук; Гаджибеков Узеир Абдул Гусейн оглы, профессор, заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии — по отделению общественных наук; Гроссгейм Александр Альфонсович, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор биологических наук, профессор — по отделению биологических и сельскохозяйственных наук; Гусейнов Гейдар Наджаф оглы, доктор философских наук, профессор — по отделению общественных наук; Дадашев Садых Алекпер оглы, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, профессор, лауреат Сталинской премии — по отделению физико-технических наук и нефти; Есьман Иосиф Гаврилович, доктор технических наук, заслуженный деятель науки, профессор — по отделению физико-технических наук и нефти; Ибрагимов Мирза Аждар оглы, писатель, заслуженный деятель искусств — по отделению общественных наук; Кашкай Мир-Али Сеид-Али оглы, доктор геолого-минералогических наук, профессор — по отделению геолого-химических наук и нефти; Мамедалиев Юсуф Гейдар оглы, доктор химических наук, профессор — по отделению геолого-химических наук и нефти; Мир-Касимов Мир Асадулла Мир Алескер оглы, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, профессор — по отделению биологических и сельскохозяйственных наук; Топчибашев Мустафа Агабек оглы, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, профессор, лауреат Сталинской премии — по отделению биологических и сельскохозяйственных наук; Усейнов Микаил Алескер оглы, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, профессор, лауреат Сталинской премии — по отделению физико-технических наук и нефти; Широкогоров Иван Иванович, действительный член Академии медицинских наук СССР, доктор медицинских наук, профессор — по отделению биологических и сельскохозяйственных наук^[65].

Первым президентом национальной Академии наук был избран М. А. Мир-Касимов — известный медик, человек высочайшей культуры. В те дни, делясь своими мыслями о судьбах азербайджанской интеллигенции, он писал в «Известиях»:

«Организация Азербайджанской Академии наук знаменует собою новый этап в культурном строительстве Советского Азербайджана. Огромный путь прошел Азербайджан за четверть века своего советского существования. Из колониального придатка царской России, где промышленный Баку был как бы изолированным островком, наша республика превратилась в индустриальную страну с передовым сельским

хозяйством. Параллельно происходил и духовный рост азербайджанского народа, стремительными темпами преодолевавшего свою вынужденную отсталость. Одним из наглядных выражений этого роста являются успехи в области знаний, увенчавшиеся созданием республиканской Академии наук»^[66].

Правительственным решением Академии наук передается знаменитое «Исмаиллийе» в центре города — одно из красивейших зданий азербайджанской столицы, построенное до революции миллионером-нефтепромышленником Мусой Нагиевым. Впрочем, знаменит дом более тем, что здесь когда-то заседал «эфемерный парламент мифической независимой республики Азербайджан» — так считала внучка миллионера, французская писательница Банин. С 1945 года здесь заседает Президиум Академии наук Азербайджана...

Президент предложил Кашкаю пост академика-секретаря. Выбор патриарха азербайджанской науки был поддержан.

31 марта в главном здании Академии наук Азербайджанской ССР (ныне на улице Истиглалият) собирается первое общее собрание действительных членов Академии. Зачитывается поздравительная телеграмма президента Академии наук СССР академика В. Л. Комарова: «Уверен, что Азербайджанская Академия наук еще шире и глубже поведет работу по изучению и мобилизации природных ресурсов Азербайджана для дальнейшего развития народного хозяйства республики и всего Советского Союза, содействию расцвету национальной культуры»^[67].

С теплой приветственной речью выступает академик Д. С. Белянкин. Он говорит: «На геологической карте Азербайджана практически не осталось ни одного белого пятна. Наши ученые открыли новые нефтяные бассейны. Не ограничиваясь сушей, они «докопались» до мощных нефтяных пластов, залегающих под морским дном. Найдены и изучены залежи хромита, барита, кобальта, алунитов. Проведено систематическое обследование источников минеральных вод»^[68].

Это оценка и его, М. Кашкая, труда. Как программу действия он воспринимает слова первого президента Академии М. А. Мир-Касимова: «Вся работа Академии наук Азербайджана должна служить интересам народа, дальнейшему развитию производительных сил и культуры нашей республики и всего Советского Союза, интересам скорейшей победы над врагом»^[69].

Газеты переполнены откликами трудящихся. Расул Рза, Мамед Сеид Ордубади, Абдулла Шаик поздравляют собратьев по перу Самеда Вургун

и Мирзу Ибрагимова.

Поступило приветственное послание из Южного Азербайджана за подписями доктора экономики Никджу, старейшего поэта Сафвета, преподавательницы женской гимназии Тебриза Ханум-Шоджай. В нем каждое слово дышит гордостью за Азербайджан, за его людей, за азербайджанскую науку.

Известные ученые В. Гутыря, лауреат Сталинской премии, Б. Дадашев, кандидат технических наук, А. Кулиев, кандидат химических наук, и другие с гордостью пишут: «В славной плеяде первых академиков нашей республики сотрудник АзНИИ, доктор химических наук, профессор Ю. Г. Мамедалиев. Профессор Мамедалиев вырос в выдающегося ученого, труды которого отмечены высокими правительственными наградами»^{70}.

«В самом деле, сколько новых имен! Литераторов, особенно поэтов, и прежде было немало, даже очень хороших. Но химики, математики, геологи, профессора медицины — это безусловное достижение советского периода» — так думает М. Кашкай.

Прав академик И. И. Мещанинов, сказавший в тот замечательный вечер: «Преобразование Азербайджанского филиала Академии наук Союза ССР в Академию наук Азербайджанской ССР является венцом пройденного пути за 25 лет, открывает пути для еще более интенсивного экономического и культурного развития Азербайджанской ССР»^{71}.

Это был звездный час азербайджанской науки. А значит, и его, Мир-Али Кашкая, звездный час. Его жизненный выбор оказался правильным. Он успешно шагает по жизни, уверенный, что его, как и страну, как и весь народ, ждет лучшее будущее.

Незабываемый май 1945-го. Бакинская филармония в праздничном убранстве. Правительство Азербайджана дает прием в честь исторической победы советского народа над фашистской Германией. Во главе собрания — Мир-Джафар Багиров. Рядом — члены правительства, представители рабочего класса. На видном месте — большая группа представителей интеллигенции Азербайджана. От ее имени с речью выступает академик Мир-Али Кашкай.

*

Вместе с президентом М. Мир-Касимовым они строят планы структуризации Академии наук, создания новых институтов.

Азербайджанской науке повезло, что у ее истоков стояли такие личности, как Мир-Али Кашкай и Мир-Асадулла Мир-Касимов. О дружбе этих двух личностей, их плодотворной совместной работе мы еще расскажем на последующих страницах нашего повествования. Мы вернемся к этой теме чуть позже — в те далекие дни наш герой оказался вовлеченным в события, разворачивающиеся по ту сторону Араза — в Тебризе.

Азербайджанцы издавна, почти два столетия, были разделенным народом. Так угодно было истории, на крутых поворотах которой то загоралась, то гасла надежда на воссоединение.

Никогда эти надежды и мечты не казались столь реальными, как в ту весну 1945 года...

МИССИЯ В ТЕБРИЗЕ

В Баку мало кто, в том числе и наш герой, знал или догадывался о том, что уже начиная с 1940 года Южный Азербайджан был включен Москвой в военно-стратегические планы Советского Союза. У Кремля были свои расчеты и резоны для такой политики: возможность присоединения этой части Ирана к Азербайджанской ССР, расширение плацдарма стратегического влияния в средневосточном регионе, опережение германских стратегов, рассчитывавших взять под свой контроль экономику Ирана.

Главным, разумеется, была нефть. На утро 26 августа, то есть спустя всего два месяца с начала войны, по Баку поползли слухи: Красная армия ночью перешла иранскую границу. Первоначально этим разговорам мало кто верил. Но в штаб-квартире ЦК Компартии Азербайджана, где Багиров провел бессонную ночь, было известно: в 2 часа ночи 25 августа передовые части Красной армии приступили к осуществлению военной операции. С 5 до 7 часов утра по всей линии от Нахичевани до Южного побережья Каспия пограничные войска СССР, 44-я и 47-я армии, Каспийский флот, 8-й Закавказский корпус, 132-я Евлахская авиадивизия начали боевые действия в Южном Азербайджане и на юге Каспия. Локальное сопротивление иранцев продолжалось до 13 часов дня. Иранская армия сразу же капитулировала. Советские войска взяли Южный Азербайджан, Гилян, Мазандаран и Хоросан.

Знал хозяин кабинета М. Багиров и другое, чем, собственно, и было вызвано его беспокойство: Британия своими 12 индийскими дивизиями вышла на линию Кирманшах, Абадан, Хоремабад, Меджиди-Сулеймание, Хормуз, Бендер-Дейлим.

Ситуация один к одному напоминала события, имевшие место годом раньше на востоке СССР, на этапе реализации пакта Молотова — Риббентропа.

На сей раз Советский Союз действовал в соответствии с известной «чичеринской» статьей советско-иранского договора. В душах азербайджанцев по обе стороны реки затеплилась никогда не угасающая — то вспыхивающая, то затухающая — надежда на воссоединение. Простые люди, наученные недавней историей, воспринимали действия Москвы вполне буквально, полагая, что раз Красная армия вступила в Тебриз, значит, быть там горкому партии, а за сим и советизации Южного

Азербайджана.

Развитие событий вроде бы подтверждало этот незатейливый вывод.

Мимо внимания многих тогда прошло сообщение о подписании несколькими месяцами позже, а если быть точным, 29 января 1942 года, трехстороннего советско-англо-иранского соглашения о территориальной целостности Ирана. Сталин пошел на эту дипломатическую уступку в крайне невыгодных для СССР условиях: немцы хотя и были отброшены от Москвы, но держали под контролем промышленно развитую часть страны и готовились к весенней кампании. В Европе так же, как за океаном, сильно сомневались в способности СССР выстоять под напором первоклассной армии Гитлера.

Теперь-то все хорошо знают суть сталинской тактики. Она, проще говоря, состояла в полном пренебрежении к достигнутым договорам. Можно не сомневаться, что, соглашаясь на формулировку о территориальной целостности иранского государства, Сталин предполагал при удачном исходе войны продиктовать свою волю южному соседу и союзникам в полном соответствии со стратегией советской экспансии. Это подтверждало и развитие событий в Южном Азербайджане.

М. Кашкай, как и многие видные представители азербайджанской интеллигенции, располагал определенной информацией о скрытой от внешнего взгляда политической борьбе, развернувшейся между союзниками за контроль над Ираном, точнее, над ее богатейшими природными ресурсами и прежде всего иранской нефтью.

В конце августа 1941 года по Баку пронесся новый слух: Багиров в Тебризе. Пока люди думали и гадали, М.-Дж. Багиров, как ни в чем не бывало, объявился уже в Баку. Однако позже, на совещании в ЦК, на которое были приглашены и видные представители интеллигенции, он сам поведал об этой своей тайной поездке: «Будучи в Нахичевани, я на 3 часа посетил Тебриз. Решил ознакомиться с ситуацией в Южном Азербайджане на месте».

Его рассказ о прогулке, которую совершил коммунистический руководитель Северного Азербайджана в главном городе в южной части географической Родины и во время которой он общался с простыми азербайджанцами, интересен для историков своей концовкой. «Земля Южного Азербайджана — наша настоящая Родина», — этими словами заключил он свое сообщение и показал собравшимся на карте территории, которые, по его мнению, являются исторически азербайджанскими^[72].

Мог ли ученый-патриот оставаться в стороне от идеи воссоединения своего народа, которое казалось реальностью? Практически каждый день

после знаменитого совещания у М.-Дж. Багирова проходили встречи с направляемыми в Южный Азербайджан работниками. Первый отряд состоял из 500 человек. Однако очень скоро число посланцев Советского Азербайджана в Тебризе и в других городах Южного Азербайджана перевалило за 3 тысячи. Частыми гостями в Баку были и люди из Тебриза. Уже в ноябре 1941 года на приеме у Багирова побывали вожди шахсеванских племен, представители тебризской интеллигенции. «Хозяин» на эти встречи приглашал и видных азербайджанских писателей и поэтов — Сулеймана Рустама, Сулеймана Рагимова, Мирзу Ибрагимова и др. Знакомил их с тебризскими коллегами. В Тебризе стала распространяться газета «За Родину» на азербайджанском языке.

М. Кашкай, как и многие в Баку, с интересом ловит информацию о событиях в Тебризе. Он дружен с писателем Мирзой Ибрагимовым, который совершает челночные поездки между Баку и Тебризом и, в конце концов, остается там с особой миссией, помогая налаживать культурную жизнь, создавать опорные общественные организации будущей автономии. Обо всем этом он узнает из бесед с ним. Как ученый-секретарь АзФАН он участвует в подборе и отправке группы геологов-нефтяников в Тебриз. Их задача — разведка нефтяных запасов на севере Ирана. Позже М. Кашкай подведет итоги миссии своих коллег: *«Первичные поиски показали, что нефтегазовые запасы в иранском Азербайджане, Гиляне, Мазандаране, Астарабаде, в Северном Хорасане отнюдь не уступают запасам подконтрольных англичанам районов Южного Ирана»*^[73].

Начиная с 1943 года советская активность в Южном Азербайджане серьезно усилилась. Создается Народная партия Ирана, ряд обществ, которые участвуют в выборах в Иранский меджлис. Весной 1944 года «десант» литераторов, полиграфистов и журналистов из Баку налаживает выпуск газеты «За Родину», в Тебризе открывается Дом культуры в качестве филиала Всесоюзного общества культурных связей.

М. Ибрагимов во время своих частых и кратковременных заездов в Баку, рассказывая о проделанной работе, трудностях, нищете крестьянского населения Южного Азербайджана, говорил и об интригах иранского правительства, его заигрываниях с англичанами и американцами.

В июле 1944 года в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция, посвященная нефтяному вопросу, в ходе которой обсуждались проблемы, связанные с иранской нефтью. В те же дни в Тегеране иранское правительство приступило к секретным переговорам с американцами. К этому времени советское правительство начинает вплотную заниматься Северным Ираном. Соотношение сил на фронтах

изменилось. Сталин превратился в лидера мирового масштаба, с которым вынуждены считаться и Черчилль, и Рузвельт.

Ученые АзФАН все чаще привлекаются властями для составления различного рода записок и разработок по проблемам экономики Южного Azerbaijan, его полезных ископаемых и прежде всего нефти. Так возникла идея выбить у иранского правительства право на нефтяную концессию в Северном Иране. В сентябре того же года иранскому правительству было вручено советское предложение о концессии на разведку и разработку нефтяных месторождений Северного Ирана с включением провинций: Семнан, Горган, Мазандаран, Гилян и Azerbaijan. Через месяц в Тегеран прибыла советская делегация, которой, однако, не удалось добиться желаемого. Иранцы всячески тормозили подписание соглашения о концессиях^[74].

К 1945 году Баку, можно сказать, жил сообщениями с двух фронтов — с западного, где советские войска неумолимо приближались к Берлину, и иранского, где, казалось, становилось явью создание независимой Azerbaijanской народно-демократической республики.

В Южном Azerbaijanе действовала АДП (Azerbaijanская демократическая партия), и ее лидеру Мир-Сеиду Пишевари суждено было стать первым и последним премьером Azerbaijanской народно-демократической республики.

Это имя тогда многие в Тебризе и Баку произносили с надеждой. Мало кто знал, что еще в 1927 году М. Пишевари был направлен Коминтерном в Иран, где через некоторое время был схвачен шахской полицией. Просидев в шахской тюрьме почти 10 лет, он вышел на свободу только в результате ввода советских войск в Иран.

Вскоре было сформировано правительство демократической республики Южный Azerbaijan, в его руководстве ключевые позиции занимали надежные коммунисты из Баку. Партийные, советские работники, военспецы, представители интеллигенции были частыми гостями в Тебризе, где помогали налаживать обучение грамоте местных жителей, выпускать газеты, книги, словом, обустривать жизнь по меркам Azerbaijanской ССР. Так что М. Кашкай был в курсе многих перемен за Араксом и знал немало о политических ходах Москвы и Баку.

Особое значение, в смысле наведения культурных мостов между Севером и Югом, азербайджанское руководство придавало визиту большой группы поэтов, писателей, ученых, художников, композиторов, артистов и музыкантов в Южный Azerbaijan. Незадолго до визита в Академии случился очередной переполох — звонил Сам. Оказалось, главных

фигурантов делегации Багиров пригласил к себе на беседу. Среди приглашенных и академик Мир-Али Кашкай. Надолго запомнился ему продолговатый, чуть затемненный кабинет партийного вождя, его не улыбочное лицо, большие роговые очки, сквозь которые он пристально вглядывался в каждого, кто протягивал ему руку. А тут представлен был весь цвет азербайджанской культуры — поэты и писатели Самед Вургун, Сулейман Рустам, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов, ученые Мир-Касимов, Топчибашев, Кашкай. Обрисовав ситуацию в Иране и изложив задачи, которые возлагались на участников культурной акции в Южном Азербайджане, Багиров подчеркнул, что речь идет о будущем азербайджанского народа, его землях: никогда еще мечта нашего народа о единстве, создании мощного государства не была так близка.

Он знал, конечно, что Москва планирует полное отделение Южного Азербайджана от Ирана. Но этот замысел прикрывался разговорами об автономии, самоуправлении, некоем особом месте Южного Азербайджана в составе Иранского государства. Как понял Мир-Али Кашкай и как он потом рассказывал, важно было простым жителям Тебриза и всех других мест, где предстояло им побывать, показать культурный и экономический рывок, который совершили азербайджанцы на севере, в Советском Азербайджане.

— Они должны понять и почувствовать преимущества социализма, ибо будущее наше навсегда связано с Советским Союзом.

В конце встречи партийный руководитель республики попросил ученых задержаться. «У меня несколько слов по части науки», — пояснил он.

Суть той конфиденциальной беседы сводилась к следующему: в Тебриз уже направлялись группы нефтяников, в том числе и бакинских. По их прогнозам, запасы нефти в этой части Ирана значительны. Москва уже поставила перед иранским правительством вопрос о создании советской нефтяной концессии, которая, по мысли советских руководителей, должна была конкурировать с аналогичной структурой Великобритании. Однако нефтью не ограничивались интересы советской стороны. По словам Багирова, руководители Южного Азербайджана сообщают о наличии в северной части Ирана богатых залежей других ценных полезных ископаемых. Говорили о меде, свинце и даже богатых запасах золота и серебра.

— Но всё это суждения политиков, далеких от геологии, — заключил свою беседу Багиров, которая, судя по всему, представлялась ему особо важной, и остановил свой взгляд на сидевшем с краю стола Мир-Али

Кашкае.

Тот дипломатично заметил, что территория Северного Ирана геологически является продолжением структур, берущих начало на нашей, советской стороне. Залежи золота и серебра установлены, хотя и не уточнены их запасы в Нахичевани. Так что логично предположить наличие этих и других металлов и в Южном Азербайджане. Однако окончательную точку зрения по данному вопросу можно высказать после соответствующих геологических изысканий, сказал молодой академик, благоразумно решив, что не стоит утруждать партийного вождя малопонятной профессиональной терминологией.

Франц Юльевич, наверное, оценил бы этот дипломатический пассаж своего ученика на пять.

— Вы, если не ошибаюсь, ведь специалист по петрографии, рудам и прочим минералам, — начал Багиров после некоторого молчания. (Разумеется, Багиров мало что смыслил в геологии. Но у него был отработанный партийный стиль — прежде чем принять нового для него человека, он тщательно изучает его «Личное дело».) Вот вам и карты в руки. Что касается геологических изысканий, то в вашем распоряжении достаточно времени. Кроме того, вы побываете практически во всех крупных центрах Южного Азербайджана. От вас требуется первое предварительное заключение. Экспедиции же с конкретными целями направим потом.

Академик хотел было добавить, что сроки для столь серьезной задачи отпущены недостаточные — что-то около месяца — и неизвестно, как получится с выездом для полевых работ, но Багиров решительно поднялся, показывая, что время вышло, и на том встреча закончилась.

Возглавляемая председателем Общества культурных связей с Ираном Самедом Вургуном делегация побывала в Тебризе, Урмие, Ардебиле, Марате, Казвине. Маститые азербайджанские ученые М. Мир-Касимов, М. Топчибашев, М. Кашкай встречались с представителями местной интеллигенции, выступали с докладами о научных достижениях Советского Азербайджана. В ходе этой поездки Мир-Али Кашкай, как говорится, воочию убедился в огромном культурном отрыве Баку от южной части его родины. По просьбе академика южноазербайджанские власти проработали для него отдельный маршрут с выездом в те районы, которые ученый-геолог считал наиболее перспективными. В то время как другие члены делегации оставались в отеле Тебриза, Кашкай колесил по предгорьям Южного Азербайджана, иногда пересекая маршруты концертных бригад из Баку, выступавших в Марате, Урмие, Ардебиле^[75].

Командировка уже приближалась к концу, когда в Тебриз поступила телеграмма из Баку, уведомлявшая советскую миссию, что пребывание академика М. Кашкая продлевается. Формальное объяснение сему было простое. Телеграмма сообщала, что Министерство цветной металлургии СССР командировывает М.-А. Кашкая сроком на пять месяцев в Северный Иран для изучения геологии, петрографии и рудных месторождений. По возвращении ему рекомендовано было прочесть «ряд лекций для ученых и студентов по геологии Карадага, юго-восточного продолжения Мегри-Ордубадского Плутона и других областей Южного Азербайджана». Это надо было понимать так, что в оставшееся время М. Кашкай должен был произвести соответствующие геологические исследования в перечисленных районах, что и было им сделано на должном профессиональном уровне.

По возвращении он вместе с президентом Академии наук отправляет пространную записку руководителю республики М.-Дж. Багирову с целым рядом предложений и выводов, вытекающих из его наблюдений в ходе пребывания в Иране. Важнейшее из них — предложение организовать «научные экспедиции в Южный Азербайджан с целью комплексного изучения ее геологии, ботаники, зоологии, медицины, археологии, истории культуры». Ученые полагали, что близость и общность Советского и Иранского Азербайджана связаны не только с их историей и культурой, но и природными ресурсами и физической географией. Авторы письма предполагали, что археологические раскопки вокруг озера Урмия помогут вскрыть новые пласты в древней истории азербайджанского народа.

Особое место в письме занимают соображения, связанные с полезными ископаемыми Южного Азербайджана, минералами и растительностью.

Интересна реакция М.-Дж. Багирова на письмо ученых. Он тут же дал указание председателю Совета народных комиссаров Т. Кулиеву обратить внимание на предложения академиков М. Мир-Касимова и М. Кашкая: «По-моему, мы могли бы сами здесь укомплектовать такую экспедицию. Думаю, что и на расходы найдем некоторые средства. На самом деле, мы не имеем ясного представления по всем тем вопросам, которые затрагиваются в данной записке... После договоренности с национальным правительством Иранского Азербайджана... можно было бы направить такую экспедицию...»^{76}

По согласованию с народным комиссариатом цветной металлургии СССР в конце января в Южный Азербайджан была отправлена геологическая экспедиция под руководством главного инженера

Управления геологии А. Амирасланова для изучения медных залежей.

Багиров тут же дает распоряжение председателю Совета народных комиссаров Т. Кулиеву о необходимости срочно рассмотреть предложения ученых, подчеркнув, что они достойны внимания и скорейшей реализации. К слову, уже в конце января геологическая экспедиция по изучению медных месторождений Южного Азербайджана была в пути^[77].

Столь же динамично разворачивались действия советского правительства в отношении Ирана. Известно, что уже в середине лета 1945 года, а конкретно — с 7 июня по 6 июля — советское руководство приняло ряд решений по Ирану. 10 июня И. Сталин подписал секретное постановление «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране». Спустя десять дней, 21 июня, он подписывает постановление Государственного Комитета Обороны за № 9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране».

Этот документ с грифом «Совершенно секретно» можно считать началом борьбы за контроль над иранской нефтью, которая имела долгую и трагическую историю. Особая страница — свержение правительства Моссадыка, попытавшегося национализировать иранскую нефть^[78]. Угроза американского вторжения в ИРИ в наше время под шумок о ядерной программе является лишь фазой этой нескончаемой битвы.

В ноябре 1945 года Москва предприняла ряд практических шагов для укрепления своих позиций в Иранском Азербайджане. Чтобы нейтрализовать экономическую блокаду, организованную иранским правительством, Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О развитии торговли с Иранским Азербайджаном». Через некоторое время, в начале декабря, М.-Дж. Багиров направляет советскому руководству проект повестки сессии Национального собрания Иранского Азербайджана и Национального правительства на базе Азербайджанской демократической партии. Через три дня в Баку из Москвы поступает телеграмма, в которой В. Молотов от имени Политбюро сообщает о своем согласии с предложениями Баку. Через неделю миллимеджлис Иранского Азербайджана начал свою работу и было образовано Национальное правительство во главе с С.-Дж. Пишевари.

Все эти события М. Кашкай, как и многие азербайджанские интеллектуалы, не мог не воспринимать как официальное одобрение движения за автономию в Южном Азербайджане. Политическая наивность азербайджанских ученых, связанная с их ожиданиями относительно воссоединения народа, вполне понятна и даже простительна. Понятно и их

желание как-то участвовать в этом процессе, способствовать его ускорению. Ни Кашкай, ни Мир-Касимов не были политиками. Более того, они всегда сторонились ее. Другое дело, что круговорот мировых процессов не мог не затянуть их и в начавшемся переделе мира им не мог не грезиться шанс для Родины. Этот шанс вполне реальным представлялся и для людей куда более информированных, считавших политику своим кровным делом.

М.-Дж. Багиров, рассчитывавший, наверное, стать хозяином не только Азербайджанской ССР, но и Южного Азербайджана, был безжалостно принесен в жертву вместе с тысячами азербайджанцев — реализаторами этой идеи. Ошиблись, кстати сказать, и мусаватисты, которые, собравшись в ту пору в Стамбуле, заявили буквально, что одной из важных задач программы Мусавата являлось и является создание Большого Азербайджана, то есть объединение Кавказского и Иранского Азербайджана в одну Национальную Азербайджанскую Республику. Поэтому установление территории Национального автономного азербайджанского правительства, даже в пределах Иранского государства, наши партийные товарищи, каждый азербайджанец и турок должны поощрять и приветствовать завершение начатого в Иранском Азербайджане Национального дела^{79}.

После этой памятной поездки Кашкай жил вестями из Тебриза. Ему, как и всем азербайджанцам, казалось логичным и естественным, что после великой Победы 1945 года над фашистской Германией должен пробить час победы в Тебризе.

Наконец, после длительной подготовки и согласований с Москвой, 12 декабря 1945 года (21 Азера 1324 года) в тебризском кинотеатре «Дидабан» открылась первая сессия Азербайджанского миллимеджлиса. В Баку все газеты опубликовали сообщения азербайджанского телеграфного агентства из Тебриза: «Памятные даты бывают в биографии каждого человека, их много в истории каждого народа и государства. Для 5 миллионов азербайджанцев, живущих в Северном Иране, навсегда будет памятен день 21 Азера (12 декабря)»^{80}.

События разворачивались стремительно. 12 декабря было сформировано Азербайджанское национальное правительство, премьером утвержден Сеид-Джафар Пишевари (вообще-то говоря, на Родине, в Агдаше, он когда-то работал под именем Мир-Джафар. Но после того как ему удалось легализоваться в Тебризе, он стал именоваться Сеид-Джафаром, дабы избежать ненужных аналогий с бакинским вождем. Через

пару недель в Баку с упоением читали послание С.-Дж. Пишевари секретарю ЦК КП(б) Азербайджана М.-Дж. Багирову. В нем, в частности, говорилось: «Наряду с разрешением азербайджанскому народу воспользоваться своими законными правами на создание независимого национального государства просим Вас оказать содействие и создать условия для осуществления сокровенной мечты нашего народа, состоящей в объединении в ближайшем будущем этих двух братских республик»^{81}.

С трепетом читал М. Кашкай важнейший документ южноазербайджанского правительства, названный «Требованием азербайджанского народа»: *«Мы, руководствуясь историческими, географическими и этнографическими данными создаваемой нами Азербайджанской национально-демократической республики, включаем в свой состав следующие основные города: Тавриз, Ардебиль, Урмия, Минадоаб, Марага, Салмас, Хой, Маранд, Миане, Энзели, Маку, Ахар, Херовабад, Зенджан, Казеин и Хамадан. Мы границы нашей республики определяем согласно прилагаемой карты, ибо население указанных в карте городов и сел в настоящее время более чем на 95 процентов состоит из азербайджанцев»*^{82}.

Однако оптимистические сообщения вскоре сменились тревожными. Мирза Ибрагимов, один из главных советников независимого правительства республики Южный Азербайджан, все реже появлялся в Академии. Его коллеги-ученые таинственно перешептывались: «Теперь, наверное, он задержится надолго. А может быть, навсегда...»

Их бы устами да мед пить... Во время одной из последних встреч писатель, находившийся в Иране с серьезной политико-дипломатической миссией, задумчиво поделился своими соображениями с Кашкаем. Ибрагимов полагал, что на иранском плацдарме появился новый игрок — США. Их усилиями Южный Азербайджан превращается в поле для большой международной дипломатической дуэли. Американцам явно не нравилась сталинская экспансия в Иране. Они прекрасно видели ее далеко идущие цели: взятие под контроль богатейших нефтяных залежей, а заодно и политическое будущее всего Ирана, усиление влияния Советского Союза на всем Ближнем Востоке, осуществление петровского завещания о прорыве к теплым морям, к Индии.

Однако для собеседника писателя, знатока Ирана, прекрасно осведомленного о тайных механизмах советского проникновения в Тегеран и Тебриз, хотя и представляли интерес его широкие геополитические размышления, все же более интересовала судьба Южного Азербайджана,

мечта о воссоединении народа. Вот тут-то всё складывалось не совсем однозначно и, можно сказать, даже противоречиво и запутанно.

Правительство в Иране возглавил хитроватый Кавам-эс-Салтане, который одновременно вел тайные переговоры со Сталиным и Трумэном. Некоторые советские дипломаты считали, что Кавам-эс-Салтане наиболее подходящая фигура, с ним можно работать, но М. Ибрагимов ему не доверял. Впрочем, не доверяли ему и Пишевари, и многие другие руководители Азербайджанской республики: «Чего от него ждать, если он уже сейчас подвел «научную» базу под ликвидацию азербайджанской автономии, открыто объявив, что тюркский язык навязали населению Северного Азербайджана монголы, а до того их родным языком был якобы персидский»^[83].

Весь 1945 год для Кашкая, как и, впрочем, для большинства азербайджанцев, прошел в ожидании 2 марта 1946 года. В этот день Советский Союз, следуя своим международным обязательствам, должен был вывести войска из Ирана. 3 марта стало известно, что советские танки покидают Тебриз. Но потом пришло другое сообщение — советские войска движутся в направлении Тегерана. В воздухе запахло войной и кровью. Эти ощущения еще более усилились, когда поползли слухи о том, что в Тебриз прибыла группа советских военачальников. Точной информацией о том, что происходит в соседней стране, в Баку мало кто обладал. Ясность внесло совершенно неожиданно правительство Ирана, обратившееся в ООН за помощью. Под давлением США и Великобритании иранская жалоба на Советский Союз была включена в повестку дня Совета Безопасности ООН. Этот демарш как бы приоткрыл завесу секретности над ситуацией в Южном Азербайджане, поскольку вместе с комментариями о происках США в ООН хлынула и информация о действиях советских войск и дипломатов в Тебризе и Тегеране.

24 марта 1946 года запомнилось Кашкаю на всю жизнь. Он называл этот день черным днем в новейшей истории Азербайджана. В этот день Москва опубликовала неожиданное заявление о выводе советских войск из Ирана. Стало ясно: дни республики азербайджанцев в Иране сочтены. Мечтам о воссоединении азербайджанского народа не суждено было сбыться.

Он будет помнить тот день всю оставшуюся жизнь. Как наступила опустошенность. Как по спине его пробежал холодок. То же самое он испытал когда-то в далеком детстве, когда чья-то злая рука с грохотом растворила их ворота и прогремели выстрелы...

Тот мартовский день был днем величайшего разочарования, за которым приходит прозрение. Когда в очередной раз приходится расставаться с иллюзиями.

С того самого далекого дня гуляет по бакинским интеллектуальным кабинетам молва о предательстве Сталина, не пожелавшего постоять за Южный Азербайджан. Говорят также о причине, побудившей генералиссимуса бросить на произвол судьбы тысячи азербайджанских федаинов, патриотов, политических деятелей, рекрутированных Советским Союзом для развертывания сепаратистского движения в Иране, создания азербайджанской автономии и в конечном счете присоединения ее к Азербайджанской ССР, — ультиматум, направленный Трумэном Сталину. Много лет спустя в одном из зарубежных изданий Кашкай нашел подтверждение этим предположениям в книге ведущего историка США Артура М. Шлезингера. Он даже перевел фрагмент из исследования историка о том, как ультиматум Трумэна заставил Сталина одуматься и в спешном порядке начать вывод войск, окончательно заверченный уже в мае 1946 года.

Любопытно, что М. Кашкай практически до конца своей жизни собирал материалы о военно-политической борьбе за Южный Азербайджан. В отдельной папке у него сложены газетные вырезки, переводы из зарубежных изданий, заявления ТАСС того времени. Подборка материалов начинается с публикации на фарси одной из газет, издававшихся в Тебризе. В ней рассказывается о пребывании в Южном Азербайджане известного азербайджанского ученого Мир-Али Кашкая. Далее — информационные сообщения о событиях в Южном Азербайджане.

Есть тут и отрывок из статьи Трумэна, опубликованный в «Нью-Йорк тайме» в 1957 году, в которой экс-президент США пишет: «Я видел, что Сталину известно о моем приказе командующим наземными, морскими и воздушными силами быть в полной боевой готовности... Когда Сталин отказался вывести войска в установленное время, я известил его, что в противном случае я сам приплыву в Персидский залив»^[84].

Нет в этой папке только публикаций о последующих горестных событиях, о тысячах людей, бросившихся вплавь через Араз, сотнях азербайджанцев, погибших в боях с правительственными войсками Ирана, тысячах патриотов, членов демократической партии, замученных в шахских застенках.

Вслед за беженцами, хлынувшими в Советский Азербайджан, в Баку появились Мирза Ибрагимов, С.-Дж. Пишевари, генерал Гулам Яхья, сотни

других активистов бывшей азербайджанской автономии. Их всех стали почему-то называть демократами, даже тех, кто были коммунистами. Вернувшись в Баку, они вновь стали членами своих партийных организаций. Кашкаю не терпелось познакомиться с Пишевари, поговорить о потерпевшей фиаско революции азербайджанцев. Мирза Ибрагимов пообещал: «Скоро соберемся вместе. Нам сейчас не до воспоминаний — надо размещать, обустройства беженцев».

Этому обещанию писателя, друга Кашкая, не суждено было сбыться. Осенью 1947 года машина Пишевари, возвращавшегося из Гянджи, врезалась в каменную глыбу у евлахского моста — водитель задремал. Гулам Яхья, находившийся на переднем сиденье, чудом остался жив, хотя и получил тяжелейшие увечья. Ушибами и ранами отделался офицер-чекист Нури Кулиев, тот самый, который еще недавно в Тебризе числился вице-консулом, являясь одной из ключевых фигур советской резидентуры в Южном Азербайджане. Сеид-Джафара Пишевари срочно доставили в евлахскую больницу, где Салман Самедов, замминистра здравоохранения республики, случайно оказавшийся в Евлахе, настоял на хирургической операции. Она закончилась кончиной этого удивительного человека, единственного азербайджанца — коминтерновца, с чьим мнением считался Багиров и которому в начале иранского кризиса счел нужным направить личное письмо сам Сталин.

Иранская страница в биографии Мир-Али Кашкая, так удачно начатая, завершилась куда как печально. Обстоятельства вторглись в его жизнь, неумолимо перечеркнув его юношеское кредо — никогда не ввязываться в политику. Он был вынужден изменить своему святому правилу. Возможно, исход азербайджанцев из Ирана, гибель Пишевари и прощание с мечтой о едином азербайджанском народе были суровой расплатой за эту измену. А может, предостережением судьбы?

Крушение Южного Азербайджана было одним из самых больших разочарований в жизни Мир-Али Кашкая. Он помогал как мог «демократам», поступившим на работу в Академию наук, устраивал их детей на геофак. В те дни он еще не знал, что судьба готовит для него и его страны еще один удар, что его ждет разочарование в политике властей, которые оставят новый рубец на его, уже уставшем от политических потрясений, сердце.

1948 год. Обмануты не только ожидания азербайджанцев. Обмануты и надежды Армении и Грузии, поскольку, затеяв сложную международную интригу из-за турецких проливов, Кремль не скрывает своих претензий на

Карс, Ардаган, Артвин и другие прилегающие к советским республикам территории. Но Москва продолжает свою игру, окончательные цели которой известны ей одной. Сталину внушают, что тысячи армян готовы покинуть свои насиженные места в Европе, в США, на Ближнем Востоке. Советским стратегам кажется, что репатриация армян сулит огромный политический выигрыш в противостоянии с империалистическим Западом. Под шумок «о потоках» репатриантов, хлынувших в Ереван, принимается постановление Совета народных комиссаров СССР о переселении 100 тысяч азербайджанцев из Армении в Азербайджан.

Багиров проиграл свой раунд подковерной схватки с Кремлем, не помогли ему ни дружба с Берия, ни особое отношение к нему вождя. А вместе с ним проиграл и Азербайджан. В наибольшем же кризисе в конечном счете окажется сам Союз. Только это станет ясно спустя четыре десятилетия, когда разразится карабахский кризис, ибо с очередного возгорания давней армяно-азербайджанской вражды начнется развал великой державы. Но к этому времени Кашкая уже не будет на земле. В памяти его близких останутся лишь его слова: «У нас в стране, как в большой семье, — решающее слово за главой семьи. Дети малые, конечно, могут всякое натворить, рассориться, передрались даже. Но глава на то и глава, чтобы поддерживать в семье порядок, будучи суровым, оставаться справедливым. Тяжела эта ноша, да ничего не поделаешь. Помнить бы ему всегда: даже маленькая ошибка может в масштабах огромной страны обернуться величайшими народными бедами...»

СКАЗАВШИЙ БАГИРОВУ «НЕТ!»

Какое счастье, что он родился ученым. Какая радость иметь лабораторию, часами рассматривать минералы под лупой микроскопа, не уставая удивляться мастерству природы...

А на улицах — унылость, хлебные очереди, убого одетые люди с мрачными, худыми лицами. Однако все живут, как и он, академик Кашкай, с надеждой на лучшее. И, кажется, эти настроения, неистребимая вера человеческая на лучшее завтра, совсем небеспочвенны. Советское правительство отменило карточки. Каждый год объявляется об очередном снижении цен. В магазинах появилось мыло, а потом сахар, мука... Нет, что бы ни говорили, а жизнь налаживается. Налаживается и работа Академии. Об этом М. Кашкай пишет в канун нового, 1947 года в праздничном номере «Бакинского рабочего». (Это своеобразная советская традиция — отчитываться перед трудящимися о проделанной в прошедшем году работе. Газетные страницы пестрели сообщениями министров, руководителей заводов, колхозов, ученых. Кашкай неукосительно соблюдал эту традицию — с первых дней работы в АзФАН и до самой кончины. Об этом свидетельствуют пожелтевшие страницы газетных вырезок...)

«В 1946 году мною, совместно с научным сотрудником Института Г. Эфендиевым, было начато изучение минералов класса сульфидов в Ордубадском районе. Нашей экспедицией обнаружен здесь ряд интересных минералов, установлен генезис месторождения и типы медно-молибденовых оруденений. Составлены геолого-географические карты. Все это дает возможность наметить пути дальнейших поисков редких полезных ископаемых — вольфрама, олова, радиоактивных элементов.

Параллельно с изучением распространения в недрах Азербайджана сернистых соединений металлов мною на протяжении долгого времени собирались и систематизировались материалы об отдельных месторождениях. Результатом этих трудов явилось издание «Очерка геохимического и металлогенического районирования Азербайджана». С докладом на эту тему я собираюсь выступить на созываемой Академией наук СССР в Москве первой геохимической конференции».

С первым президентом ему, Мир-Али Кашкаю, повезло. Мир-Касимов — милейший человек, степенный, умный, умудренный богатым жизненным опытом медик. Он немногословен. Даже, можно сказать,

молчун. Во всяком случае, не большой охотник до торжественных собраний с обязательными докладами и патетическими речами. Но отстаивать свои принципы и идеи умеет. И делает это так же немногословно, но твердо и решительно.

Мир-Асадулла Мир-Алескер оглу Мир-Касимов был представителем известного и очень уважаемого в Баку рода. Известность этому роду принесла ученость его представителей — отец Мир-Алескер был крупным священнослужителем, знатоком арабского и персидского языков. В родстве с Мир-Касимовыми был почитаемый в Азербайджане святым Мир-Мовсум Ага, а также первый Шейх-уль ислам Советского Азербайджана Ага Ализаде, выдающийся азербайджанский композитор Кара Караев. Получив религиозное образование, М. Мир-Касимов окончил классическую русскую гимназию, молодым человеком совершил путешествие по странам Западной Европы и Балкан. В 1913 году он окончил медицинский университет в Одессе. К моменту создания Академии наук М. Мир-Касимов был безусловным авторитетом в азербайджанской науке: первый азербайджанец-хирург, первый профессиональный уролог, первый доктор медицинских наук. Судьбе угодно было сделать его и первым президентом Национальной академии.

У них, у Кашкая и Мир-Касимова, взаимная тяга друг к другу. Сказываются происхождение, общие культурные истоки и особенности образования. М. Мир-Касимов любит подолгу обсуждать с академиком-секретарем академические дела. Они мыслят Академию как некий центр интеллектуальной мысли республики, который формирующим образом призван влиять на становление и развитие всех направлений науки. Но не только. Национальная академия должна стать и своеобразным аккумулятором культуры.

Работая с историческими источниками, Кашкай обратил внимание на то, как тщательно сохранялась в прошлом преемственность в подходах к формированию Академии, которая с первых дней существования рассматривалась как главный очаг научной мысли и культуры. Начиная с «Регламента Академии наук», составленного еще при Екатерине II, основные положения переходили из одного устава в другой. Президенты Академии назначались императором, определялось и количество академиков — в царское время их было 18; кроме того, было 20 адъюнктов и несколько экстраординарных (полных) академиков.

Кашкай предложил президенту и своим коллегам изучить собранные им материалы. Он считал, что и советским ученым было бы небесполезно разработать свой «Регламент Академии наук», который вобрал бы в себя

обязанности Академии и задачи в соответствии с духом нового времени.

Для многих такой подход — экстраполяция структур царских времен на научно-организационные проекты советского времени — выглядел слишком уж оригинальным, чуть ли не отказом от партийного взгляда на существующий порядок вещей. Однако Кашкай видел в этом прежде всего стремление сохранять преемственность основополагающих традиций, дорожить связью времен. И кое-что удавалось в этом плане делать.

В самом деле, и в советское время кандидатуры руководителей Академии подбирались руководством страны с учетом общественного мнения. Окончательное же слово принадлежало общему собранию Академии, которое выбирало рекомендованного властями президента и членов президиума. Но в укреплении связи с государством, жизнью и потребностями общества советская академия пошла дальше. Она все более активно стала участвовать в разработке перспективных планов развития страны. Причем особое внимание всегда уделялось фундаментальным наукам, на что нацеливал своих коллег и первый президент АН Азербайджана М. Мир-Касимов. Однажды он заставил призадуматься членов президиума над следующим соображением:

— За исключением Мир-Али нам всем за пятьдесят. Ждать великих открытий в этом возрасте невозможно. Известно, что они делаются до 35 лет. Наша Академия, разумеется, нуждается в мудрости аксакалов. Но нужна и активная творческая молодежь. Нужно разработать механизм подготовки молодых ученых, продвижения их трудов, создания условий для научной карьеры.

Так создавалась программа действий на будущее, закладывались основы будущей структуры Национальной академии. Тогда же Мир-Касимов, Кашкай, Топчибашев, Гусейнов и другие отцы-основатели Академии сформулировали отношение к фундаментальным наукам. Они исходили из того, что отличие фундаментальной науки от других отраслей деятельности заключается в том, что ее нельзя планировать. Полная свобода фундаментальной науки совершенно необходима, считал М. Кашкай и упорно отстаивал свою точку зрения на всех встречах в ЦК или Совмине. При этом мог и иронизировать: «Прогнозирование научных процессов тем отличается от гадания на кофейной гуще, что последнее порой сбывается».

Первый состав академиков, представляющих цвет нации, может и должен заложить новые академические традиции, стиль работы, этику взаимоотношений, что в целом предполагает некую автономность жизнедеятельности, известную степень демократичности принимаемых

решений. Так полагали Мир-Касимов и академик-секретарь Мир-Али Кашкай. Вместе с достойнейшим Узеиром Гаджибековым, вдохновенным Самедом Вургуном, мудрым Мирзой Ибрагимовым, непоколебимым Гейдаром Гусейновым, преданным науке Юсифом Мамедалиевым они не только декларируют свои высокие цели и намерения. Своим примером они на практике учат своих молодых коллег следовать провозглашаемым целям.

Из воспоминаний Исмаила Ибрагимова, старейшего академика АН Азербайджана (автор проинтервьюировал его в 2007 году, когда академику минул 91 год):

«В самом конце войны меня вдруг вызвали в штаб армии, и я получил приказ следовать в Баку. Как оказалось, со всех фронтов отзывают воинов-азербайджанцев, имеющих какое-то отношение к науке. Обо всем этом мы, группа молодых солдат и офицеров, узнали уже в высоких инстанциях Баку. Определить место нашей новой службы предстояло уже в самой Академии наук. Так мы оказались в кабинете президента АН Азербайджана Мир-Асадулла Мир-Касимова. Пожав каждому из нас руку, расспросив о фронтовых делах и нашей прежней жизни в вузах и лабораториях, президент повел беседу об Академии, научно-исследовательских институтах, нехватке кадров и о том, какие надежды в связи с этим возлагаются на нас, бывших фронтовиков, людей привыкших к дисциплине, умеющих добиваться поставленных Родиной высоких целей. Тут зазвонил телефон. Подняв трубку, Мир-Касимов несколько раз ответил своему собеседнику односложно: «Да». Затем, молча послушав, так же односложно возразил: «Нет». Ответ, судя по тому, что на другом конце провода тирада продолжилась, не удовлетворил собеседника. После длительной паузы Мир-Касимов в той же тональности, спокойно произнес фразу, от которой мы похолодели: «Мир-Джафар, я сказал, что не могу этого сделать!» Тут-то мы сообразили, что телефон-то был не обычный — правительственный и разговаривал президент с *Самим*. С Багировым. Ни в те тяжелые времена, ни позже, когда также не просто все было, мне не приходилось быть свидетелем такой твердости, непреклонности, умения с достоинством оградить академический мир от навязчивой партийной «опеки».

Возглавив Академию, ежедневно занимаясь совершенствованием его структур и субструктур, Мир-Касимов, Кашкай, как и другие представители «могучей кучки» отцов-основателей Азербайджанской национальной академии, проявляли поразительную принципиальность в подготовке и продвижении высококвалифицированных научных кадров,

сохраняя объективность и беспристрастность. Учили ценить людей по их делам. А если уж приходилось высказываться критически, то они это делали невзирая на лица, авторитеты и занимаемые должности. Пожалуй, в памяти ученых М. Мир-Касимов остался первым и единственным президентом Академии наук, который категорически не допускал вмешательства высоких партийных или правительственных органов в научный процесс и дела. Однажды ему пришлось указать место и одному из высокопоставленных функционеров ЦК Компартии Азербайджана.

Случилось это на заседании президиума, но присутствие достаточно широкого круга людей не остановило президента, вынужденного, как и все, выслушать длинную речь представителя партийного руководства, полную грубых и необоснованных обвинений, мелких придирок к ряду руководителей академических институтов и членов президиума. Высокое партийное лицо полагало, что сама его должность позволяет высказываться по любому вопросу и учить, как вести исследовательскую работу даже ученых, на которых он смотрел как на подчиненных.

Неожиданно Мир-Касимов прервал его выступление, обратившись к нему с вопросом: «Кто вы? Представьтесь для начала членам президиума».

Пикантность ситуации заключалась в том, что профессор Мир-Касимов прекрасно знал самого партийного чиновника и даже был знаком с его отцом. И это было известно присутствующим.

После некоторого замешательства чиновник объявил: «Я третий секретарь ЦК Компартии». Ответная реакция президента Академии была еще более неожиданной. Связавшись по правительственному телефону с самим Багировым, после обычного обмена приветствиями Мир-Касимов отчеканил: «Если вы доверяете мне и членам президиума Академии наук, прошу вас избавить нас от мелкой опеки и вмешательства «третьестепенных лиц» в дела Академии наук».

После короткого разговора по телефону с шефом секретарь ЦК собрал свои бумаги и молча покинул заседание.

Не такой человек был Мир-Джафар Багиров, чтобы упускать что-либо, а тем более Академию наук, из-под своего жесткого контроля. Не терпел он и возражений, не умел прощать непокорных. В бурном потоке нелегких трудовых буден инцидент стал уже было забываться, и все уже решили, что президент Академии наук настоял на своем, как... Произошло это в 1947 году в здании Азербайджанской государственной филармонии, где, как обычно, проводилось важное партийно-правительственное мероприятие. После его окончания, покидая филармонию, М. Багиров внезапно повернулся к стоявшему поодаль президенту АН, и сквозь его роговые очки

недобро сверкнули глаза: «Товарищ Мир-Касимов, довольно вам быть беспартийным. Давно уже настало время вступить в ряды партии». Филармония замерла. И в наступившей тишине раздался спокойный голос президента: «Это невозможно, товарищ Багиров».

Рассказывают, что, приехав через несколько минут на работу (Академия тогда располагалась не на проспекте Нариманова, а в двух шагах от филармонии, там, где ныне располагается Президиум АН Азербайджана), М. Мир-Касимов увидел коридоры помещения опустевшими — ни научных, ни технических работников, двери же собственного кабинета опечатанными. Так Национальная академия лишилась своего первого президента.

Что двигало 64-летним ученым, без колебаний возразившим всесильному партийному диктатору? Что означало его непреклонное «Это невозможно!»?

Учти, читатель, время, когда происходит это поистине драматургическое действие, послевоенное, место — партийное правительственное собрание и главное действующее лицо — Мир-Джафар Багиров в зените славы и всесия. Имел ли в виду Мир-Асадулла Мир-Алескер оглы Мир-Касимов свое сеидское происхождение? Для главы азербайджанских большевиков Багирова это звучало бы вызовом — потомок Магомета не может быть большевиком! А может, он имел в виду, что на седьмом десятке лет, прожив вне политики несколько бурных эпох, трудно стать партийным человеком?

Может, и подумал бы Мир-Касимов о вступлении в партию, если бы к этому непростому решению пришел сам, а не вследствие сурового, унижающего человеческое достоинство предостережения «Хозяина». Как и все люди с развитым чувством собственного достоинства, Мир-Касимов не любил, когда на него давили, и в этих случаях действовал наперекор всему.

На следующий день Кашкай молча пожал руку своему другу и единомышленнику. А тот, прочтя в его глазах застывший вопрос, просто сказал: «Я не мог поступить иначе. Вы бы первым перестали меня уважать».

Позже многие ученые оказывались в положении Мир-Касимова. Не всем удавалось достойно выбраться из опасной ситуации. Легендой стал один из ответов М. Кашкая все тому же Багирову. Выступая на представительном собрании, на котором обсуждалась работа Президиума АН Азербайджана, академик-секретарь, говоря о нехватке кадров, заметил, что для подготовки классного ученого требуется минимум лет 15–20.

— Что же, следует годами ждать, пока вы раскочаетесь? — раздался

суровый голос из президиума.

Зал замер. Смолк и оратор.

— Вам надо подумать о том, как сократить сроки подготовки научных кадров. Уверен, что достаточно и трех-четырех лет! Что вы на это скажете?

— Конечно, можно поступить и таким образом. Но что нам скажут за такую подготовку через пятнадцать лет — вот в чем вопрос. Брак из-за низкой квалификации инженера измеряется сотнями рублей. Неточность в научном исследовании может стоить миллионов. А то и больше.

Эти сюжеты я решил ввести в свое повествование не только для того, чтобы показать вольнолюбие отцов-основателей Национальной академии наук Азербайджана. Разные люди возглавляли ее в последующем. Были среди них и выдающиеся фигуры, и не очень. Всякое им приходилось выслушивать и сносить от общения с партийными вождями. Но тот уровень независимости, автономности, демократичности, который прививался в описываемые времена, так и остался воспоминанием о золотом веке азербайджанской академии. Он так и не получил своего развития. Увы... Хотя, справедливости ради, надо сказать и о том, что качество научных исследований и количество научных организаций, масштабы научного поиска выросли в последующие четыре десятилетия (до перестройки!) неизмеримо. Но это уже другой разговор.

«Вы уже умеете летать, набрали высоту. Так научите же этому искусству — летать высоко — ваших соотечественников...» — это был наказ Франца Юльевича своему любимому ученику.

«Да, это птица высокого полета!» — не раз говорил Кашкай, вспоминая первого президента Академии. Он летал действительно высоко и если учил людей чему-то, то прежде всего подниматься высоко над мелочами жизни, засасывающими даже очень сильных людей.

Тишина в Академии — не академическая. Молчание притаившегося страха. Опечатанные двери кабинета. Представляют нового президента — Юсифа Мамедалиева».

Багиров, однако, не стал преследовать заносчивого, как ему казалось, ученого. М. Мир-Касимов продолжал работать в качестве ученого, хирурга, уролога, избирался даже депутатом Верховного Совета СССР. Уберегли ли его высокий авторитет, положение, умение, находясь в большой номенклатуре, сохранять независимость? А может, заговорило в глубинах секретарской души сеидское родство? Бог его знает. Во всяком случае поводов до 1953 года расчитаться с ученым было немало. «Хозяин» подверг его суровой экзекуции, но пощадил. Нужен был, наверное, стране, людям. Стоит сказать и об этом...

И о том еще, что именно в эти годы Академия наук стала подлинным штабом научной мысли и координации научных исследований в Азербайджане. Этот период в ее истории характеризуется не только разрешением организационных вопросов, как, например, хозяйственное и финансовое обеспечение, подбор кадров, но и расширением, углублением фундаментальных естественных, общественных наук, становлением и развитием новых оригинальных направлений в науке. В многочисленных научно-исследовательских профильных институтах, лабораториях развернулась творческая, серьезная и глубоко научная работа, выросла плеяда талантливых ученых, обогативших своими исследованиями отечественную науку^[2].

Позже об этом, первом этапе самостоятельного существования Национальной академии будут вспоминать как о времени плодотворной и эффективной работы.

Из воспоминаний Исмаила Ибрагимова, старейшего академика:

«Часто говорят — учредили Академию. Но Академию мало было создать, мало было подобрать членов ее руководства, ученых. Надо было объединить в одно целое все научные центры и организации, надо было повседневно заниматься структурированием новой организации, не имевшей аналогов в истории Азербайджана. Да, советские ученые, Академия наук СССР делились опытом, помогали кадрами, способствовали подготовке ученых практически по всем направлениям академической науки. Но всю эту многоплановую работу следовало координировать, ежедневно заниматься перепиской с огромным количеством научно-исследовательских институтов, выбивать у властей помещения для вновь беспрерывно растущих и размножающихся научных отделов, управлений, лабораторий.

Сразу после учреждения АН Азербайджана начались работы по проектированию и строительству академгородка. И это огромной важности дело приходилось держать под контролем. А ведь была еще собственно научная работа — исследования, публикации, выпуск монографий, ученых записок, подготовка диссертаций. Вся эта многоплановая работа управлялась из одного мозгового центра — президиума Академии, где «рабочей лошадкой» практически при всех президентах был академик Кашкай. Он был доступен для всех, всегда приветлив, всегда открыт для совета, помощи, содействия. Такой человек был истинной находкой для Академии.

Я думаю, Мир-Асадулла Мир-Касимов, подбирая кандидатуру на

должность академика-секретаря, неслучайно остановил свой выбор на сравнительно молодом Кашкае — ему тогда не было и сорока. Он был самым молодым членом президиума, учитывались не только его работоспособность, перспективность как геолога-исследователя широкого масштаба и мышления, но и два других обстоятельства. А именно: огромный авторитет, которым он пользовался в советских академических кругах, и особая доброжелательность к людям, прежде всего молодым, начинающим ученым, которая не покидала его даже в часы нездоровья и служебных неприятностей, которыми полна, к сожалению, академическая жизнь».

Был такой эпизод в биографии академика-секретаря. В 1962 году он неожиданно для многих решил отойти от академических дел. Что подвело его к этому решению, никто сейчас и припомнить не может. То ли уж слишком много работы навалилось на него, то ли интрига какая-то подковерная имела место.

Из воспоминаний доктора геолого-минералогических наук Джебраила Азадалиева, ученика М. Кашкая:

«Я хорошо помню этот эпизод, потому что в те годы под руководством профессора (мы обращались к нему только так — профессор, не иначе) завершал кандидатскую. Запомнилось мне, что работа моя пошла споро, быстрее. Особенно лабораторные исследования. На что профессор сказал: «Видишь, как легко работается, когда нет писанины, совещаний, заседаний, связанных с должностью. Помни: должность в нашем деле, как деньги, — на втором месте после науки. Без нее, без должности, можно прожить, а как ученому настоящему без науки? Не проживешь...»

Слова, конечно, замечательные. Да только все мы вдруг разом ощутили: без профессора Академия как бы опустела. Его не хватало и президенту, и руководителям институтов, и нам, начинающим ученым. И самое главное — работа страдала. Налаженный им механизм координации научных исследований рушился на глазах. Кончилась эта история тем, что в 1965 году вновь пригласили его в АН на должность академика-секретаря. Конечно, правы те, кто говорит, мол, незаменимых нет. А все же профессор стал как бы частью академического организма, без чего этот организм работал со сбоями...»

В первые дни руководством АН была подготовлена записка об основных направлениях научно-исследовательских работ. Для реализации этой программы требовались исполнители — опытные эксперты-гуманитарии и естественники. Потенциал Академии включал не так уж много докторов и кандидатов наук. Не хватало научных сотрудников, лаборантов. Всех поглотила война.

«Война пожирает лучших», — горестно думал М. Кашкай, знакомясь с печальной статистикой.

Ушедшие на фронт юноши возвращались зрелыми мужчинами, и не каждого из них манили студенческая аудитория или исследовательские лаборатории. Меньше всего было охотников до геологических экспедиций, которые мечтал наладить Кашкай. Наибольшими кадрами в Институте геологии располагали нефтяники — они во время войны имели бронь, чего нельзя было сказать о минерологах, палеонтологах, петрографрах. Так что геологическую науку в этом смысле приходилось создавать едва ли не с нулевой отметки. Кашкай вместе с другими учеными и преподавателями каждый год выезжал в Нахичевань, Гянджу, дальние районы — агитировал выпускников поступать на геолого-географический факультет университета.

Из воспоминаний заслуженного журналиста Азербайджана Алтая Заидова:

«Кашкай увлек меня своими удивительными рассказами о земле, строении минералов, о своих путешествиях по Сибири, Уралу, Кавказу...

Сразу после первого курса Кашкай предложил студентам: «Желающие летом поработать в экспедициях — напишите заявление». Я первым явился к академику. И эта экспедиция, первая в моей жизни, запомнилась навсегда.

Кашкай повез нас через Махачкалу, Главный Кавказский хребет, потом завернул в Закаталы, Гянджу. Палатки разбили мы, наконец, в Чайкенде».

Та полевая партия запомнилась А. Заидову не только находками минералов, романтикой ночных костров и увлекательными рассказами Кашкая. На деньги, заработанные летом, он купил себе к осенней сессии обновку: костюм, туфли, пальто. И еще запомнились на всю жизнь слова учителя: «Кто-то из философов, кажется, Бердяев, говорил, что забота о хлебе для себя — это материальная забота, забота о хлебе для другого — это духовная забота».

«Они были настоящими педагогами, наши наставники,

высокоинтеллектуальными людьми, которые научили нас поведению в обществе, учили правильной речи, — вспоминает А. Заидов. — Например, Мир-Али Кашкай преподавал нам не только свой предмет, но и читал, по существу, лекции по культурологии. Впервые о Блоке я услышал от него. Не только о нем! Он мог часами читать Пушкина, Шекспира, Пастернака... Удивительный человек...

Он был тогда старше меня лет на 30. Я, 21-летний юноша, не успевал за ним, так как на полевых работах он постоянно был в движении, ходил с рюкзаком. Он не давал нам пить по 4–5 часов, так как после этого трудно ходить, таким вот образом учил нас особенностям геологической жизни. Он был очень обаятельный и мягкий. Вечерами мы сидели у костра, пили чай, он рассказывал нам удивительные истории, читал стихи, иногда играл на таре. Это надо было видеть и слушать.

Кашкай-муаллим умел как никто другой выслушать студента, он с интересом расспрашивал о нашей жизни, охотно брался помочь, если возникали какие-либо проблемы».

По окончании университета Кашкай пригласил любознательного паренька на работу в свою геохимическую лабораторию в Институте геологии. Продолжал брать в экспедиции, определил тему научной работы.

А дела на геофаке Азгосуниверситета шли неплохо. М. Кашкай с гордостью рассказывал, что состоялся первый выпуск молодых географов, успешно идет подготовка и ученых геологов, и географов, многие защитили кандидатские диссертации. Профессор как бы ненавязчиво открывал перед своими питомцами перспективы их возможного роста, приглашая всерьез заняться научно-исследовательской работой.

И довольно быстро лаборант А. Заидов дорос до старшего научного сотрудника. Да только увлекла вдруг молодого человека радиожурналистика. В те годы радио было столь же популярно, как и ныне телевидение. Только-только в домах появились первые советские радиоприемники — «Рекорд», «Балтика», «Москва». Да и заработать на радио можно было больше, чем в лаборатории. Словом, стал замечать заведующий лабораторией М. Кашкай, что старший научный сотрудник А. Заидов то и дело названивает то в министерство, то народным артистам, то футболистам. А однажды включил радиоприемник, а там диктор порадовал: «Передаем микрофон нашему корреспонденту Алтаю Заидову. Слушайте его репортаж о самой грандиозной стройке Баку — строительстве здания Дома правительства».

Репортаж был хорош. Порадовался академик и за своего научного

работника, и за республику. А потом узнал — в воскресенье Алтай будет вести репортаж с футбольного матча. Таким вот оказался мастером на все руки. Пока размышлял академик, что теперь делать со своим сотрудником, явился ученый-репортер собственной персоной.

Какой разговор у них получился в тот памятный для Алтая Заидова день, он вспоминает так:

«Я долго колебался, прежде чем подойти к академику. Знал, что он человек хоть и деликатный, но и требовательный. Влюбленный в свою профессию, в геологию и чрезвычайно уважающий каждого, кто трудился на этом поприще. Думалось мне — воспримет он мое бегство на Азрадио, куда меня пригласили на постоянную работу корреспондентом, как измену, предательство. И по большому счету будет прав.

Он строго, можно сказать, с непроницаемым видом выслушал меня, задумался, потом вдруг огорошил вопросом:

— Ты любишь это занятие — репортерство?

Я согласно кивнул головой, не решаясь что-либо добавить в свое оправдание.

— Ну, коли так, займись любимым делом. Иначе получится так: будешь числиться геологом, а работать радиожурналистом. Из этого ничего путного не получится. Коли охладел к геологии, лучше распрощайся с ней. — И добавил с улыбкой: — А репортаж по радио ведешь совсем неплохо, особенно футбольный. Успехов тебе!

Так я расстался со своим учителем Кашкаем. Убежден, что если бы на его месте оказался кто-либо другой, то непременно пришлось бы мне услышать слова упрека, мол, я вложил в тебя столько сил, времени, продвигал по службе, а ты черной неблагодарностью отвечаешь. И я морально готовился к такой отповеди. Кашкай же понял меня так, как понял бы, наверное, только родной и близкий человек, — да не сгладится память о нем в сердцах живых».

А вот будущего доктора наук, Джебраила Азадалиева, паренька из Зангезура, учившегося на геологическом факультете Азгосуниверситета, М. Кашкай никак не хотел отпускать на вольные хлеба.

Из воспоминаний доктора геолого-минералогических наук Джебраила Азадалиева:

«Я был прилежным студентом, и, как мне казалось, моя старательность, пытливость нравились профессору. В его умении похвалить за правильно выполненную работу и, не обижая студенческого

самолюбия, пожурить за нерадивость было что-то отцовское. Случилось так, что к окончанию университета у меня завязались хорошие отношения с республиканским Управлением геологии, в экспедициях которого мне не раз довелось участвовать. Не скрою, мне, молодому геологу, нравилась и другая сторона практической геологической работы — она хорошо оплачивалась в то время. Так что к тому времени, когда, как я и ожидал, профессор пригласил меня на работу в свою геохимическую лабораторию, у меня уже имелось заманчивое предложение Управления геологии, о чем мои сокурсники могли только мечтать. Открыто, ничего не утаивая, я и поведал о своем намерении поработать, как тогда говорили, на производстве, сулившем мне не только высокую зарплату, но и квартиру, рост по службе, что тоже было немаловажно.

— Расчеты у тебя, может, и правильные. И я бы их, пожалуй, одобрил, если б не одно «но», — сказал профессор, выслушав меня, и задумчиво добавил: — Видно, не все из моих лекций ты усвоил.

Я даже обиделся в первое мгновение от этих слов. А профессор продолжил:

— Сколько раз я говорил вам — не гоняйтесь за деньгами, погонишься — больше потеряешь. Вот ты, например, науку на деньги меняешь. Сам подумай, достойная ли сделка? Я ведь изучил тебя, знаю твои способности. Покрутишься на производстве, на месторождениях, и вновь потянет тебя к серьезной научной работе — у тебя склад ума такой. Уверен, опомнишься через несколько лет, придешь ко мне, а время уже упущено.

Надо ли говорить, что я уважал мнение своего учителя, но мне надо было как-то устраивать свою жизнь. Этим доводом я и пытался защитить свое желание менять геохимическую лабораторию на практическую геологию.

Наша беседа затянулась, и вдруг профессор спрашивает:

— Ты сейчас едешь на каникулы в родные края. Посоветуйся с тамошними аксакалами. Как скажут, так и поступи.

Собрал я на совет своих старших братьев, наиболее почитаемых родственников, как только приехал в Зангезур. Они удивились: «Тебя сам Кашкай, академик, человек, которого знает весь мир, приглашает к себе на работу! А ты ему о зарплате толкуешь! Тут и говорить не о чем. Поезжай, извинись перед академиком, скажи — по молодости сглупил. Придет время — спасибо скажешь ему за науку, за то, что он, чужой для нас, в общем-то, человек, о будущем твоём думал».

С тем и вернулся я к профессору. Защитил кандидатскую, докторскую, занял свое место в науке.

Людям в жизни, даже очень умным и опытным, часто не хватает простого совета. Совета человека, которому он верит больше, чем отцу, брату. Это — совет наставника. Жизнь, ведь, она тем и интересна, что задает вопросы, на которые самому не ответить. Вот тут-то и нужно слово мудрого наставника. Судьба не к каждому оказывается благосклонна в этом плане. Мне повезло. Оглядываясь на свой жизненный путь, я всегда думаю о том, сумел бы найти свое место в жизни, науке, если б не он, мой наставник — Мир-Али Кашкай?»

Заметим кстати, что, начав зарабатывать себе на жизнь еще мальчиком, Кашкай в дальнейшем не испытывал недостатка в деньгах. Некоторые это относили на счет особой удачливости Мир-Али. Ему действительно часто везло в жизни — в плане карьеры, личного благополучия, обеспеченности. Но сказать, чтобы деньги были для него самоцелью, значило бы сильно погрешить против истины. «Не бегай за деньгами, а работай так, чтобы деньги сами тебя находили», — наставлял он своих детей и многочисленных учеников. О богатстве своих предков, семейном достатке он знал лишь по рассказам стариков. О таких в народе говорят: сыт от рождения. Может, сказалась на характере будущего ученого одна семейная черта — не скопидомничали его предки, а занимались делом. Деньги при таком подходе являлись чем-то вторичным, естественным результатом образа жизни. Впрочем, такое наблюдается и у людей, одержимых идеей. Для Мир-Али Кашкая такой идеей стала геология, его наука. Он многого добился в ней, а власть со временем научилась ценить труд ученого. Вот и окрепло в нем убеждение: «Не бегай за деньгами...»

Есть еще одна история, о которой и сегодня вспоминают в Институте геологии АН Азербайджана.

Как-то в один из послевоенных дней, придя в лабораторию, профессор обнаружил за своим микроскопом худосочного малыша, с интересом разглядывавшего прибор.

— Нравится? — спросил Кашкай. — Это микроскоп, и он умеет заглядывать внутрь вещей.

Он усадил мальчика вновь за стол, и они вместе стали рассматривать структуру только что доставленных пород. За этим занятием и застала их Зейнаб, уборщица, чьим сыном, как оказалось, и был Ибрагим — так звали малыша.

Мальчик, как и многие дети в ту пору, рос без отца, который погиб на войне. М. Кашкай как бы взял шефство над ним: покупал обновки по праздникам, помогал материально, а когда тот подрос — стал брать в

экспедиции вместе со своими детьми. Впрочем, Ибрагим к тому времени стал чем-то вроде помощника профессора. К окончанию школы он уже знал и умел многое из того, что еще только постигали студенты геофака, куда он, не раздумывая, поступил по рекомендации своего покровителя. Учился он хорошо, писал вполне зрелые статьи. И, когда поступил в аспирантуру, профессор стал его научным руководителем.

Первая его статья о термических исследованиях и фазовых превращениях алунита вышла в соавторстве с М. Кашкаем. Учитель помог не только практическими советами, но и счел нужным поставить свою подпись под статьей. Для академика Кашкая эта была не бог весть какая работа, но для научного признания аспиранта она значила многое. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, он опубликовал впоследствии несколько серьезных исследований. Он был из тех, кто находился рядом с учителем до последних дней, а когда его не стало — стал собирать по крупицам архив М. Кашкая, пробивал вместе с другими учениками идею создания музея академика.

Учеников у Кашкая было немало, в том числе и достаточно именитых академиков, докторов, профессоров. Но только Ибрагим Бабаев остался в памяти своих коллег как «Бала-Кашкай», что можно перевести и как «Маленький Кашкай», и как «Дитя Кашкая». Он не надолго пережил своего учителя. В смутные годы «демократического» безвременья пожар спалил то, чем он занимался всю оставшуюся часть своей недолгой жизни, — архив Кашкая, который он фактически превратил в музей. И сердце его не выдержало...

*

К сорока годам на Востоке редко кто остается холостым, а азербайджанскому академику это вообще как-то не пристало. В таком возрасте мужчины часто ударяются в бурную жизнь, упиваясь неожиданной свободой. Другие, пережив первый неудавшийся брак, начинают строить новую жизнь с учетом сделанных ошибок и увлечений молодости. У Кашкая был маленький сын, росший без матери, и именно это обстоятельство сподвигло его решать эту проблему кардинально. По меркам советского времени он был весьма обеспеченным человеком, имел не только персональную, но и личную машину, хорошую квартиру в центре города, на улице Азизбекова, и, несмотря на молодость, был одним из самых известных людей Азербайджана.

Так что ничто, казалось, не мешало ему заняться своей личной жизнью. Разве вот только душа...

А душа, освободившись, наконец, из-под пресса рассудка, стала смотреть по сторонам и скоро выглядела среди сотен людей, пришедших в Театр оперы и балета, обаятельную девушку по имени Улдуз.

Это была дочь Мир-Дамата Сеид-Гусейн оглу, скромного бухгалтера из Гянджи. О разнице в возрасте в 18 лет не думалось — он чувствовал себя молодым. На красивого академика бросала взгляды не одна студентка мединститута, куда зачастил Кашкай после упомянутого случайного знакомства.

Азербайджанские народные обычаи хороши тем, что ухаживания, предшествующие союзу молодых, не могут продолжаться бесконечно долго. Будущий жених обязан как можно быстрее легализовать свое отношение, подтвердив серьезность намерений. Иными словами, если она тебе по душе и не сторонится тебя — засылай сватов.

Свое сорокалетие Кашкай отметит свадьбой.

Душа не обманула его — брак оказался долгим и счастливым.

Улдуз-ханум пройдет с ним тропами всех его экспедиций: в Дашкесане, Кельбаджаре, Шуше, Лачине. Она будет всегда рядом — и в радости, и в печали. Будет любящей и любимой, надежной и верной. Она возьмет на себя все заботы о доме, семье и о нем, более всего нуждавшемся в спокойной и размеренной жизни.

Старшей дочери он даст имя своей матери — Хабибы, младшую назовет Айбениз. Чингиз будет расти вместе с ними.

Он с головой погрузится в работу, зная, что за его спиной — все лучшее, что у него сейчас есть.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИЗНАНИЕ

Новая послевоенная жизнь началась для Кашкая с газетных строк. В полном недоумении он читал: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства... наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

Откинувшись в кресле, он повторял запомнившиеся ему строки: «Иная близится пора, *Уж ветер смерти сердце студит*, Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет...»

«И что тут пессимистического, упаднического?» — спрашивал себя академик, вспоминая конференц-зал родного Петрографического института, благоговейную тишину, в которой таинственной мелодией звучал голос поэтессы: «Я говорю: «Твое несусь я бремя / Тяжелое, ты знаешь, сколько лет. *Но для меня не существует время* И для меня пространства в мире нет».

«Неспроста все это, — подумалось ему. — Сигнал для других поэтов, сильных как раз идеями. Да и для критиков — искать и найти собственных Ахматовых».

Так и случилось. Замелькали знакомые имена, и среди них — подруга юности Нигяр Рафибейли. Не успели расправиться с безыдейными, тут же принялись за тех, кто увлекается иностранщиной. Стали звучать осудительные речи: «На новогодних балах, вечеринках танцуют исключительно барыню, краковяк, польку, как будто полька исконно азербайджанский танец».

Борьба с иностранщиной к геологии никакого отношения не может иметь: «Мы, геологи, люди Земли!» Но тут и ошибся Кашкай. Один из первых ударов был нанесен по нему. Оказалось, что и в геологии может быть преклонение перед иностранщиной. И взялся доказывать это человек известный, можно сказать, академический, коллега. Статья, написанная им, мало кого убедила, хотя и приводился в ней длинный перечень иностранных фамилий зарубежных ученых, к которым, по его мнению, слишком благоволил академик Кашкай.

В президиуме посмеялись, отмахнулись и забыли это как глупый

анекдот. Академики и представить себе не могли, началом каких шокирующих обвинений станет то, что они назвали бредом, к какой ужасной цепи событий он приведет...

Зря, зря отмахнулись члены президиума...

То, над чем посмеивались академики, вызвало пристальный интерес у кого-то в партийных верхах. И вот уже следует вызов в ЦК. На седьмой этаж. Нет, не с газетной статейкой знакомят Мир-Али Кашкай. Ему придется внимательно изучить многостраничный текст относительно собственной антинародной и антигосударственной деятельности. Имена иностранных ученых всего лишь цветочки. Главное обвинение посерьезней: «Своими научными изысканиями академик Кашкай фактически привязал нефтяные богатства республики к территории шахского Ирана. Таким образом, он подвел научную базу под происки империалистов, мечтающих лишить азербайджанский народ его природных богатств»^[85].

В кругу ученых, разумеется, посмеялись бы и над этим бредом, но в партийных кабинетах не склонны были отшучиваться от обвинений бдительного советского ученого: «Вопрос будет рассматриваться на Бюро ЦК. Завтра в 17.00. У вас есть возможность подготовиться. Члены Бюро готовы выслушать ваши доводы в ошибочности или неточности изложенных в данной статье утверждений».

«Самое смешное то, что обыкновенный пасквиль здесь склонны считать научной статьей», — грустно подумалось Кашкаю, всю ночь тщательно выписывавшему свои контраргументы на нескольких листах бумаги.

Тот же кабинет — с давящей тишиной, тот же холодный взгляд, отстраненные лица высокопоставленных чинуш с ханжескими физиономиями. Чопорные и самодовольные.

— Готовясь к сегодняшнему выступлению, я успел просмотреть порядка тридцати наиболее ценных работ всех ведущих советских ученых-геологов, — начинает не без волнения Кашкай. — На большее у меня просто не было времени. Так вот, в каждой из этих работ (список прилагается) цитируют, упоминают научные труды, идеи немецких естествоиспытателей. Это делается вовсе не из особого почтения или поклонения, а ввиду того простого факта, что именно они внесли существенный вклад в науку о Земле. Современные геологи, развивая те или иные теории, не могут не соотносить свои научные исследования с идеями своих предшественников... Если следовать логике автора материала (Кашкай намеренно избегает слова «статья»), ставшего

причиной нынешнего обсуждения, то до меня, Кашкая, яркими сторонниками упоминаемых тут немецких ученых являются подавляющее большинство представителей советской геологической науки. И еще. Наряду с зарубежными учеными, я, как любой другой исследователь, обращаюсь к трудам выдающихся советских геологов, в том числе и азербайджанских. (Кашкай долго колебался, упомянуть ли имена своих учителей: Левинсона-Лессинга, Ферсмана, а также ряд других советских теоретиков, фамилии которых прозвучали бы для слуха партийного синклита иностранными. В конце концов решил обойтись без конкретики. И правильно сделал!) Тут нет ничего личного. Это обычный исследовательский подход, который позволяет изучить и сопоставить как можно большее число мнений и добиться объективных выводов и суждений.

Чей-то голос: «С этим вопросом ясно. Зачем вам понадобилось связывать наши нефтяные и иные богатства с Ираном?» Он не успел определить, кому принадлежала реплика, и растерянно повернулся в сторону Багирова. Тот о чем-то тихо переговаривался со своим соседом справа. Перехватив вопросительный взгляд выступающего, он резко обронил: «Продолжайте. Отвечайте на заданный вопрос».

Кашкай: «Автор материала, к сожалению, спорит с очевидными научными фактами, касающимися геологических структур земной коры, разломов Малого Кавказа, имеющих естественное продолжение дальше в Иране. Как раз речь идет, кстати, о той ее части, которую принято называть Южным Азербайджаном. Хочу сказать, что подвергнутые критике мои, чисто научные, суждения относительно идентичности геологических пород в южной и северной частях Азербайджана и о пользе, которую мог бы извлечь наш народ из этого, я изложил в пространной записке руководству республики. Записка была подготовлена после моей командировки в Иран, и в ней были поставлены вопросы, имеющие перспективное государственное значение для Азербайджанской ССР. Об этом я писал также в ряде своих научных публикаций, считал нужным выступить с лекциями перед учеными и студентами. Можно, пожалуй, поспорить с некоторыми выводами, относящимися к геологическому строению Малого Кавказа...»

Голос: «Пожалуй, этого не следует тут делать. Среди нас нет геологов, да и то, что вы изложите, имеет чисто научное значение. Тут речь о политике. О вашем отношении к Ирану...»

Тот, кто вопрошал, как хороший актер, выдержал паузу, которая для того, кто стоял на трибуне, показалась вечностью. Но отвечать надо.

— Это — вопросы чисто геологические, научные, никак не связанные ни с текущей политикой, ни с прошлой, ни с будущей. А если бы я высказался о космических телах, что, это послужило бы основанием обвинить меня в космополитизме?

Голос: «Иран, как известно, находится не в космосе...» Иронические улыбки. Легкий смешок.

Что последней фразой хотел сказать Багиров? На что намекал? Что бы там ни было, но «Хозяин» вдруг пустился в рассуждения о происках империалистов в Иране, о том, что не удалось удержать Южный Азербайджан. В ходе воспоминаний о недавних событиях в Тебризе было сказано, что многие наши люди тогда неплохо поработали. И все поняли, что это «неплохо» относится и к стоявшему на трибуне академику Кашкаю.

Стало быть, пронесло...

*

Благополучный исход судилища в ЦК, как ни странно, укрепил авторитет М. Кашкая. В глазах своих коллег и прежде всего недругов он получил как бы охранную грамоту. Обычно такой исход комментировался по-обывательски: «Пользуется поддержкой. Значит, кто-то покровительствует ему». Вот этого-то — высочайшего покровительства — у него ни тогда, ни много позже как раз и не было.

Как же удавалось ему избежать политических интриг, уцелеть в атмосфере нескончаемой борьбы «с безродными космополитами», да и с антипатриотическими группами?

ЗОНА МОЛЧАНИЯ

Не раз и не два сгущались тучи над головой нашего героя. Впрочем, только ли над его головой?

Едва смолкли пушки, как вновь пышным цветом расцвело доноительство. Я не склонен думать, что оно укоренилось в сознании и поведении многих людей исключительно как атрибут советского образа жизни. Стоило властям в США, примерно в те же годы, когда Кашкая вызывали «на ковер», объявить охоту на ведьм, как прагматичные американцы стали слать письма на соседей, на коллег, на каждого, кто не нравился, кто вызывал обыкновенную человеческую зависть.

Куда уж дальше — простой анекдот относительно шалостей Красной Шапочки с Серым Волком мог дать повод для серьезных размышлений о политической близости к «красным». То же — и в независимом Азербайджане: как только власти в конце 90-х инициировали процессы госпереворотов, тут же объявились солидные доктора наук, вполне респектабельные политологи, пожелавшие свидетельствовать на суде в пользу обвинения. Такова природа человеческая. Увы...

И все же по-разному ведут себя люди в условиях поощрения доноительства. Не всякий обращается к нему как к способу самоутверждения или сведения счетов. Не уловил я ни в письмах М. Кашкая, ни в рассказах его близких какой-то особой пристрастности к пережитому времени, к людям, которые причинили ему немалые неприятности. Он просто отвернулся от недружественных, завистливых взглядов, а о пережитом старался не вспоминать.

Был такой случай в жизни Мир-Али Кашкая. Один из его знакомых пожелал напомнить властям о его родословной, его непролетарском происхождении, а если быть точнее, о «буржуазных» корнях и имевшем место, как мы помним, родстве с мусаватистами. Не на один день омрачилась жизнь ученого. И вот после развязки этой истории к Кашкаю домой явился в ярости старший брат доносителя. Как потом выразился академик, с «карт-бланшем» в руках. Возмущенный поступком своего брата, он положил на стол перед Кашкаем чистый лист бумаги с собственной подписью в конце: «Напиши об этом подонке (было использовано иное, более крепкое словцо, обычно применяемое в ссорах азербайджанцами, но мы его опустим) всё, что ты думаешь, всё, что пожелаешь. Сам отправлю куда надо за собственной подписью!»

Кашкай разорвал в клочья бумагу: «Ты предлагаешь не самый лучший способ сатисфакции. Самое лучшее — забыть об этом. Запомним — будем мучиться, покоя лишимся. Предпочтем мстить, сами до ногтей измажемся в грязи, свет мил не будет. И главное — мстительность не имеет конца. Не потому, что не приносит удовлетворения, а потому, что она прилипчива. Так что оставим инцидент в прошлом. А что касается обидчика, то будем считать, будто и не было его. В нашем отмщении он увидит оправдание своего поступка, а этого допускать нельзя. Пусть себе живет со своей нечистой совестью...»

Была во всех этих несправедливостях любопытная черта, о которой, как мне кажется, предпочитают не распространяться многочисленные литераторы, избравшие сталинские репрессии темой своих исследований или описаний.

Жить с клеймом родственника «врага народа» было не то что непросто — небезопасно. Соседи переставали раскланиваться, друзья — звонить, родственники — заходить. Наиболее благоразумные и дальновидные из родичей меняли фамилии и место проживания. Вокруг репрессированных семей вырастала зона молчания. Не было в том ни ненависти, ни вражды, больше страха, порой злорадства и почти никогда — сострадания.

Инстинкт самосохранения действовал безотказно. К этому люди как-то даже привыкли, как к неприятному и, увы, неизбежному обычаю. Как и к тому, что доносители продолжали жить своей жизнью, пользовались уважением коллег на работе даже после того, как началась реабилитация незаконно осужденных. А ведь если б мертвая зона отчуждения окружила бы их, доносителей, наверное, поубавилось бы представителей этого вида литературного творчества...

Так считают многие из жертв доноительства. Так кажется и мне, автору, в иное время и при иных обстоятельствах внимавшему почтенным профессорам, со страха ли, по велению ли душ своих — не все ли равно, свидетельствовавшим о несуществовавшем госперевороте. Так я и сейчас думаю.

А вот Кашкай полагал иначе: «Кто-то сказал: «А доносители — ведь те же жертвы...» Если и жертвы, то своего собственного предательства. Еще Плутарх заметил, что предатели предают, прежде всего, самих себя».

Но не могу не привести здесь и другие слова нашего героя: «Умение прощать — это величайший дар. Божий дар...»

Весной 1949 года пришли за Рахшанде, любимой сестрой. Пришли, как водилось, неожиданно и, как было принято, далеко за полночь. В 4 часа утра раздался стук в дверь академика Кашкая, где обычно ночевала Рахшанде, когда ее супруг, агроном Фаррух, уезжал в командировку. Времени на сборы — пятнадцать минут. Куда и зачем — ни слова: «Вам всё объяснят потом».

Потом стало известно, что в те же часы, точно так же — под утро, постучали в дверь гостевого дома колхоза «Путь Ильича» Сабирабадского района, где остановился Фаррух Рафибейли, выехавший в глухую провинцию в связи с посевной.

Нелепее ситуации, в которой пребывал Мир-Али Кашкай в то раннее утро, трудно придумать. На глазах именитого гражданина, выдающегося ученого, академика-секретаря Академии наук Азербайджана, подняли с постели сестру и увезли в неизвестном направлении. Кому и куда звонить в такую рань? И кто мог помочь в этой ситуации?! И кому можно сказать, что твоя сестра арестована?

К полудню с превеликим трудом удалось разузнать, что арестованные Фаррух и Рахшанде Рафибейли высылаются за пределы республики. Куда? Неизвестно. Когда и откуда? Сегодня, со станции Баладжары.

Обычно люди, поплавав, попричитав, тихо повозмущавшись, принимались ждать конца драмы. Жаловаться было бесполезно. Да и рискованно. Отношения с репрессированным скрывались от постороннего взгляда, как нечто постыдное, порочащее, не подлежащее огласке, как недостойный поступок, как зараза.

Мир-Али, не раздумывая, бросился в Баладжары, более всего боясь опоздать к отправке поезда.

Шел сильный дождь, на улице было серо и пасмурно, отчего привокзальная площадь стала походить на заброшенное кладбище.

Он думал, что придется искать вагон, прицепленный к поезду, следующему в северном направлении. Оказалось, ссыльных набралось на целый эшелон. Вагоны «товарняка» были забиты «врагами народа», свозимыми в Баладжары со всех уголков республики.

Академик метался от одного вагона к другому, заглядывал в створы дверей — ничего, кроме бледных лиц и испуганных глаз.

Сколько раз он прокричал имя сестры? Сколько времени бегал от вагона к вагону, от одного конвоира к другому, боясь, что не успеет увидеть ее, чтобы хотя бы своим присутствием поддержать, вселить надежду.

А людей все подвозили и подвозили в грузовиках, крытых машинах. Иногда целыми семьями. Отверженные, изгоняемые, они волокли свои

жалкие пожитки, испуганно карабкались в кошмарные товарные вагоны, пропитанные ужасом и бедой.

Свистки паровоза, крики конвоиров...

Удивительно, что никто его не остановил, не спросил, чего он тут, в зоне оцепления, бегают? Видимо, посчитали своим. И кто-то из конвоиров, в конце концов, показал ему начальника поезда. Тот тоже, ошалевший уже от всего, не стал разбираться, кто и зачем — раз здесь, значит, так нужно, быстро нашел в списках фамилии. Все расписано — куда, в каком вагоне (были бы полки, и их бы указал) — и даже распорядился разместить ссылаемых родичей М. Кашкая в одном вагоне.

Случались, оказывается, и такие чудеса на этом свете.

А потом пришла весточка от Рахшанде из Сибири, из Бахчарского района Томской области, где им предстояло провести на поселении долгие 9 лет. Жили Рахшанде и Фаррух Рафибейли в болотистом районе, который сами томики называют самым гнилым местом в области. Работал Фаррух там агрономом. Не было ни у него, ни у Рахшанде никакой вины. Лес рубят, щепки летят — все упрощалось в этом сложном мире. Вот и выселяли в Сибирь потомков бывших беков. Благо большинство из них были хорошими специалистами.

Большая беда обожгла многие семьи. Полистайте газеты тех лет, и вы прочтете, как на собраниях трудовых коллективов чья-то жена заявляет с высокой трибуны: «Я презираю себя за то, что ношу под сердцем ребенка врага народа!»

И это не самое душераздирающее признание.

Это потом, когда оставшиеся в живых стали возвращаться, скольким же братьям, сестрам, мужьям и женам пришлось прятать глаза? Иные семьи так никогда и не воссоединились — не забыли и не простили своих близких те, кого предали.

Да что об этом говорить. Не лучше ли помянуть тех, кого беда не сломила, а сплотила, сделала ближе и роднее. Немало времени прошло с той поры, а помнит каждый в роду Кашкаев, как Мир-Али поддерживал сестру и ее мужа, по-отцовски помогал своим племянникам, делал всё, чтобы они не поддались отчаянию, не сломались, не озлобились.

*

Позже, особенно в горбачевскую эпоху, было много написано и

сказано о сменявших друг друга идеологических кампаниях, проводившихся в Советском Союзе «под видом дискуссий», что, однако, ничуть не отражалось на репрессивном характере этой новой партийной линии. Однако до странности мало, ничтожно мало было сказано о причинах, вызвавших к жизни эти дискуссии.

Чем был вызван интерес Сталина и партийных идеологов к литературе и искусству — понятно. Очевидно, таким образом предполагалось ободрить людей, уставших от войны, бесконечных трудностей и жизненных невзгод. Так понимали они задачи строительства общества всеобщего оптимизма. Но что стояло за бескомпромиссным преследованием «вейсманистов-морганистов»? С чего вдруг в 1947 году подвергся ostracism учебник Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»? Кто откопал «народного» академика Трофима Денисовича Лысенко, зачем надо было громить генетиков, кто додумался назвать кибернетику «буржуазной лженаукой»?

На это ясного ответа так никто и не дал.

А началось все в 1946 году, когда вышло разгромное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», издававшихся в Ленинграде. Поражал сам стиль партийного документа, авторы которого, обвинив Зощенко и Ахматову в сочинении «идеологически вредных безыдейных произведений», сочли возможным назвать их «пошляками и подонками литературы». В Баку тут же кинулись искать собственных «пошляков». Выбор пал на Мехти Гусейна за «уход от современности в историческое прошлое». Допустил писатель эту оплошность тем, что сочинил драму «Джеваншир» — об очень важной в историческом смысле странице из истории страны.

Писателю устроили публичную порку, драму забыли.

В академических кругах старались избегать разговоров на литературные темы. Но, когда развернулась борьба с «формализмом» в искусстве, деваться было некуда. Великий Узеир был действительным членом Академии, и уйти от дискуссии в связи с постановлениями, в которых подверглись резкой критике Прокофьев, Шостакович, было практически невозможно. Тем более что большинством советского общества главный партийный тезис о том, что искусство должно служить народу, а следовательно, оно должно быть понятным широким массам, воспринимался как аксиома.

— Для восприятия классической музыки необходим соответствующий уровень музыкального, культурного воспитания, — говорил во время спонтанно возникавших споров с коллегами, да и домашними, Кашкай.

По сравнению с другими своими коллегами Кашкай имел преимущество. Он месяцами скитался в горах Дашкесана, а когда возвращался — запирался в своей лаборатории.

Казалось, жизнь подтверждала его вывод о возможности удалиться в науку, не оглядываясь на политическую суету и партийные установки.

Но куда было деться от ежемесячных партийных собраний, на которых обязательно кого-то прорабатывают: то за формализм, то за невнимание к учению Мичурина и Лысенко, а то и напрямую обвинят в связях с «вейсманистами-морганистами»^[3].

По счастью, в Азербайджане в ту пору выдающихся генетиков, последователей Н. Вавилова, не нашлось, но с тех пор как «разоблачили» философа Г. Ф. Александрова, надолго помрачнел Гейдар Гусейнов, ставший к тому времени вице-президентом Академии наук Азербайджана. Особой близости у Кашкая с философом, возможно, самым выдающимся в Советском Азербайджане, не было. Но они часто встречались. Необходимость в этих встречах возникла как раз в связи с партийными установками взять под жесткий контроль научный процесс, не давать спуска тем, кто отклонился от столбовой линии марксизма-ленинизма.

Кашкая, как, впрочем, и других основателей Национальной академии, беспокоило, что началось повальное применение простого наукообразного приема, когда каждый пытался свои опусы, какой бы проблемы они ни касались, привязать к марксистской философии. Вскоре Маркс уступил место в этом плане Ленину, а того сменил Сталин. Позже это ритуальное упоминание «классиков» сменилось цитатами из документов ЦК КПСС с обращением к докладам генсека Брежнева. Но тогда, в конце сороковых, когда начиналась подмена научного мышления выдергиванием нужных цитат из марксистских классиков, многие прошедшие настоящую академическую школу ученые недоуменно пожимали плечами.

В связи с этим как-то Кашкай за чашкой чая с Г. Гусейновым пошутил: «Пессимизм обошел стороной нашу поэзию. Слава богу, лженауками тоже вроде бы никто не увлекается».

— В том-то и дело, что это нам с вами так кажется, — задумчиво отвечал философ.

Знал ли он, что тучи уже собираются и над его рано поседевшей головой, догадывался ли или что-то прослышал о возне, начавшейся в высоких кабинетах?

Знал он, как знали все, — до него и после. Знал всё — до мелочей. Знал всегда. Не знал бы — не решился на самоубийство.

В течение ряда лет Г. Гусейнов был занят, пожалуй, самым крупным

своим исследованием — «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века». Труд вышел в свет в 1949 году, с одобрением был встречен в Баку и Москве. Работа азербайджанского философа была высоко оценена в отзывах известных советских ученых. Отовсюду шли поздравления. Апофеозом признания высокой научной ценности монографии явилось присуждение Г. Гусейнову Сталинской премии. Это была его вторая Сталинская премия. До того ученый удостоился столь высокой награды за издание четырехтомного русско-азербайджанского словаря. В описываемые дни он находился в зените славы, пользовался в интеллигентских кругах огромным авторитетом. Обаятельность, демократичность делали его популярным и среди ученых, и среди широких кругов общественности.

Сколько времени прошло с той памятной беседы, Кашкай и не помнил. И вдруг грянул гром — в советской печати появилось сообщение о том, что Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства признал ошибочным свое прежнее ходатайство о присуждении премии Г. Н. Гусейнову и теперь отменяет его. Говорилось о том, что предложение о пересмотре решения внесено общественностью Азербайджана; труд Гейдара Гусейнова объявлялся порочным, вредным, написанным с чуждых политических и теоретических позиций.

Тучи над головой философа собирались, судя по всему, давно. И сгонял их тот, кто умел это делать незаметно, исподволь, мастерски — Мир-Джафар Багиров.

Академия замерла. На президиуме обсуждались исключительно текущие вопросы. Гусейнов слег и не появлялся в своем кабинете, чтобы не подвергать опасности друзей и коллег. Они еще не успели прийти в себя от шокирующего сообщения (такого, чтобы лишить Сталинской премии уже награжденного, еще не случалось). Спустя несколько дней новый гром: Багиров собрал в Баку всю азербайджанскую интеллигенцию и, не стесняясь в выражениях, обрушился на вице-президента Академии наук.

Под свои обвинения партийный вождь подвел теоретическую базу. Во всем, оказывается, был виноват Шамиль, воевавший с царем и в первой половине XIX века возглавлявший движение горцев на Кавказе. Как теперь следовало знать, Шамиль — иностранный агент. Заодно движение кавказцев объявлялось реакционным и националистическим, находившимся на службе у английского капитализма и турецкого султана (чуть позже доклад Багирова в виде научной статьи был опубликован в журнале ЦК КПСС «Большевик» под названием «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля»).

После собрания актива интеллигенции Кашкай надолго заперся в кабинете — решил «перелопатить» монографию Гусейнова. Ничего крамольного в монографии, подаренной автором, он не обнаружил. Некоторые фрагменты исследования ему были знакомы по прежним статьям автора. Он писал об интересе, проявленном В. Белинским к азербайджанскому ученому и поэту М. Топчибашеву, и о том, что связывало русского академика М. Павлова с азербайджанским ученым и просветителем Гасанбеком Зардаби. В работе дано подробное изложение взглядов Г. Бакиханова и А. Казембека, содержатся блестящие комментарии к ним. Тридцать печатных листов монографии, в которой Шамилю посвящено около двух с половиной страниц.

Кашкай еще и еще раз вчитывается в страницы, посвященные М. Казембеку. Гусейнов остановился на его статье «Мюридизм и Шамиль», опубликованной, как выясняется, в 1860 году в журнале «Русское слово». Как тут не подумать: царь не знал, что Шамиль был агентом, наймитом капитализма? Выходит, и Казембек до Гейдара Гусейнова был единомышленником Шамиля?!

— Я не специалист по вопросам философии или истории, но Гусейнов рассматривает движение Шамиля как социальное явление и считает, что оно было направлено против колониального гнета царизма и местных феодалов. В чем тут отход от марксизма-ленинизма?

Новый президент Юсиф Мамадалиев грустно смотрит на академика.

— Я тоже не специалист по этим вопросам. Лучше Гусейнова никто не разбирался в политической философии. Он мог бы сам внести ясность в возникшую проблему. Из его выступления на собрании следовало, что оценки, которые он дал мюридизму и движению Шамиля, не расходились с теми, которые приняты в советской исторической науке. Но история — не геология и не химия. Отношение к событиям далекого прошлого часто бывает разным и, увы, нередко меняется.

Гейдар Гусейнов так и не появился в Академии. Газеты разразились статьями, из которых неискушенный читатель мог сделать только один вывод: философ, оказывается, был единомышленником и пособником головореза Шамиля, к тому же — агента международного империализма!

Наступила пора летних экспедиций. Где-то в предгорьях Малого Кавказа и застала Кашкай весть о его самоубийстве.

Вернувшись в Баку, он молча выслушал печальный рассказ Доры Соломоновны о том, как хоронили знаменитого ученого, — наскоро, без каких-либо церемоний, словно убирали с глаз долой опасную улику. Прощались с покойным только близкие. Кому-то из знакомых запретили

являться на похороны, другие сами побоялись прийти.

Поведала она и о том, что труды Г. Гусейнова запрещены, все материалы о нем велено уничтожить, даже личное дело его не передали, как положено, в партийный архив. Пересматриваются школьные и вузовские учебники, тексты лекций и докладов. Все боятся даже разговаривать друг с другом на эту тему, некоторые, закрывшись в кабинетах, перекраивают свои прежние работы. Немало оказалось и тех, которые успели публично покаяться в своих заблуждениях...

Мы можем лишь догадываться, о чем он думал, слушая свою верную помощницу, научившуюся вдруг говорить полупшепотом: рушилась последняя иллюзия, еще жившая в душе. Нет, не спасали ни талант, ни заслуги, ни звания, ни почести, ни слава, ни близость к власти, ни удаление от нее. Каторг массовых репрессий с той же неумолимостью и методичностью, как и в годы его молодости, крушил судьбы людей, гоня перед собой волну страха и безнадежности.

Вернувшись необычно рано с работы домой и не прикоснувшись к ужину, Кашкай сказал жене: «Пойдем к Гусейновым. Сегодня — поминальный день».

А там, в доме философа, стояла могильная тишина, и сидевшие за поминальным столом женщины — супруга покойного и трое его дочерей — смотрели на пришедших поклониться приговоренному к забвению, как на людей из другого мира...

*

Занавес величайшей трагедии под названием «сталинизм» опустился неожиданно, но тяжелое дыхание эпохи еще долго давило людей, держало их в страхе, напоминало о себе безвременными потерями. Кашкай с тревогой думал о том, что каждая такая потеря по существу невосполнима. Он понимал, что всех их так или иначе коснулась лавина и многим людям потребуется время, чтобы научиться снова прямо смотреть в глаза друг другу.

Ему нравились уравновешенность, мудрость Мирзы Ибрагимова, который после катастрофы в Южном Азербайджане засел за роман и вскоре издал его. Роман «Наступит день» принес ему славу, премии, признание.

А вот Самед Вургун, другой член президиума Академии, ходил все время чем-то встревоженный, казалось, мучимый тайной болезнью. Кашкай любил поэзию так же, как и музыку, и поэтому радовался, когда

Самед заходил в его кабинет. И тогда он просил его почитать что-нибудь. И тот, глубоко затянувшись сигаретой, читал:

...А дни идут, идут неутомимо.
Который год уже неизлечимо
Я болен.
Не в упрек шепчу любимой:
а всё — твои опасные глаза...

...Если смерть — безжалостный палач —
Над моей нависнет головой,
Не казись, любимая, не плачь
Перед неизбежною судьбой...

Какие-то новые нотки звучали в этих последних стихах, ранее не свойственные поэзии Вургуна, — предчувствие надвигающейся беды, ощущение близости рокового дня... Провожая в последний путь великого Узеира, поэт не мог не думать о том, что настанет день и пробьет и его час. Это знает каждый, кто находится, как сказал другой поэт, по эту сторону гроба. Но Самед Вургун вряд ли тогда знал, что он и сам уже неизлечимо болен.

Он ушел из жизни цветущим маем 1956 года, и с его уходом в душе Кашкая поселилась необъяснимая тревога. Она чаще молчала, но иногда подобно струне, разбуженной неосторожным движением, тревожно звенела. Было в этом прощании с поэтом нечто такое, что всегда напоминало Кашкаю о разобщенности его родного народа. О разлуке брата с братом, друга с другом. О тоске двух частей отечества, как сказал позже Анар, «запертых и замкнутых пограничными столбами на север и на юг...».

Он, Кашкай, как и Самед Вургун, любил горы, где человек как бы сливается с вечностью. Там, в горах у ночного костра, он не раз будет вспоминать поэта, пытаясь проникнуть в смысл его последних строк:

Ни родина, чьим сыном был,
ни женщина, которую любил,
тебе не скажут никогда:
поэт, как рано постарел ты...

Почему именно эти строки полюбились ему? Ответ на этот вопрос, возможно, дают последние страницы жизни нашего героя...

*

Скоро стали возвращаться репрессированные. Они как-то тихо, незаметно вливались в течение жизни. Их никто не расспрашивал о днях, проведенных «там», в неизвестности. Да и сами они предпочитали более не вспоминать о прошлом. И молча поминали тех, кто так и не вернулся. И от кого так и не дождались вестей. Они растворились в бескрайних российских просторах, превратившись вместе с миллионами других соотечественников в часть истории своей великой и несчастной страны.

С возвращением сестры к Кашкаю вернулось ощущение, что война, бесконечные страхи, доносы, тяжелый багировский взгляд остались позади, забывались, как кошмарный сон.

САЛАМ — МИР ТЕБЕ

Каким оно было, время зрелости ученого, когда он целиком отдался любимой геологии и не порывал с ней до самого конца жизни?

Он всегда просыпается в 5.00, задолго до рассвета, ни минутой позже. Выходит на балкон, поливает цветы, с наслаждением вдыхает пахнущий розами свежий воздух. Потом садится за стол с аккуратно сложенной стопкой писчей бумаги, папками лабораторных исследований.

Пишет он быстро, неровным почерком с характерными изгибами — прочно осевшая в памяти графика арабской письменности, которой он овладевал в далеком детстве...

В 8.00 он выходит из дома, неспешно идет через сквер, известный издавна под названием «Парапет» (ныне площадь Фонтанов), раскланиваясь со встречными. Баку еще не очень большой город. В центре все друг с другом знакомы, а академика Кашкая — в щеголеватой шляпе, в модном плаще «макинтош» с кожаной папкой в руке — узнают издали.

Кашкай ходит этим маршрутом каждый день — мимо «Парапета», мимо памятника Низами — украшения столицы, поднимается по Коммунистической, которая — кто бы мог подумать? — позже будет названа улицей Независимости! Вот и здание Академии.

Широкая мраморная лестница, устланная ярко-красной дорожкой, нестареющей, как и узоры орнамента на фасаде здания. И он уже в кабинете, встречаемый, увы, безвременно постаревшей Дорой Соломоновной, его бессменной помощницей. Пройдут годы, он переберется в новый дом по улице Гуси Гаджиева, но маршрут и режим дня сохранятся без изменений.

Итак, в 8.30 он в своем кабинете. Доре Соломоновне вручается кипа исписанных бумаг. («И когда он успевает написать столько!» — нарочито ворчливо восклицает она.) Час на занятия с педагогом английского языка или чтение зарубежных изданий — и то и другое для того, чтобы поддерживать форму.

В 10.00 Академия оживает, и с этой минуты он — во власти академической бюрократии: заседания президиума, встречи с президентом, переписка с институтами, выезд в университет, составление записок наверх — в ЦК. Напоследок — геохимическая лаборатория, где надо проконсультировать лаборантов, просмотреть анализы, подготовленные сотрудниками. Ближе к вечеру выясняется, что надо идти в оперу или

послушать в филармонии знаменитого московского артиста, читающего «Илиаду». А еще Кашкай могли ждать в обществе «Знание», членом руководства которого он является и где он руководит лекторием «Недра Азербайджана».

Там, слева, у высокого окна, обычно сидят живые классики — композиторы Кара Караев, Фикрет Амиров, всеобщий любимец Тофик Кулиев. Здесь появляются художники, полотна которых нарасхват: Тогрул Нариманбеков, Таир Салахов, Расим Бабаев. Иногда наезжает в Баку легендарный Фарман Салманов, первооткрыватель тюменской нефти.

Сколько, оказывается, у нас талантливых людей!

*

К этому времени относится его увлечение лекционной работой, которая была сосредоточена в обществе «Знание». М. Кашкай, однако, раздвинул рамки этого вида творческой деятельности, поощрявшейся партийными организациями, нашел свои формы народного просвещения. Он чутко уловил тягу людей к научной информации и в ходе поездок по республике охотно выступал перед, как говорили тогда, трудящимися, рассказывая о тайнах Земли, богатствах недр Азербайджана. Возможно, это было и интуитивным желанием поближе и почаще общаться с простыми людьми, чтобы понять, о чем они думают, что хотят услышать. А может, заговорила в нем просветительская жилка его предков?

Непросто было оторваться от привычного научного стиля повествования, дозированно пользоваться терминологией. Но он довольно быстро научился ясно и доходчиво рассказывать о строении Земли, тектонике, вулканах, образовании гор, минеральных источниках. Позже многие говорили, что Кашкай обладал даром рассказчика, умением просто говорить о сложных и малопонятных вещах.

Из воспоминаний Джебраила Азадалиева:

«Как правило, свои выступления перед слушателями он начинает с какого-нибудь поразжающего воображение факта, например такого. «Известно ли вам, что Гренландия все время движется в западном направлении? — обращался профессор к аудитории. И далее увлекал ее новой невероятной информацией. — Представьте, что это сенсационное открытие было сделано более 100 лет назад. Прежде чем перейдем к другим особенностям изменения Земного шара, сообщу, что Гренландия до

1870 года удалялась от Европы со скоростью 9 метров в год, с 1870 по 1907 год уже со скоростью 32 метра в год. Это пример горизонтального движения земной поверхности. Известны и случаи вертикального движения, например, древний город Поццуоли, близ Неаполя, все время опускается». — И тут профессор совершенно незаметно «приземлял» тему, сообщив, что то же самое происходит и с Каспием. Далее следовал рассказ о том, как эти горизонтальные и вертикальные движения приводят к изменению положения полюсов Земли.

Причем поводом для такой популярной лекции могли стать не только регулярные мероприятия общества «Знание». Слушатели собирались вокруг профессора часто во время поисковых работ в горах, в ходе случайных встреч с жителями местности, в экспедиционных палатках.

«Ущелье, где мы присели отдохнуть, когда-то было дном океана», — как бы между прочим начинал он свою «лекцию», присев на валуне и вытирая пот со лба. Его попутчики, пожилые кельбаджарцы, приставленные к академику в качестве проводников, недоверчиво поглядывают на него.

Разумеется, трудно этому поверить. Но вот откуда взялась эта ракушка здесь в горах?

Расковыряв постоянно находящимся при нем геологическим топориком землю под ногами, он показывает своим собеседникам несколько ракушек: «Такое может образоваться только на дне моря». И далее следует фантастический рассказ о том, как миллионы лет назад в этих краях, покрытых непроходимыми лесами, плескались волны, как образовалась земная твердь и много других удивительных вещей. Дальше — научно-популярное обобщение: «Ясные наслоения глин, известняков и песчаников, включающие в себя богатую морскую фауну, в горах Большого и Малого Кавказа с несомненностью свидетельствуют о подводном накоплении этих отложений».

Деятельность М. Кашкая в качестве популяризатора науки чрезвычайно плодотворна. Он — автор множества научно-популярных статей, инициатор бесед, интервью по самым различным проблемам современной науки. В 60-е годы, помнится, не проходило недели, чтобы имя академика Кашкая не появилось в союзной, республиканской прессе, на экране ТВ.

Знакомить местное население с результатами проводимых в их крае исследований М. Кашкай считал своей обязанностью. И всячески приобщал нас, молодых ученых, к такого рода импровизированным лекциям».

Его время было порой значительных событий в геологии.

М. Кашкай увлеченно следил за информацией о работах по изучению океанической коры в рамках проекта глубоководного бурения. Эти работы были напрямую связаны с появлением судна абсолютно нового типа, оснащенного оборудованием, способным разбуривать дно океана при шестикилометровой толще воды. Проект был международным, в нем участвовали многие страны, включая Советский Союз.

Результаты глубоководного бурения в океане были ошеломляющими. Оказалось, что океаническая кора имеет природу, совершенно отличную от континентальной. В геологии обосновалась концепция о преобладающих горизонтальных движениях, что означало переворот в традиционных представлениях о глобальной тектонике. И тут нельзя не сказать о том, что М. Кашкай был среди тех, кто одним из первых воспринял ее.

Особое место в публикациях М. Кашкая тех лет занимает каспийская проблема. Снижался уровень уникального водоема. Сколько было панических выступлений по этому поводу! Писали о неизбежности надвигающейся экологической катастрофы. Во всесоюзном масштабе взялись за реализацию спасительного проекта — переброску сибирских рек.

От выступлений Кашкай на эту тему веет хладнокровием и рассудительностью. Понимая беспокойство общественности, он напоминает о естественных процессах колебания уровня Каспийского моря, отмеченных еще в древности. Он уверенно прогнозировал грядущее повышение уровня Каспия. И это в то время, когда могущественные силы со всего Союза проталкивали во всех инстанциях идею переброски сибирских рек. Каждый, кто высказывал иную точку зрения, рисковал быть подвергнутым беспощадной обструкции. Непросто было даже академику А. Яншину в Москве, с его авторитетом и репутацией живого гения, противиться рукотворному повороту русла рек в сторону Каспия.

Теперь-то мы знаем, что победило здравомыслие. Но эту позицию — против поворота рек — надо было высказать. И — отстоять.

В популярных рассказах об истории и тайнах земли М. Кашкай видел лучший способ борьбы с невежеством, предрассудками и суевериями, которыми жили люди, несмотря на тотально проводимую атеистическую пропаганду. И еще говорили про него, что М. Кашкай делился знаниями в силу своего душевного склада, привычки всегда помогать людям — хлебом, словом, теплом.

Несомненно, склонность к просветительству связана с особым

строением души и ума, называемой часто интеллигентностью. Разные по природе своей, таланту, возрасту и воспитанию — Узеир Гаджибеков, Мир-Али Кашкай, Мир-Асадулла Мир-Касимов, Мирза Ибрагимов, короче, все представители той самой «могучей кучки», которой суждено было стоять у истоков современной азербайджанской науки и которой Азербайджан обязан во многом культурным прорывом в XX веке, — при пристальном рассмотрении обнаруживают поразительное сходство.

*

Позже этот период — середину пятидесятих годов — публицисты назовут оттепелью. Под этим подразумевалось, что суровая сталинская эпоха, подобно ледниковому периоду сковывавшая все общество, саму мысль, индивидуальное мнение в любом его проявлении даже после смерти генералиссимуса, заканчивалась. КПСС положила конец массовым репрессиям, дала простор инициативе и творчеству людей.

Не будем углубляться в причины и характер политических перемен. Скажем только, что период с середины 50-х годов до начала 70-х стал поистине золотым веком азербайджанской науки, литературы и искусства.

Это было время, когда Филадельфийский симфонический оркестр исполнял «Курд овшары» — симфонический мугам Фикрета Амирова, возможно, лучшее его произведение, сразу приобщившее азербайджанского композитора к элите мировой музыкальной культуры. Балеты «Семь красавиц» и «Тропою грома» делают популярным имя другого, пожалуй, самого яркого представителя азербайджанской композиторской школы — Кара Караева. Позже он, ученик Шостаковича, станет секретарем Союза композиторов СССР.

Утверждалась и школа живописи. Именно тогда взойшли звезды Таира Салахова, Саттара Бахлул-заде, приобрели известность полотна Тогрула Нариманбекова, Микаила Абдуллаева. Почти четверть века любимцем советской эстрады был Муслим Магомаев.

Страна, подобно могучему локомотиву, медленно набрав скорость, все стремительнее неслась вперед.

Кто мог тогда знать, что ждет ее там, за горизонтом? Но люди жили надеждой, что все самое трудное и страшное уже позади.

Очень комфортно чувствовал себя и Кашкай. Накопленный опыт, исключительная работоспособность позволили ему приступить к реализации крупных научных замыслов, провести исследования, о которых прежде мог только мечтать.

Этот период, самый плодотворный в его жизни, начался с монографии «Геология Азербайджана (петрография)». В подготовке книги приняли участие многие научные сотрудники Института геологии Академии наук Азербайджанской ССР. В качестве главного редактора книги Кашкай привлек своего давнего учителя и друга, уже знакомого нам академика Д. С. Белянкина.

Пожалуй, эта работа стала одной из фундаментальных в истории развития геологической науки в Азербайджане. Насчитывающая свыше 800 страниц, она обобщает материалы, полученные в результате длительных исследований горных пород Азербайджана. В многочисленных рецензиях отмечалось, что в книге впервые столь полно раскрыты закономерности распределения горных пород на территории республики, условия их образования. Серьезная теоретическая база позволяет правильно подойти к выяснению истории геологического развития Азербайджана и последовательности образования горных пород.

В предисловии академик Д. С. Белянкин пишет: «...Мы должны всячески приветствовать выход в свет «Геологии Азербайджана (петрографии)». Составленная ведущими специалистами республики, она дает нам наглядное и полное представление о степени современной изученности предмета, стимулирует дальнейшие, столь же напряженные исследования в этой области в связи с уже известными и открываемыми вновь месторождениями полезных ископаемых Азербайджана»^[86].

В СССР с особым уважением относились к теоретическим трудам и практическим достижениям азербайджанских геологов. Разумеется, авторитет их во многом был связан с нефтяной отраслью, где республика твердо удерживала ведущие позиции. Роман Кармен снимает фильм о нефтяниках Каспия, легендарные Нефтяные Камни вызывают восхищение во всем мире. Азербайджанские нефтяники — геологи, бурильщики и промысловики — участвуют в открытии «Второго Баку» в Поволжье. Они же фактически стали создателями нефтегазовой промышленности соседней Туркмении. А когда начались разработки в Казахстане и Сибири, опыт и знания нефтяников Азербайджана были востребованы в первую очередь.

Это всё хорошо известно. Гораздо меньше написано о других направлениях азербайджанской геологии, в частности петрографии. В этой области известность Азербайджану принесли труды Мир-Али Кашкая.

В начале пятидесятих годов он выдвинул новую идею о генезисе и происхождении колчеданных месторождений Малого Кавказа. По мнению видных советских специалистов, впервые им была теоретически обоснована, а затем и доказана парагенетическая связь медно-и серноколчеданных месторождений Малого Кавказа с очагами вулканизма раннегеосинклинальной стадии развития региона. Под этим углом зрения ученым были детально исследованы петрология, структурные условия формирования, минералогия и геохимия месторождений колчеданной рудной формации Малого Кавказа.

Здесь, пожалуй, следует сказать об одной особенности в деятельности Кашкая как ученого. Так была устроена жизнь в Советском Союзе, что одних научных изысканий для признания и практической реализации тех или иных научных открытий, одних исследований было недостаточно. Надо было еще проявить недюжинную волю и упорство в привлечении внимания широких кругов общественности и, само собой, руководящих органов к научной работе.

В этом плане Кашкай значительно отличался от многих своих коллег целеустремленностью, напором, можно даже сказать, изобретательностью. Редко кто из ученых той поры так активно использовал СМИ в деле популяризации тех или иных научных идей, доходчиво разъясняя преимущество их практического применения.

Вспоминает Мир-Гамид Мамедов:

«Во многом благодаря его настойчивости, еще в 1951 году советским правительством было принято решение о развитии курортной зоны Исти-Су. Под соответствующим постановлением стояла подпись самого Сталина. В Кельбаджаре развернулись научные исследования в области гидрогеологии, климатологии, физико-химии, бальнеологии. Интенсивно велись строительные работы.

М. Кашкай после долгой и упорной переписки с союзными и республиканскими инстанциями добился создания Азербайджанской комплексной экспедиции Академии наук, Министерства здравоохранения Азербайджанской ССР и Всесоюзной конторы «Союзгеокаптажминвод» Министерства здравоохранения СССР».

Любопытная деталь. Начиная с тридцатых годов и едва ли не до конца

своей жизни ученый не упускал из поля своего зрения Исти-Су. Какая бы научная проблема его ни увлекала в конкретный период, он раз за разом возвращался к вопросу изучения минеральных вод Азербайджана, их обустройства, распространения целебных вод Исти-Су. Именно тогда, в начале пятидесятых годов, добившись упомянутого решения Совета министров СССР, он настоял на проведении представительной научной конференции по освоению и развитию курорта Исти-Су. В ее работе приняли участие ученые, медицинские и инженерно-технические работники Азербайджана, Москвы, ряда союзных республик.

Конференция, проблемы, поднятые учеными, их выводы имели большой резонанс. Вот одно из тогдашних газетных сообщений: «На основании длительных наблюдений и изучения географических условий и климата в Исти-Су ученые единодушно пришли к выводу, что эта местность, расположенная в центральной части Малого Кавказа, в высокогорном Кельбаджарском районе, на правом берегу горной реки Тертер, одна из лучших в Советском Союзе и во всем мире горно-климатических станций, с прекрасным, здоровым климатом и великолепной природой»^[87].

Переписка академика, частые выступления в печати свидетельствуют о том, что он держал под контролем всё, что было связано с развитием курорта: строительство шоссейных дорог, сооружение гостиницы, поликлиники, санаториев, летнего театра, спортивных площадок.

«Несмотря на то, что строительство курорта Исти-Су ведется уже не первый год, до сего времени построена лишь дорога, санаторий и завод розлива на два миллиона бутылок в год, — пишет он с явным неудовольствием в «Бакинском рабочем» в апреле 1957 года. — В настоящее время проектируется завод розлива на 7 миллионов бутылок. Все эти работы, порученные отдельным министерствам, ведутся крайне медленно.

То же можно сказать в отношении курортов Туршсу и Ширлан в Шушинском районе, где Институтом геологии выявлены многодебитные углекислые источники. Здесь построен завод розлива, а постановление Совета Министров Азербайджанской ССР о строительстве курортного комплекса не осуществляется.

Мы не сумеем в полной мере использовать замечательные курортные богатства нашей республики, пока строительство курортов будет расплывлено между отдельными ведомствами и пока к этим вопросам будут относиться как к второстепенному делу. Нужно, чтобы строительство

курортов было сосредоточено в одних руках и обеспечено средствами и материалами»^[88].

О том, как пробивалась идея создания курортных зон в районах минеральных источников, можно было бы написать целую книгу. За сталинским постановлением 1951 года, за правительственными решениями Азербайджана в 60—70-е годы стоял один и тот же незримый, нешумливый, но беспредельно упорный «толкач» — академик Кашкай.

Документ из архива М. Кашкая (переписка с ЦК КП Азербайджана):
«Секретарю ЦК КП Азербайджана товарищу В. Ю. Ахундову.

Совнархоз Азербайджанской ССР обратился ко мне с просьбой гарантировать дополнительными ресурсами минеральной воды типа Исти-Су в Нижнем Исти-Су, где можно построить завод розлива ближе к районному центру — Кельбаджары. Нами была пробурена скважина непосредственно у шоссе-ной дороги в Нижнем Исти-Су. Эта скважина дала минеральную воду с огромным суточным дебитом — 600 тысяч литров.

Прошу Вашего указания Совнархозу Азербайджанской ССР: 1. Приступить к строительству завода розлива на Нижнем Исти-Су, мощностью 10 миллионов литров в год; 2. Рассмотреть вопрос строительства бутылочного завода в Кельбаджарах, где имеется для обеспечения его подходящее сырье (базальтовые породы) с большими запасами; 3. Организовать получение из минеральной воды карлсбадской соли»^[89].

Академик знает — ответ последует нескоро. Но имеет представление и о том, как можно ускорить принятие нужных решений. Он подключает местную прессу, проводит «круглые столы», научно-практические конференции, приглашает в Кельбаджары и Шушу теле-и киногоруппы. Он то и дело направляет в Совмин свои разработки, проекты и их экономическое обоснование.

Итог — постановление ЦК КП Азербайджана и Совета министров Азербайджанской ССР: «Совпрофу республики совместно с Академией наук Азербайджанской ССР и Министерством здравоохранения республики поручается в кратчайшие сроки разработать мероприятия по ускорению бурения скважин, утверждению запасов, а также изучению геологических, физико-химических и бальнеологических особенностей минеральных вод

Тутхун (Кельбаджарский район). Принимается также предложение о строительстве завода по розливу минеральной воды и выработке сухой минеральной соли, мощностью 10 тонн в год. В соответствии с этим постановлением будет начато строительство домов отдыха в Шуше и завода розлива минеральных вод Туршсу»^[90].

Пройдет еще несколько лет, и «Правда» сообщит: «Шуша. Азербайджанская ССР. Сегодня по трубам к лечебницам пошла минеральная вода. Длина трубопровода составляет свыше тридцати километров.

Расположенный на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, город Шуша обладает прекрасными климатическими лечебными факторами. Здесь действуют санатории, дома отдыха, пансионаты, туристские базы. Строятся новые здравницы. Вода целебных углекислых источников, поступившая сюда по трубам, повышает ценность этого горного курорта Азербайджана...»^[91]

*

Это, разумеется, большая победа, но не окончательная. Кашкай срочно выезжает в Кельбаджары. Здесь ему всегда рады, но на сей раз профессора ждут с особым нетерпением. Ведь именно кельбаджарцы своими бесконечными просьбами найти минеральный источник где-нибудь в низине и подтолкнули Кашкаю начать поиски в районе местечка Тутхун. Находится оно у подножия гор посреди живописных лугов. В случае удачи здесь нетрудно будет начать строительные работы, не то что высоко в горах. Однако бурение скважины затянулось на долгие месяцы. Кашкай надолго обосновался в своей палатке. С одной стороны, было удобно — никакой связи с Баку, где, понятно, ждут вестей, нервничают и руководители Академии, и в Совмине. Ясное дело — деньги отпущены немалые. Народные деньги.

«А вдруг ничего не получится?» Этот вопрос задавали ему и в Институте геологии, и дома. Он читает его и в глазах местных начальников, особенно тех из них, которые заняты подвозом оборудования, рабочих, провизии.

И пополз по коридорам Академии зловердный слушок. Мол, Кашкай исчез — ни академика, ни обещанного минерального источника. Наверное, ждет, когда тут позабудут о его кельбаджарском проекте. Потом открыто

заговорили о провале проекта в газетах. Нашлись геологи, которые подвели и научную базу под скептические оценки относительно наличия минеральной воды в Тутхуне. И, наконец, вызов в ЦК.

— Все сроки вышли. Вы помните, чем кончилась аналогичная история с теми, кто убедил правительство искать нефть за пределами Баку?

Конечно, Кашкай помнил эту историю и прекрасно представлял, что его ждет, если Тутхун не откликнется на его настойчивый стук. Не расстреляют, конечно, и не вышлют в Сибирь, не объявят врагом народа — не те уже времена.

На карте — не жизнь, но имя академика. Это почти одно и то же для человека слова и настоящего ученого. Он только и сказал: «Мой прогноз обоснован. В Тутхуне есть вода!»

Рассказывает сын академика, доктор геолого-минералогических наук Чингиз Кашкай:

«Я хорошо помню эту историю. Самое удивительное в ней было то, что чем больше было разговоров, слухов и сплетен вокруг Тутхуна, тем уверенней становился отец. Разумеется, временами он нервничал. Однако, заметив, что и мы, близкие к нему люди — домашние, бурильщики, геологи, как-то приуныли, он убежденно чеканил: «Ошибки быть не может. Тутхун лежит точно над водными пластами Верхнего Исти-Су. Разница лишь в глубине залегания минерального потока».

Нам не надо было каких-либо доказательств. Это была не первая скважина, которую бурили по его указанию и под его руководством. И он ни разу не ошибался».

Не ошибся академик и в долине реки Тутхун. В один прекрасный день из недр неудержимой струей забил фонтан — так неожиданно, что никто не смог запечатлеть на фото этот долгожданный миг. Бьет этот фонтан и поныне.

Из воспоминаний дочери академика Хабибы-ханум:

«Мы жили в небольшом поселке в нескольких километрах от Тутхуна. Отец обычно вставал рано и пешком направлялся по своему маршруту. Иногда по утрам он будил меня, и мы вместе любовались завораживающей панорамой величественных гор. Отец любил повторять, что нет ничего на свете прекрасней и таинственней этих гор. Но тут же добавлял: «Свою тайну они открывают только мне, ибо я им плачу бесконечной любовью...»

Кашкай вернулся в Баку с триумфом, положив конец всем сплетням и досужим разговорам. А в Тутхуне, к радости местных жителей, была создана лечебная зона. Скептики и недоброжелатели, сеявшие сомнения в отношении перспективности Тутхуна, обычно ссылались на то, что, мол, М. Кашкай петрограф, а проблема термальных вод — другая область.

Академик М. Аббасов:

«Кашкай, при его огромной работоспособности, обладал одним замечательным качеством — умением глубоко вникать в суть проблемы. Он ничем не занимался походя, поверхностно. Так было и с минеральными источниками Азербайджана. На проблему он вышел еще в молодости, в период подготовки кандидатской диссертации. Затем, уже будучи выдающимся петрографом, он стал и лучшим специалистом по термальным водам. Его работа «Минеральные воды Азербайджана» мгновенно разошлась еще при жизни ученого. И поныне эта книга остается лучшей среди аналогичных работ, поражая полнотой, охватом всего многообразия минеральных источников нашей страны, их свойств, целебных качеств и т. д.».

Петрография и минеральные воды — сочетание этих двух научных направлений — всегда вызывало удивление коллег. Притом что сам Кашкай любил повторять: главные направления моих исследований — это Дашкесан, перлиты и алуниты!

— А минеральные воды?

— Это мое хобби, — отшучивался он. — Точнее, моя любовь — на всю жизнь.

Сын академика, Ч. Кашкай, о днях, проведенных в Кельбаджарах с отцом, вспоминает с особым чувством. Он, впрочем, как и все его ученики, считает, что Кельбаджары так же, как и Дашкесан, стали частью его жизни. Кельбаджарцы считали его своим земляком, местные ашуги — знаменитые на всю страну — посвящали ему свои песни. Стерлось многое из того, что было оставлено азербайджанцами на этой земле. Сотрется, наверное, и след Кашкая. Впрочем, сын академика верит, что мы вернемся в Кельбаджары.

«Скорее всего, я не доживу до этого дня. Поэтому внушаю своему сыну: «Когда освободят Кельбаджар, поезжай туда сам, выбери валун покрупней у реки Тутхун и напиши на нем: «Этот минеральный источник пробурил в таком-то году академик Кашкай»».

У людей, увы, короткая память. У властей еще короче.

В начале 1957 года советскую печать облетело сенсационное сообщение: в Азербайджане (Кельбаджарский район) обнаружены месторождения очень важных для народного хозяйства полезных ископаемых перлита и обсидиана.

А началось все с того же Исти-Су. Подтолкнула ученого к открытию, как часто случается в науке, чистая случайность. В августе 1954 года небольшой отряд Института геологии, руководимый академиком М.-А. Кашкаем, занимался изучением рудоносности реки Тертер в окрестностях курорта Исти-Су. С базы, где расположился отряд, открывался отличный вид на Кечалдаг. В бинокль можно было различить, что вершина горы выглядит необычно — белая, она сияла в солнечных лучах как-то совсем иначе, чем снег. Это заинтересовало руководителя отряда, и по его поручению молодой геолог Айдын Мамедов поднялся на Кечалдаг.

Вблизи вершина горы выглядела еще более странно. Бело-серая масса с вкрапленными в нее перламутровыми зернами и рядом — порода, словно каменноугольная смола, черная, отполированная до блеска. Так было открыто первое в Азербайджане месторождение перлита и обсидиана.

Взволнованное состояние, в котором он пребывал с момента обнаружения белого сияния в горах, вдруг обернулось моментом счастливой догадки. Такое случается в минуты наивысшего напряжения интеллекта, называемого озарением. Вот оно — открытие, оно у тебя прямо перед глазами!

Открытие... На этом можно, казалось бы, и закончить рассказ. В действительности же момент, когда ученые определили, что собой представляют отбитые образцы, — был лишь началом открытия.

В СССР перлит и обсидиан в то время практически почти не применялись, их состав и свойства были мало изучены. Нужно было развернуть целый комплекс работ: изучение состава термических и петрографических свойств минералов, поиски промышленных участков, определение контуров залежи. В результате, по проекту, составленному учеными, Азгеологоуправление уже через два года смогло осуществить широкие разведочные работы и в 1957 году доказать промышленный характер запасов на Кечалдагском участке.

Член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР, директор Института геологии Ш. Ф. Мехтиеv по этому поводу писал:

«Эти полезные ископаемые после предварительного обжига становятся очень легкими, почти в шесть раз легче воды. Они значительно дешевле пеностекла, изготавливаемого из стекловатного порошка. Запасы этих ценных ископаемых, как установил М. Кашкай, являются одними из самых крупных. За рубежом, в частности в США, на перлитах работают десятки заводов. Образцы перлита и обсидиана из Кельбаджарского месторождения для лабораторных и полу-заводских испытаний были посланы во Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт «Теплопроект». В результате работ, проведенных в институте, установлено, что эти вулканические стекловатные породы могут быть использованы для изготовления легких заполнителей бетона, штукатурки, а также высокоэффективных теплоизоляционных материалов»^[92].

Вскоре Институт геологии им. И. М. Губкина Академии наук Азербайджанской ССР передал свои рекомендации по использованию азербайджанского перлита и обсидиана в строительные организации. Всесоюзный институт «Теплопроект» проектирует опытный завод. Потом М. Кашкай напишет работу «Перлиты и обсидианы, их физико-химические особенности». Ее назовут одним из фундаментальных исследований в области этих полезных ископаемых.

Работа Кашкая вызвала живейший интерес ученых и производителей. «Это — первый не только у нас в стране, но и за рубежом капитальный труд по перлитам и обсидианам, в котором обоснован механизм образования их месторождений, выявлены строение, морфология и термические свойства пород, дана карта развития перлитовых месторождений, результаты их разработки в Европе и в Соединенных Штатах Америки», — сообщалось в ту пору в республиканской и союзной прессе^[93].

Документ из архива М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП Азербайджана»:

«Секретарю ЦК КП Азербайджана тов. Ахундову В. Ю.

В США за последние 12 лет построено более 250 заводов для использования вспученного перлита. Такие же заводы построены в ряде стран Европы, а также в Японии. В СССР только что закончили строительство заводов на Украине и в Сибири. Прошу Вашего указания Госстрою, Совнархозу о постройке заводов в Мингечауре, Кировабаде и Сумгаите для получения вспученного перлита»^[94].

Работы Кашкая привлекут внимание экономистов республики, и перлиты найдут широкое применение в различных отраслях промышленности.

А академик тем временем живет уже новой проблемой — необходимостью приступить к промышленной разработке залежей азербайджанского туфа. Хозяйственные органы, как это часто бывает, разворачиваются медленно, тянут, откладывают на «потом». М. Кашкай настойчиво шлет записки в ЦК и Совмин, в них — убедительные расчеты перспективности разработок, описание цветовой гаммы туфа, выгодно отличающегося от своего армянского аналога многоцветьем. Природа словно специально поделила этот редкий строительный материал между двумя республиками, пишет Кашкай, но нам повезло больше — на армянской стороне гор преобладает розовый, а у нас — и белый, и серый, и розовый, и желтый. И залежи — богатейшие. Нужно срочно перебрасывать все это богатство на строительные площадки, использование которого способно разительно изменить облик наших городов.

Тогда, в 1957-м, открытием месторождений перлитов он как бы сделал сам себе подарок — к своему пятидесятилетию.

Мало кто в эти годы думает о старости. Это, пожалуй, пора зрелости. Мир-Али Кашкай не был в этом плане исключением. Он полон сил, как всегда, энергичен, как всегда, строит планы. Трудные времена остались позади, всё складывается хорошо, ничто не указывает на то, что где-то за углом беда уже поджидает его.

Она пришло утром, внезапно: в один из обычных светлых бакинских дней заболели и покинули свет две его девочки — Гюльгюн, а затем и Гюльбенлиз, одна из близняшек. Их недолгую земную юдоль увенчала скоротечная безжалостная болезнь.

— Мне очень жаль, — доктор не сводит с него немигающих глаз.

Это был страшный удар.

Жизнь с малолетства словно готовила его к потерям. Даже таким, когда гаснет последний лучик надежды. После того как не стало матери, он, казалось бы, осознал: есть вещи, с которыми человеку не совладать. Смерть уготована для каждого. И в ее тайну человеку не проникнуть.

Но в те дни отцовское сердце охватило пламя настоящего гнева: в чем вина детей? Почему их преследует рок? Господь дает, Господь же и забирает? Так, кажется, говорили старики в далеком детстве. Господь отбирает... И это справедливо? А может, правы были китайцы, вопросившие: «Если есть Бог, то почему он несправедлив?»

Он должен был пережить и эти утраты. Сколько их заготовлено было
свыше? И не слишком ли много для одного человека?

«МЫ НИСПОСЛАЛИ ТАКЖЕ ЖЕЛЕЗО...»

Туг, пожалуй, самое время нам с вами, читатель, перебраться поближе к родине нашего героя, не в самую Гянджу, а чуть восточнее, и надолго задержаться в регионе, который известен в геологии под красноречивым названием «Азербайджанский Урал». И который для нашего героя являлся, по его собственному признанию, и геологической базой, и геологической школой, и геохимической лабораторией. И даже домом родным. Можно сказать больше: Дашкесан — часть жизни М. Кашкая, особая страница в его биографии.

С него началась его трудовая деятельность. Появившись впервые здесь молодым горным инженером, Кашкай так и остался привязанным к его горам всей своей жизнью, своими геологическими поисками. Дашкесан манил и притягивал его не только как петрографа. Сам город, небольшой, уместившийся на горных склонах, как и рудники, горно-обогажительный комбинат, рос на его глазах.

До конца жизни он вспоминал о «красном уголке» в одном из первых многоэтажных домов, который дашкесанцы называли клубом Кашкая. Здесь он собирал вокруг себя молодых инженеров и рабочих, делился новостями, рассказывал о тайнах Земли. Здесь ежедневно подводились итоги трудового дня, вывешивалась «молния», сообщавшая то о пуске рудников, то о завершении линии канатно-подвесной дороги.

В клубе всегда было тесно, шумно, накурено и весело. Гитаре вторил тар, кто-то тихонько наигрывал на гармошке, а кто-то просто барабанил по табуретке, изображая ударников из джаз-оркестров. Были здесь и только что получившие диплом выпускники бакинских вузов, и парни, потянувшиеся в Дашкесан из окрестных сел, и знавшие толк в рудном деле посланцы Урала и Донбасса. То и дело появлялись здесь корреспонденты, радио-и тележурналисты. И все они тянулись в это накуренное, тесное помещение клуба академика Кашкая. Его рассказы об истории Дашкесана, его богатствах, о людях и о том, чем был Дашкесан для самого ученого, — в журналистской хронике тех лет...

...Поначалу в Дашкесане хотели добывать магнитный железняк, углубляясь шахтами в гору, но очень скоро от этого замысла отказались, отдав предпочтение открытой разработке месторождения. В брошенной, с осыпающимися стенами штольне, на погнутых рельсах еще стояла ненужная, ржавеющая вагонетка. Недалеко от нее шахта, закрытая еще в

двадцатых годах, которую показывали гостям Дашкесана как историческую реликвию. Около входа в нее, напрягая зрение, можно было прочесть полустертую надпись «Сименс-кобальт».

Предприимчивые немецкие промышленники, братья Карл, Вернер и Вальтер Сименс, добывали в этих местах кобальт, высоко ценившийся на мировом рынке, и по горным тропам вывозили его в Европу. Ласковые, звучные имена давали в акционерном обществе «Сименс» вырытым шахтам: «Штольня кобальтовых цветов», «Штольня аметистовая». В Долляре, в сорока пяти верстах от Дашкесана, если измерять расстояние напрямую, руду грузили в железнодорожные вагоны и отправляли в Германию. И уже в фабричных цехах Нижней Саксонии выделялась кобальтовая краска, на которую был огромный спрос. Эту краску за баснословные деньги покупала у Германии и Россия. А на заводах Круппа кобальт из дашкесанских месторождений добавлялся в сталь, предназначенную для изготовления конструкций, работающих при высоких температурах.

Акционеры «Сименса» жаждали заполучить в свое монопольное владение весь рудный край сроком на тридцать лет. Братья намеревались взяться и за разработку железной руды, но помешала Первая мировая война.

По иронии фортуны, земляки братьев Сименс пришли в этот горный край вскоре после окончания Второй мировой войны. В качестве военнопленных они строили железную дорогу Алабашлы — Куши для отправки дашкесанской руды на металлургический завод в соседнюю Грузию, в город Рустави.

Любознательными, влюбленными в растущий молодой город и местность, окружавшую его, были первые строители и жители Дашкесана. С ними Кашкай ходил далеко по каньону стремительного Кошкарчая, тогда еще незамутненного промышленными стоками, взбирался на крутые скалистые отроги, под которыми открывалась четко вычерченная цепь гор хребта Хачял. А за ним вставали Муровдагский и Шахдагский хребты, вершина Гямыш. На альпийских лугах росли диковинные, с короткими мускулистыми стеблями, яркие цветы. Для букетов они не годились, потому что быстро блекли и вяли в руках. Их никто и не рвал — кто тронет такую красоту?!

В конце дня, когда стройка затихала, было слышно, как переговариваются друг с другом чабаны, разделенные оврагами и ущельем: звонкий воздух высокогорья был прекрасным резонатором.

Неподалеку от русла Кошкарчая, на полянке, где мох покрывал

скользкие после дождей каменные плиты, а чуть в стороне громоздились валуны и громады базальта и гранита, Кашкай показывал своим спутникам остатки примитивных первобытных печей — в них неведомо когда плавил руду. Способ был простейший, но эти ямы со следами древесного угля на дне, крохотные горны, обложенные жаростойким камнем, предвосхитили будущие доменные печи. И около древних плавильных производств, в обрывах среди гор можно было найти отвалы шлака, спекшиеся породы — свидетельства стараний неведомых рудокопов и металлургов.

М. Кашкай прекрасно знал историю края, к которому прикипел сердцем. Для чего он многие годы делал выписки из книг, собирал рассказы стариков, систематизировал разнообразные сведения об истории Дашкесана? Не исключено, что намеревался написать нечто литературно-историческое. Впрочем, чуть позже вместе с другими учеными, в том числе химиком И. Селимхановым, он нашел способ проложить путь к тайнам истории с помощью спектрального анализа. Но это уже другая тема, и произошло это позже. А тогда, в пятидесятые, ему нравилось бродить по караванным тропам, по которым когда-то отправлялась в дальние странствования дашкесанская руда.

Самые ранние данные относились к XIII веку. Историк Хамрулла Казвини писал о добыче железа близ Гянджи, высказывал предположение, что из дашкесанской руды выделялась несравненная дамасская сталь. К металлу восточный летописец относился, следуя религиозной догме: «Мы ниспослали также железо, которое и вредно, и полезно для людей». Старинные рукописи уверяли, что по берегам Кошкарчая шли средневековые алхимики, надеясь обратить тусклые камни Дашкесана в золото.

Позднее на дашкесанские месторождения ссылался Мусин-Пушкин, о них писал французский консул в Тифлисе Гамба. Дипломат-француз, предпринявший в 1820–1824 годах путешествие по Кавказу, сообщал: «В тридцати верстах от Елизаветполя (Гянджи) находится гора Дашкесан, которая содержит в себе рудник железа и магнитного железняка». Местные жители, по словам Гамбы, разрабатывали руду в непосредственной близости от своих селений. В 1865 году о дашкесанских железорудных кладах восторженно писал профессор из Дерпта (Тарту), «отец кавказской геологии» Герман Абих. К проблемам Дашкесана был небезразличен Д. И. Менделеев, призывавший безотлагательно приступить к освоению рудных сокровищ. Ученый, со свойственной ему деловитостью, предлагал два варианта на выбор: доставлять для будущих доменных печей Дашкесана кокс из Донецкого бассейна или же изыскать возможность замены кокса

нефтью при выплавке чугуна.

По заданию промышленников из Донбасса братьев Пастуховых геологическую разведку в Дашкесане вел выдающийся ученый Александр Терпигорев. Пастуховы снарядили рабочих в Дашкесан, привезли на свой завод в Сулине десять тысяч пудов руды. Пробная плавка прошла успешно и подтвердила высокие достоинства дашкесанского магнитного железняка^[95].

Долгие споры вокруг Дашкесана шли в послереволюционные годы. Его природные богатства то превозносились, то подвергались сомнению. Принимались постановления о начале широких строительных работ, затем выполнение их приостанавливалось. Только в 1946 году приступили к осуществлению намеченного.

Этим судьбоносным поворотом в своей истории Дашкесан обязан прежде всего М. Кашкаю. Он был неоспоримым авторитетом для геологов, работавших в Дашкесане и занятых разведкой в Заглике, который располагался еще выше, в поднебесье. Он мог часами говорить о сокровищах Муровдагского и Шахдагского хребтов, хребта Хачял. В их тело, рассказывал Кашкай, природа, сверх железа, вложила и алунит — минерал, содержащий квасцы, минерал, преобразуемый в глинозем и алюминий. И это месторождение — третье по величине в мире. В дашкесанских горах есть мрамор и агаты, а на подступах к ним — барит. Чирагидзор, до которого рукой подать, богат серным колчеданом. И большинство этих сокровищ даже не упрятано за семью замками, нередко они зазывающе обнажены.

Документ из архива академика М. Кашкая (переписка с ЦК КП Азербайджана):

«Дашкесан успешно развивается как крупный горнорудный район, где сосредоточены огромные запасы руд железа, комплексного алюминиевого сырья, кобальта, керамического сырья, строительных материалов (мрамора, гранитоидных и габброидных пород, туфа и др.).

Закавказский металлургический завод построен на базе двух северных железорудных участков с запасами руд в 86 млн. тонн. Наши исследования и геологоразведочные работы Управления геологии и охраны недр Совета министров Азербайджанской ССР позволили выявить огромные и радующие перспективы Дашкесанского экономического района. Управление подсчитало дополнительно 272 млн. тонн железной руды, а в ближайшие годы эта цифра почти удвоится. Таким образом, по своим запасам железной руды Дашкесан приобретает большое экономическое

значение и выдвигается как одно из крупных месторождений мира. Эти вполне надежные данные позволяют ставить вопрос о строительстве металлургических предприятий на территории, предпочтительно прилегающей к Кировабадскому алюминиевому заводу или же к Сумгаитскому металлургическому заводу»^[96].

И далее на двух страницах — обоснование экономической целесообразности строительства будущих промышленных объектов в упомянутых центрах. Здесь необходимо пояснить современному читателю, что в описываемый период руда подавалась из Дашкесана в Рустави, «а оттуда металл снова возвращался через Кировабад в Баку — для нужд нефтяной промышленности», подчеркивал в своей записке М. Кашкай.

Азербайджанский ученый, по сути, замахивался на пересмотр существующих критериев, принятых в советской экономике. Согласно им считалось целесообразным и далее проводить специализацию республик — азербайджанское сырье направляется в соседнюю Грузию, а оттуда республика получает готовую продукцию. Сколько таких записок и статей пришлось написать, чтобы преодолеть стереотипы плановой экономики, — один бог знает. А ведь дело было не простое. Там, где М. Кашкай напирал на экономическую целесообразность, иной излишне бдительный бюрократ мог разглядеть и местный национализм. А такое Москва прощала в Армении, Грузии, Украине, Прибалтике, но не в Азербайджане.

Немало воды утекло, прежде чем ТАСС передал на весь огромный Советский Союз: «Сумгаит. Трубопрокатный завод. В этот день завершено строительство второй очереди, а с ней и всего комплексного мартеновского цеха трубопрокатного завода — крупнейшего в Закавказье».

Эстакада, ведущая к цеху, в праздничном убранстве. На транспарантах слова: «Привет строителям мартеновских печей», «Больше стали Родине». Словом, праздник. Но не только металлургов. Поздравить трубопрокатчиков прибыл действительный член Академии наук Азербайджанской ССР М. Кашкай. В его короткой приветственной речи есть и такие слова: «Пущенный в строй почти полтора года назад первенец цветной металлургии Азербайджана — Сумгаитский алюминиевый завод работает пока на бокситовой руде, завозимой с дальнего севера страны. А ведь наша республика обладает крупнейшими запасами алюминиевых руд в Загликском алунитовом месторождении. Необходимо всячески форсировать строительство глиноземного завода в Кировабаде, чтобы алюминиевый завод мог, наконец, перейти на местное сырье»^[97].

Это не случайная мысль. Такова его стратегия, цель которой

подключить к экономике республики все его горнорудные богатства. Об этом — его записки правительству, ЦК партии, об этом он пишет в многочисленных статьях, говорит на научных конференциях.

По большому счету, он мог бы не тратить своего времени на многочисленные предложения-обоснования по разработкам месторождений, открытых при его непосредственном участии. Но, подобно тому как писатель хочет видеть свою рукопись изданной, так и Кашкай хотел, чтобы результатом его экспедиций и исследований были заводы и шахты.

Он торопил не только правительство. Он спешил и торопил время. Опыт подсказывал ему: бюрократию можно заставить работать для людей, формируя общественное мнение. А общественность сильна тогда, когда каждый гражданин болеет за общее дело, за свой народ, за свою страну.

Этой мыслью пронизаны пространные статьи, в которых он ставит вопрос о всестороннем развитии горнорудной промышленности Азербайджана. Он обращает внимание правительства на то обстоятельство, что «пока разрабатываются северные участки Дашкесанского железорудного месторождения. Южные же участки долгое время считались неперспективными, так как разведанные запасы руды здесь были очень малы. Однако работы Института геологии и Азгеологоуправления, ведущих исследования и геологическую разведку в Дашкесане, опровергли ошибочное мнение прежних исследователей. Выявленные запасы железой руды Южно-Дашкесанского месторождения значительно расширяются, причем намечаются перспективы в юго-западном и юго-восточном направлениях»^{98}. Он доказывает, что работами Азгеологоуправления установлена перспективность Мехманинской группы полиметаллических месторождений и заслуживают внимания Гюмишлинское и Агдаринское месторождения свинца в Нахичеванской АССР.

Кашкай напоминает: обнаружены полиметаллические и молибденовые оруденения у курорта Исти-Су, где ведутся геологоразведочные работы. Следует усилить разведку молибденовых месторождений Ордубадского района.

Он убежден, что вклад геологов в это общее государственное дело был бы еще более весомым, если «упорядочить организацию геологической службы, прекратить распыление средств».

В одной из статей он перечислил буквально все организации, которые вели на территории геологические работы, — от московских до украинских.

«В Дашкесанском рудном районе в летние месяцы можно встретить

десятки геологов из различных городов Союза, которые ведут эпизодические исследования. Неорганизованность научной и геологоразведочной службы, несогласованность тематики и объектов разведки приводят к излишнему расходованию сил и средств. Было бы целесообразным в Дашкесане вместо мелких геологоразведочных партий организовать крупную, хорошо оснащенную экспедицию, которая вела бы разведку на высоком научном и техническом уровне»^[99].

В конце концов, спустя годы, правительство Азербайджана доказало, что может обойтись и без геологических экспедиций, направляемых из Москвы, Ленинграда, Харькова и других регионов. Одним из первых, кто призвал союзные организации больше доверять местным кадрам и не устал об этом говорить во всех инстанциях, был Кашкай.

Итог многолетним исследованиям он подвел в фундаментальном труде «Петрология и металлогения Дашкесана и других железорудных месторождений Азербайджана», который и поныне остается важнейшим источником по геологии Малого Кавказа. Объемистая работа (около 900 страниц) вышла в популярном тогда московском издательстве «Недра». Это, пожалуй, первая большая книга М. Кашкая, привлекавшая внимание широкого круга специалистов в СССР и за его пределами. Используя новейшие методы исследования, М. Кашкай изучил и описал ПО минералов Дашкесана. Наличие здесь почти половины их не было до того известно специалистам. Одно это означало большой вклад в минералогию рудного узла.

Кстати, среди новобнаруженных минералов — тусиит. Так пожелал Кашкай назвать его в честь азербайджанского астролога и естествоиспытателя XIII века Мухаммеда Насиреддина Туси. Так что Кашкай ввел в широкий научный оборот имя средневекового великого азербайджанского ученого задолго до того, как оно стало присваиваться университетам, паркам и поселкам...

Автор получил немало отзывов и рецензий на свой труд. Особое место среди них занимала статья академика Дмитрия Ивановича Щербакова. Известный ученый считал себя представителем азербайджанской геологической школы. Именно здесь, в Баку, в первые годы советской власти начиналась его карьера геолога. Статью свою Д. Щербаков написал незадолго до своей кончины, и в бакинской прессе его фамилия вышла в траурной рамке. По оценкам и выводам, к которым пришел известный ученый-петрограф, виден огромный интерес, с которым он изучал монографию М. Кашкая.

«Эту монографию — итог многолетнего труда — характеризует

огромное количество фактического материала, комплексность исследования, разнообразие поставленных и решенных проблем»^{100}.

Вот, например, такая деталь: с помощью радиологических методов был измерен абсолютный возраст пород и связанных с ними руд Дашкесана. Оказалось, что они формировались около 125 миллионов лет назад.

Кашкай решил очень серьезный вопрос, давно занимающий тех, кто изучает геологию Дашкесана. Речь идет о происхождении скарнов. Так называется нерудная часть рудных тел. По этому поводу Д. Щербаков писал: «Автор показал, что скарны возникли не из известняков (карбонатных пород), как считалось до сих пор, а из силикатных пород, имеющих вулканическое происхождение». И далее — о теоретическом значении труда: «Установленное М. Кашкаем сходство в условиях формирования железных руд в береговой полосе древних и современных морей открывает новые направления поисков»^{101}.

На основании изучения большого количества советской и иностранной литературы автор монографии пришел к ряду важных выводов общетеоретического характера относительно изверженных пород и рудообразований. «В частности, исследователь предложил оригинальную классификацию вулканогенных обломочных пород...»^{102}

Любопытно, что в интервью и статьях тех лет М. Кашкай, доказывая необходимость вовлечения в народное хозяйство богатств Дашкесана, раз за разом акцентировал внимание общественности на необходимости бережного отношения к природе.

«Мы, геологи, в двойственном положении. Профессия делает нас близкими к природе, мы ценим, боготворим ее красоту. Бесконечно радуемся, что разведанные месторождения вступают в эксплуатацию, нам это — как награда. Проходит время, видишь, как рудники и заводы калечат природу, — и совесть тебя грызет, и хоть криком кричи! Научится ли человек — и брать у природы, и сполна возвращать ей?»^{103}

И сказал однажды почти в отчаянии, когда увидел на апшеронских пляжах замазученные трупы несчастных моржей: «В двадцатом веке человечество не уставало радоваться выдающимся изобретениям и великим открытиям, мы почти визжали от восторга. Упивались своим всесилием, всесилием над природой. А не получится ли так, что в следующем, двадцать первом столетии, придется человечеству вздыхать и рыдать, чтобы вымолить прощение у Природы за беды, учиненные над нею».

«МНЕ ВСЕГО ПЯТЬДЕСЯТ!»

— Я нахожусь ровно в середине моего жизненного пути. Я проживу сто лет. Ни годом меньше. Понимаю, что успею порядком надоесть вам, но ничего тут не поделаешь. Как бы много я ни трудился, мне не успеть за иные сроки осуществить все мои замыслы, закончить все мои работы.

Так полушутя, полусерьезно в коротком тосте Кашкай высказался о себе, о своем долге перед наукой и Родиной. Родина отметила юбилей ученого, одного из самых именитых академиков, присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР». В связи с 50-летием и за заслуги в развитии геологической науки и в деле подготовки научных кадров, как говорилось в указе Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Много это — 50 лет или мало?

Кашкай: «Смотря для кого. Я, например, говорю — мне всего 50! Иной, смотришь, вздыхает: «Полвека топаю по земле...»

*

Утро в горах наступает быстро, солнца еще не видно, но на горизонте уже появилась малиново-красная полоска, и вскоре поверх облаков выпархивают первые яркие лучики.

Лагерь геологов располагался на дне ущелья, рядом с бесшумным, чистым ручьем. Вдоль него громоздились валуны, и это каменное величие обрамляла вечная зелень гор.

По ущелью продвигаются цепочкой. Друг за другом. Надо добраться до участка, пока солнце не поднялось над вершинами Кельбаджар. Пока не зависнет над головами путников раскаленное марево зноя.

Отряд геологов пробирается по узкому ущелью за Агда-баном. Солнце движется к зениту. Слева и справа — пики гор. А долина — куда ни глянь — расцвечена маками. Всадники выстроились на узкой тропе друг за другом, словно дозор пограничников. Впереди на коне Джебраил Азадалиев, он как бы за проводника, за ним — профессор, далее осторожно ступает навьюченная палатками, провизией, снаряжением геологов «кавалерия» полевой экспедиции. До стоянки еще часа два перехода. Солнце припекает, пора бы и передохнуть. Но профессор слегка припустил

поводья и явно наслаждается легкой рысцой, увлекая за собой конную вереницу.

— А что, профессор, может, устроим скачки? Дорога у нас ровная, долина, что твой «Джидыр-дюзю».

Профессор помнит, конечно, «Джидыр-дюзю» — гладкое, словно зеркало, плато на окраине Шуши. Когда-то он учился здесь верховой езде. Но «Джеба», так он по-товарищески называет своего ученика Джебраила Азадалиева, напоминает о другом — о скачках, которые устроили геологи год назад, где Джеба на своем скакуне был первым.

Профессор вместо ответа легко присвистнул, шлепнув коня по крупу. И вот он уже несется по ущелью, прижав уши, а Кашкай даже не оглядывается на Джебу. Свист и топот конский, тяжелое дыхание животных. И маки, красным узором рассыпанные по зелени предгорья.

Потом, когда наездники отдышались и, спешившись, принялись вбивать колышки очередной стоянки, кто-то выговаривал Азадалиеву: «Нашел время состязаться. Тут горы, а не ипподром...»

А тот: «Плохо ты знаешь профессора. Он сам мне не раз говорил, что коня не подстегнешь, когда надо, — может обидеться, сбросит при случае. Будешь плестись — скорее устанешь. А за профессора беспокоиться не надо. У него тяга к конным состязаниям от природы. Видел, как подкармливает своего Алагеза? Как родное дитя — всегда что-нибудь вкусненькое припасет для него...»

Из воспоминаний Демира Ахмедова, инженера-металлурга из Дашкесана:

«Я был молодым человеком, когда познакомился с академиком М. Кашкаем на Дашкесанском горно-обогатительном комбинате. Дашкесан только-только обустроивался, шахтеры, рабочие, как, впрочем, и мы, инженерно-технический состав, жили, прямо скажу, в тяжелых условиях. Из-за бытовых неудобств, технических неполадок, отсутствия машин и оборудования все время возникали ссоры, особенно среди руководства комбината. С появлением академика мы старались сгладить возникшие неприятности, отводили ему лучшую комнату. Но в этом вопросе профессор был принципиален: «Как все — так и я!»

У нас был гостевой дом, мы его называли правительственным, для очень высокого начальства. И типовая гостиница. Начальство полагало, что по рангу академик должен быть поселен в «правительственном» доме. Кашкай же ни разу не изменил своему принципу: «Как все — так и я». Рабочий народ такое поведение особо ценит. Мы знали, если Кашкай на

комбинате — никаких ссор, лишних разговоров быть не может. Однажды ему стало известно, что я незаслуженно, несправедливо понес наказание за срыв производственного плана. Все знали — срыв произошел не по моей вине. Советовали обжаловать решение администрации в вышестоящих органах, запомнить несправедливость и припомнить кое-кому, когда время придет. Профессор же сказал: «Не такая уж большая беда — выговор объявили. Таких вещей в жизни бывает много. Если каждый раз копить в душе зло — то на одного, то на другого — промучаешься всю жизнь и сколько озлобленных вокруг тебя соберется?! Учись, сынок, делать добро. Делай добро даже тем, кто с тобой несправедливо поступил. И ты почувствуешь, как изменится вкус жизни...»

Крепко запомнились мне эти слова. Может, потому и дожил я до глубокой старости. Передал эти слова детям и внукам. Вроде бы в них ничего мудреного, а смысл их узнаешь с годами — ведь мне старший объяснил, как правильно жизнь свою построить. Если бы каждый человек отвечал на несправедливость добром, тогда бы и зла меньше было на свете. К такому выводу я *пришел на склоне лет...*»

*

В 1955 году всемирно известные люди: Альберт Эйнштейн, Фредерик Жолио-Кюри, Бертран Рассел и другие — обратились к ученым всех стран с призывом поднять свой голос против использования атомной энергии в военных целях.

По большому счету, то, о чем говорили выдающиеся личности XX века, давно являлось предметом озабоченности многих их коллег в Советском Союзе.

Сообщение об атомной атаке, которой американцы подвергли японские города Хиросиму и Нагасаки в самом конце войны, когда разгром Японии был предопределен, в общей атмосфере военных реляций, победных салютов, радужных ожиданий первоначально не вызвало особого беспокойства общественности в Азербайджане. Широкие слои населения, в том числе и интеллигенция, плохо представляли себе масштабы разрушительной силы нового оружия. К тому же информация о ней в Советском Союзе дозировалась.

Но после фултонской речи Черчилля мало у кого оставалось сомнений, что военщина США фактически переходит к политике ядерного шантажа, острие которой направлено против Советского Союза. В обращении своих

великих коллег М. Кашкай увидел как раз то, о чем не раз думал, обсуждал с академиками Мир-Касимовым, Мамедалиевым, Топчибашевым — необходимость обуздать ядерную гонку, избавить человечество от ядерной катастрофы.

Война и мир в его понимании были так же несовместимы, как наука и вера. Официальная идеология требовала от советского ученого атеистической позиции... Кашкай, как и многие, полагал, что всерьез и без предубеждений наукой просто не мог заниматься человек, по-настоящему верующий в Бога. Так и с войной. Он исходил из того, что нельзя, стремясь к сохранению жизни на Земле, дено и ношно молиться идолам войны.

«За пять тысяч лет человеческой истории было 15 513 больших и малых войн, которые унесли жизни 3 миллиардов 640 миллионов человек. Неужели этого мало?» — вопрошал академик.

В его антивоенных выступлениях проводится одна и та же мысль: особую опасность для человечества, наряду с экологической катастрофой, представляет пропаганда ненависти одних народов к другим. Именно ненависть являлась всегда движущим мотивом, идеологией кровопролитных войн, насилия, массовых репрессий. Их разрушительные последствия во сто крат превосходят самые катастрофические землетрясения, ураганы, торнадо, убеждал современников М. Кашкай.

Конечно, борьба за мир являлась делом глубоко политическим, и позиция советского ученого определялась не только его личными духовными, нравственными установками, но и отношением официальных властей прежде всего. В этом плане события, которые разворачивались вокруг призыва Альберта Эйнштейна и других, складывались более чем благоприятно. Вскоре выяснилось, что к движению ученых примкнул известный американский промышленник и общественный деятель Сайрус Итон. По его инициативе в июле 1957 года в канадском городе Пагуоше (*Pigwash*) состоялась первая конференция ученых, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение термоядерной войны и широкое сотрудничество в этом плане ученых всего мира. Итону благоволил Н. Хрущев, встречавшийся с ним во время поездки в США (позже знаменитый американец был удостоен Международной Ленинской премии).

В таких вот условиях оптимистических ожиданий и состоялось собрание научной общественности Азербайджана, заявившей о своем присоединении к движению за мир против ядерной войны. Выступая на этом форуме, М. Кашкай говорил о том, что ученые несут особую ответственность за судьбы человечества и им не должно быть безразлично,

в каких целях используются их идеи и открытия.

Участники собрания почтили память невинных жертв атомных бомбардировок японских городов, заявив, что люди науки сделают всё, чтобы подобная катастрофа не повторилась.

Так его судьбу пересекла новая политическая линия, благодаря которой он почувствовал себя частицей великого содружества ученых. Он был глубоко убежден, что ученые, объединив свои усилия, смогут обуздать безумие военщины. Мир уже раскололся на два враждебных лагеря. Но это было время, когда ученые пользовались особым авторитетом и уважением народов. Имена Альберта Эйнштейна, Жолио-Кюри произносились с благоговением и надеждой. Пагуош продемонстрировал людям простую мысль — политики могут ссориться и мириться, государства могут сколько угодно воевать (в разгаре была корейская война американцев, французы воевали во Вьетнаме, а затем оставили его тем же американцам), но никакие государственные границы, никакие войны не смогут разделить братство ученых, задавшихся целью отвести угрозу ядерной катастрофы, нависшей над человечеством.

Это было какое-то романтическое ощущение собственной силы, веры в то, что разум в состоянии победить любое зло.

Кашкай активно подключался к многочисленным антивоенным акциям в Баку, Москве, за рубежом. Поводов для протеста хватало: то переворот в Конго, и мир требует освобождения Патриса Лумумбы, то тройственная англо-франко-израильская агрессия против Египта, в огне пылают Вьетнам, Камбоджа.

«Уважаемый коллега, я занимаюсь исследованием создания и деятельности Пагуошской конференции, ее влияния на мировые процессы. В связи с этим я просил Вас ответить на ряд вопросов, касающихся политической эффективности данного движения. Профессор Дж. Пентц»^{104}.

Это письмо с вопросами поступило к М. Кашкаю к концу жизни. Вот его раздумья о мирном движении, которому он отдал немало времени и сил.

«Мировая война закончилась в 1945-м, но мир так и не избавился от войны, — пишет М. Кашкай, когда начиналась американская авантюра во Вьетнаме. — Теперь человечеству внушают чудовищную мысль о неизбежности новой войны, термоядерной катастрофы. Человечество хотят приучить к этой мысли. Нет ничего более опасного и более лживого на свете, чем теория о неизбежности атомного Армагеддона. Пагуош развенчал эту теорию, показав политикам и государствам, что щит для безопасности народов найден. Это — воля самих народов. Если

каждый на Земле определит свое отношение к проблемам мира и войны, как это сделали участники Пагуошского движения, дело мира победит раз и навсегда»^{105}.

Разумеется, эти строки сейчас могут показаться даже наивными. Однако реальное разоружение и международная безопасность, Хельсинки, когда человечество впервые вздохнуло свободно, стали возможны не в последнюю очередь благодаря позиции Пагуоша.

Со временем Пагуош как бы расширил зону мирного наступления ученых. Кашкай, как и многие другие участники движения, ставил целью вскрыть истинные цели военных экспансий.

Первая встреча с пагуошцами у М. Кашкая состоялась осенью 1967 года в Швеции. Он выступил здесь с докладами «О хищнической эксплуатации недр» и «Об Арабском Востоке и его природных богатствах». Многие положения этих выступлений и сейчас звучат актуально. Например, уже тогда азербайджанский ученый указывал на стремление Запада прибрать к рукам мировые энергетические ресурсы. Другое дело, что тогда такого рода утверждения многим казались типично советскими преувеличениями...

Как-то академик Белянкин, его друг, прислал ему письмо с фотографией Нильса Бора: «Посмотри-ка, Мир-Али, до чего ж вы похожи!» К письму Дмитрий Степанович приложил адрес датского физика. Так завязалась переписка между азербайджанским геологом Мир-Али Сеид-Али оглы Кашкаем и Нильсом Хенриком Давид Бором.

Мост Баку — Копенгаген, установленный двумя выдающимися учеными, действовал в течение ряда лет. Шел оживленный обмен мнениями о месте ученых в новом, идеологически разобщенном мире, о необходимости установления взаимопонимания между Востоком и Западом, о мерах по предотвращению ядерной угрозы.

В Баку появился посланец Бора — известный шведский геолог Каутский. Он-то и доставил М. Кашкаю послание из Копенгагена, в котором Н. Бор предлагал встретиться, дабы сделать знакомство очным, а дискуссию — практической. Как и заведено было, письмо пошло гулять по инстанциям и застряло где-то на верхних этажах бдительной власти. А вскоре необходимость принимать решения по мирной инициативе Кашкая отпала — в 1962 году его великий друг и единомышленник Нильс Бор скончался...

Хотя никто и не сворачивал «железный занавес», Советский Союз во многих отношениях становился открытым государством. Благодаря этой открытости исполнилась давняя мечта М. Кашкая — попасть на регулярно проводимый Международный геологический конгресс. Так называется международное научное объединение геологов, задачей которого является содействие теоретическим и практическим исследованиям в области наук о Земле и обмену научной информацией. Организовано оно было давно, еще в 1875 году. По уставу сессии Конгресса должны собираться раз в три-четыре года, перемещаясь по земному шару из одной страны в другую.

В тот счастливый для нашего героя 1956 год он собрался на сессию в далеком и малознакомом Мехико. Каждая сессия Конгресса посвящается какой-либо определенной научной тематике. Важнейшей частью ее являются экскурсии, знакомящие участников с особенностями геологического строения принимающей страны. Этому традиционному слету ученых всего мира геологи придают особое значение. Благодаря ему удается держать под контролем освоение земных недр, учет запасов важнейших полезных ископаемых, быть в курсе новых открытий геологической науки.

На Конгресс съезжается, можно сказать, геологическая элита планеты. И принять участие в его работе — мечта каждого ученого-геолога. Благодаря деятельности Конгресса стали возможными составление международных геологических и тектонических карт в единых условных обозначениях, унификация научной терминологии.

В Мехико прибыли тогдашний президент Академии наук Азербайджана М. Алиев, академик М. Кашкай и член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР Ш. Мехтиев.

Американскую и канадскую науку представляли тогдашние светила — Грейтон, Бэтман, Джонсон, Сэмпсон, Бейли и др.

Делегаты XX конгресса собрались в национальной аудитории Мехико, вмещающей несколько тысяч человек.

Для Кашкая, как, впрочем, и для многих членов советской делегации, это был первый выезд за рубеж. Многие из них впервые оказались по ту сторону «железного занавеса». Кашкай фиксирует все значимые события на конгрессе, старается увидеть в подробностях жизнь, как тогда писала советская пресса, «капиталистического рая». Его отчет о конгрессе предельно деловит, он как бы приглашает своих коллег приобщиться к достижениям международного сообщества геологов. На конгрессе он выступил с сообщением «О геологической связи колчеданных и полиметаллических месторождений с кислыми породами».

На организованной к конгрессу выставке демонстрировались труды советских ученых, в том числе и геологов Азербайджана. Вся советская научная литература и геологические карты, представленные здесь, были переданы Институту геологии Мексики. На встрече с геологами США азербайджанский ученый завел разговор о возможности обмена научной литературой, взаимного реферирования работ, установления личных контактов.

Каким-то странным образом этот факт — участие азербайджанских ученых на XX Международном геологическом конгрессе — выпал из памяти современников. Между тем речь шла об экстраординарном событии в истории азербайджанской науки. Для сравнения стоит сказать о том, что великий Вернадский, чья биография насыщена выдающимися событиями, а творчество — гениальными трудами и прозрениями, особо гордился своим участием в первых конгрессах геологов мира. Можно смело сказать, что до того, как «Кюрд овшары» Фикрета Амирова был принят в США и открыл для западной музыкальной культуры азербайджанскую музыкальную школу, азербайджанские ученые — Кашкай, Алиев и Мехтиев — открыли для Запада нашу отечественную геологию.

Упомянутое выше научное сообщение Кашкая представляет тезисы отдельного исследования. Оно — капля по сравнению с его другими фундаментальными трудами. Но это первая теоретическая работа, представившая азербайджанскую науку на столь высоком международном уровне. Так международное сообщество геологов приняло в свои ряды выдающегося представителя азербайджанской науки — академика М. Кашкая. Точно так же в те первые годы оттепели в США замороженно слушали музыку Фикрета Амирова. Конечно, о триумфе симфонического мугама «Кюрд овшары» позже были написаны тома восторженных рецензий и отзывов. О научном сообщении Кашкая на XX конгрессе остался след лишь в газетных вырезках той минувшей эпохи да в трудах конгресса и ученых записках АН Азербайджана.

Что тут поделаешь — геология не может соперничать по популярности с музыкой. Она понятна и представляет интерес только для узкой прослойки людей — специалистов-ученых. Музыка и поэзия являются частью духовной жизни человечества, хотя по-настоящему они понятны также избранным.

Я счел нужным стереть архивную пыль с этого забытого биографического события, поскольку, с тех пор как проводятся международные геологические конгрессы, участие в них всегда считалось не то чтобы делом чести или престижа, а рассматривалось геологами как

личное научное достижение. Так полагал и академик Кашкай. Он достойно вошел в сообщество геологов мира, и с этого часа начинается его научный триумф.

Он уверенно шагает навстречу своему признанию. Позже он выступит с докладами на международных геологических конгрессах в Дании, Норвегии, Швеции, Индии, Чехословакии. Азербайджанский ученый станет неизменным участником всех авторитетных научных симпозиумов, посвященных проблемам геологии. В Дании ученые мира с живейшим интересом воспримут сенсационное сообщение азербайджанского ученого о метеорите, упавшем на территорию Азербайджана (об этом подробнее — далее). В Индии он ознакомит геологов из 87 стран мира со своими выводами о закономерностях распределения в земной коре кварцево-карбонатных пород, среди которых часто находятся никель, золото, ртуть и другие металлы. Он с величайшим удовлетворением презентовал участникам конгресса в Мексике «Очерки по геологии Азербайджана», издание которого было приурочено к этому событию.

Каждый конгресс был по-своему интересен, но тот выезд на Запад, в Мехико, останется в его памяти как точка отсчета новой жизни. Жизни, когда мир по-новому открыл для себя Советский Союз, а советские люди — другую часть планеты.

Это неправда, что свобода творчества, в том числе научного, как и широкое международное сотрудничество интеллектуалов, началась с перестройки. Уже тогда, в 1956-м, Кашкай был крайне удивлен жалобами американских ученых на то, что незнание языка мешает им ознакомиться с советской литературой, а переводы, мол, не организованы. Уже тогда советские геологи пользовались литературой Института научной информации, который, кстати, выпускал рефераты научных работ по всем направлениям. Позже обмен научной информацией приобрел такой размах, какой не снился нынешним национальным академиям постсоветского пространства, в том числе и российской.

Но вернемся к наблюдениям Кашкай, которые он счел нужным довести до широкого читателя: «Участники конгресса предложили осмотреть нефтеперегонный завод Саламанка. Нас изумила высокая техническая оснащенность завода и чистота на предприятии. Из труб завода дым почти не выходит: все газы улавливаются и перерабатываются. Интересно, что бензин и другие нефтепродукты стоят в Мексике почти вдвое дешевле, чем в США. Пользуясь этим, американцы скупают мексиканские нефтепродукты и продают их затем дороже под видом продукции своего производства»^{[11061](#)}.

В те годы в Академии зародилась новая традиция. После зарубежной поездки ученый выступал с отчетом на президиуме, затем перед коллегами в своем институте. Кашкай на эту часть своей работы, связанной с выездом за рубеж (а это в те времена являлось событием), смотрел несколько шире. Он считал обязательным поделиться своими впечатлениями в лекториях общества «Знание», а затем рассказать о стране пребывания в печати, на радио и телевидении. В этом не было ни грамма саморекламы. Просто в нем говорила другая черта характера — склонность к распространению знаний. Сегодня, в век Интернета, спутниковой связи, эта привычка ученого кажется странной. Но 50 лет назад, и я это хорошо помню, послушать Кашкай, да и других, кто возвращался из дальних странствий, собирались у экранов телевизоров, приемников, в клубах. Газеты с подробными рассказами о жизни в Мексике, США, Англии и многих других странах расхватывались, как детектив с продолжением.

*

По природе своей Кашкай был путешественником. Стоит подчеркнуть — не туристом, а именно путешественником. Хорошо известно, что многие представители научной интеллигенции с удовольствием выезжали за границу и плохо знали свою республику. Кашкай верхом на лошади объездил Кельбаджары, Карабах, изучил до мелочей Нахичевань, не говоря уже о Гяндже, Дашкесане, всей западной области и севере Азербайджана. С молотком в руках бродил он по горным тропам Дашкесана, Загатал. Казалось бы, нефть не его профиль, а на Апшероне не было такого уголка, где бы он не побывал.

О сибирских, уральских и донбасских экспедициях мы уже говорили. Ему было уже далеко за пятьдесят, когда поступило приглашение принять участие во Всесоюзном совещании вулканологов (к этому времени маститый петрограф и минеролог всерьез занялся проблемами вулканов, исходя из того, что они являются важнейшими поставщиками информации о тайнах Земли). Все бы ничего, да вулканологи решили собраться в Северо-Курильске. Петропавловск-на-Камчатке был выбран местом проведения совещания в связи с тем, что советские ученые поставили перед собой цель посетить район действующего вулкана Эбеко.

Узнав об этом, Кашкай немедленно вылетел на Курилы. Мало кто из азербайджанских геологов добирался до этого края. Кашкай провел здесь несколько недель поздней осенью. Вместе со своими коллегами из Москвы

и Ленинграда, под свирепым камчатским ветром он пробирался к подножию сопки, собирал куски лавы.

Это был тот случай, когда непреодолимое любопытство истинного ученого, перед которым меркнут все остальные соображения, толкает его иной раз на шаги, безрассудство которых становится ясным с течением времени.

М. Кашкай: «Геолог всегда имеет дело с некоей тайной — маленькой или большой. Если, отправляясь в экспедицию, он не испытывает желания добраться до какой-то тайны — лучше распрощаться со своей профессией. Собственно, в этом суть романтики, которой окружена профессия геолога. Мне всегда казалось, что если тайна, которая таилась в Кельбаджарах ли, Дашкесане ли — везде, где я бывал, так и останется неразгаданной, то это мое упущение, упущение геолога».

«Действующий вулкан Эбеко — это как бы отражение тех грандиозных процессов, которые происходят внутри Земли и о которых мы не знаем, а только догадываемся», — рассказывал он сразу после возвращения из этой поездки. Изучение «информации», поставляемой действующим вулканом, поможет уточнить наши представления об образовании рудных месторождений, узнать их природу и на основе собранного материала вести поиски полезных ископаемых в других районах СССР.

После Эбеко ему пришлось надолго перебраться на юг республики в Ярдымлинский район, который сразу стал знаменит — сюда с грохотом рухнул метеорит. Это произошло 24 ноября 1959 года. В Академии наук срочно снарядили экспедицию для изучения космического «посланца». Экспедиция Кашкай нашла пять осколков, из которых самый крупный весил 127 килограммов, а наименьший — 360 граммов. Он с величайшими предосторожностями доставил уникальные осколки в Баку и приступил к исследованиям.

Газеты то и дело взрывались сенсациями.

«Это третий по счету метеорит, найденный на Кавказе. Причем все они выпали на территории Азербайджана. Первый из них относится к 1891 году. Он был найден на территории нынешнего Агджабединского района. Метеорит весом 27 килограммов хранится в Чикагском университете (США), а осколок весом 118 граммов — в музее Ленинградского горного института. Второй метеорит, упавший в 1906 году в Казахском районе, весит 3,7 килограмма и находится в Метеоритном музее Академии наук СССР»^{[107](#)}.

«Ярдымлинский метеорит вызвал огромный интерес в научном мире,

— сообщает журналистам Кашкай. — Дело в том, что этот космический «пришелец» сейчас является самым «молодым» среди имеющихся в распоряжении ученых и представляет большую ценность в смысле выявления некоторых малоустойчивых элементов, как, например, аргон-37»^{108}.

Запросы о метеорите и просьбы выслать его фрагменты для анализа и пополнения коллекций шли со всех концов СССР и из-за рубежа. Кашкай почти весь год направлял по разным адресам результаты проведенных анализов, описание и другие данные о метеорите, слал в наиболее крупные центры его кусочки.

Из сообщений о Ярдымлинском метеорите складывается впечатление, что его раскрошили на частички и отправили ученым в Институт ядерных исследований Чикагского университета, Калифорнийский университет, Бруккенхафскую национальную лабораторию США, Британский музей естественной истории в Лондоне, Институт ядерной физики Швейцарии и другие научные учреждения.

На самом деле Кашкай «поделился» с коллегами только фрагментами осколков. Самый крупный из них — 127-кило-граммовый — он передал в музей Института геологии, выставив его в центре одного из залов^{109}. А свое окончательное пристанище после некоторых злоключений, о коих будет сказано далее, он нашел в Музее истории Азербайджана, где находится и поныне.

Это достояние республики.

«ПОЧЕМУ БЫ ВАМ, ПРОФЕССОР, НЕ ОСТАТЬСЯ В США?»

Подробные рассказы об экспедициях Кашкая, его участии в международных конференциях, встречах геологов, воспоминаниях о путешествии по Цейлону, Египту, Турции и многим другим странам могли бы, пожалуй, составить довольно занимательную книгу путешествий. В его впечатлениях о пребывании в Англии обращает на себя внимание фраза: «Над Великобританией мне довелось пролетать и раньше...»

И это он пишет весной 1958 года.

Именно после этой поездки в Баку пришло сообщение, которое наполнило гордостью сердца даже тех, кто был далек от геологии: «Академик Мир-Али Кашкай избран действительным членом Британского минералогического общества».

К этому времени он являлся уже членом ряда советских научных обществ, председателем геологического и географического общества Азербайджана. В те годы немногие, пожалуй, лишь самые выдающиеся представители советской науки, удостоивались такого признания. Кашкай стал первым азербайджанским ученым, избранным в состав одного из старейших научных обществ Западной Европы.

С этого знаменательного момента он становится участником многих международных конференций, избирается членом различных научных организаций. Его имя мелькает в прессе то в связи с работой Конгресса Международной минералогической ассоциации в Швейцарии (1959 год), то в связи с симпозиумами в Норвегии, Швеции. Первым из азербайджанских геологов он становится почетным членом Всесоюзного минералогического общества. В это же время под его руководством готовились многочисленные выпуски тома № 42 «Геологической изученности СССР», посвященные истории геологических исследований в Азербайджане.

14 ноября 1960 года республиканские газеты облетела очередная сенсация, связанная с именем Кашкая. Сообщалось, что в Академию наук Азербайджана поступила телеграмма об избрании академика М. Кашкая членом Американского минералогического общества. «Это вторая зарубежная научная организация, избравшая своим членом азербайджанского ученого-геолога, — восторженно писали газеты, сопровождая новость информацией о его последних достижениях, привлечших внимание его американских коллег. — Интерес в научных

кругах вызвали два новых минерала, открытые ученым с сотрудниками в горах Малого Кавказа. Первый из них назван истисуитом (по имени минеральных источников Исти-Су, в районе которых он найден), и это название уже вошло в международную минералогическую терминологию. Второй обнаружен в районе Дашкесана и назван тусиитом (по имени знаменитого средневекового ученого Насиреддина Туси). Сообщение о нем только что опубликовано в научной печати»^{110}.

Позже сообщения об избрании академика М. Кашкая действительным членом Минералогического общества Ирландии и Общества геологии и полезных ископаемых Японии общественность встретила как нечто само собой разумеющееся, как очередное признание несомненных заслуг азербайджанского ученого.

После Мехико работами Кашкая, его исследованиями заинтересовались во многих научных центрах. В том числе и в Королевском обществе Великобритании, пригласившего его на 150-летие британского минералогического общества. Вместе с другими членами советской делегации М. Кашкай выступил с докладом на научной сессии, посвященной юбилею, где был представлен знаменитому английскому философу Джону Берналу. Кашкай напомнил, что имел честь слушать великого философа не так давно в Москве во время дискуссии по поводу его известной книги «История философии естествознания». Он с волнением совершил экскурсию по Кембриджскому университету, где когда-то читали лекции И. Ньютон, Ч. Дарвин. В Оксфорде попросил показать ему здание, где помещалась лаборатория выдающегося советского ученого академика Капицы в годы его работы в Англии^{111}.

Уже перед вылетом из Лондона пришла телеграмма из Чехословакии с приглашением прочесть лекции в пражском университете. Для Кашкая это приглашение представляло исключительный интерес, поскольку появлялась возможность побывать в знаменитых Карловых Варах, чтобы произвести на месте сравнительный анализ горячих минеральных вод, чехословацких и Исти-Су.

«Нашим бы источникам в Кельбаджарах, Шуше и Ленкорани чехословацкий комфорт и европейскую организацию», — говорил он по возвращении из Праги, убеждая начальство направить врачей, специалистов других профилей в соседнюю социалистическую страну для изучения опыта по созданию бальнеологических учреждений и курортных зон.

Широкую международную известность, пришедшую к нашему герою на стыке пятидесятых — шестидесятых годов, следует рассматривать в контексте того огромного интереса, который стал проявлять Запад к советской науке. Разумеется, это стало возможным в результате оттепели, брешей, которые образовались в «железном занавесе» вследствие инициатив тогдашнего советского политического руководства. И все же главным стимулятором этого интереса явился космический прорыв Советского Союза. Первый спутник, запущенный с космодрома Байконур, шокировал западных политиков, но вызвал интерес ученых и нескрываемый восторг простых людей. Об этом рассказывает Кашкай после возвращения из своих многочисленных заграничных командировок. Разговор о советских спутниках заходит не только в кулуарах научных центров, на научных конференциях. «Сколько раз к нам подходили журналисты, работники отеля, обычные люди, узнав, что мы из СССР, и восторженно восклицали: «Спутник — это хорошо!»

Свои рассказы, связанные с «космическим» сюжетом, М. Кашкай обычно завершал следующим соображением: «Юрий Гагарин для миллионов людей на планете предстал простым и обаятельным человеком. Не будет преувеличением сказать, что его улыбающееся лицо стало символом космической эпохи, символом единства цивилизованного человечества. А гагаринский полет — своеобразная точка отсчета. В этот день советская наука продемонстрировала уровень своего развития, уровень технического и технологического прогресса. Этим можно гордиться!»

Так что было и это — удивление, восхищение Советским Союзом, уважение к нему. Хотя, конечно, происходившие процессы только приоткрыли для стороннего взгляда советскую жизнь. И отнюдь не сделали советское общество достаточно открытым.

С тяжелым сердцем вернулся Кашкай в августе 1968 года из Чехословакии, где должен был состояться очередной Международный геологический конгресс, работа которого оказалась прерванной из-за печально знаменитого советского вторжения. Участники конгресса вместо обсуждения своих проблем заявили о своем единодушном протесте против, как было сказано, советской оккупации. Советские геологи покинули зал. Кашкай прошелся по Праге: город, который он помнил цветущим, открытым людям, на сей раз стал неузнаваем — печать траура и уныния

была на всем: на лицах редких прохожих, разбитых витринах, вывороченных мостовых...

Это ощущение — потери дорогого друга — так и осталось у него в душе.

«Жаль было всех — и наших солдат, и простых чехов. Чехи стали жертвами военной оккупации, мы — непродуманной политики. А все вместе — жертвами глобального противостояния — «холодной» войны»...

Она — эта самая долгая, самая незаметная и, возможно, самая изнурительная война — еще долго напоминала о себе.

Об этом напоминает и ворох документов, которые приходится собирать ученому, даже такому именитому, как Кашкай, перед каждым выездом за рубеж.

Документ из архива академика М. Кашкая (переписка с ЦК КП Азербайджана):

«Первому секретарю ЦК КП Азербайджана тов. Ахундову В. Ю. Будучи избранным действительным членом Британского и Ирландского минералогического общества (1959 г.) и Американского минералогического общества (1960 г.), я получаю литературу, а также приглашения для участия в научных сессиях этих обществ, где могу выступить с научным докладом.

Президиум Академии наук СССР 10 марта 1962 года вынес решение о командировании меня в США для чтения лекций в университетах Нью-Йорка, Вашингтона и Калифорнии. Четыре темы моих лекций предварительно были утверждены в США и в СССР.

Прошу Вашего содействия воспользоваться имеющимися приглашениями для поездки в Англию, а также в США.

В свое время иностранный отдел Академии наук СССР мне сообщил, что не будет возражать, если поступит ходатайство республиканских организаций. М. Кашкай»^{[\[112\]](#)}.

Такая вот записка... Пусть читатель сам поразмышляет над тем, как непросто было академику добиваться ходатайства для выезда за рубеж в связи с уже полученным приглашением от своих коллег. Какая переписка предшествовала обычной турпоездке — трудно даже вообразить. Когда же речь шла о загранкомандировке, да еще и в США, приходилось набираться терпения. К слову, выясняется, что американское приглашение в Академию на имя Кашкая поступило еще в 1962 году. Бюрократическая машина выдала упомянутый выше документ в конце марта 1969 года (!). И только после этого Кашкай ступил на трап самолета, который доставил его в

США.

*

Воспоминания академика об этой самой плодотворной, с точки зрения научной информации, исследовательской командировке деловиты и лаконичны. Он словно бы проникся американским прагматизмом, хотя надо признать, в беседах с коллегами и в узком домашнем кругу он подробно делился своими впечатлениями о богатой панораме американской жизни.

В те годы многие представители советской интеллигенции, особенно из числа литераторов, артистов, музыкантов, оказавшись в США, впадали в шокое состояние и долго не могли прийти в себя. Кто шепотом, кто громогласно восхищался страной изобилия, которая как бы жила совершенно в ином социальном измерении. Это был другой мир, оглушавший советского человека своим вызывающим богатством и индустриальной мощью.

«Они сумели воспользоваться научным технологическим прогрессом. Ушли вперед. Надо не только восхищаться и завидовать, но и учиться у американцев, перенимать все ценное, полезное».

Кашкай считал, что будущее социализма во многом будет зависеть от того, удастся ли ему уйти от конфронтации с Западом или, как тогда говорили, с капиталистическим миром: «Это слишком дорого обходится — гонка вооружений, нежелание признать несомненную жизнеспособность западного мира. Надо со скакуна конфронтации пересест на поезд сотрудничества. От этого выиграем и мы, и американцам будет чему научиться, и мировое сообщество в целом получит более точные и перспективные ориентиры развития».

В каких-то своих компонентах эти рассуждения некоторое время совпадали с проводимым официальным курсом. Ими проникнут его официальный отчет перед Президиумом Академии наук, многочисленные выступления в СМИ. Он стремится донести до своих слушателей все рациональное в устройстве и организации научного процесса в США, дать как можно больше информации о научной жизни, показать масштабы американского развития, сравнив их с тем, что удалось сделать Азербайджану. «Основной задачей Академии наук США, — сообщает Кашкай, — является общее планирование исследований и их научной базы»^{113}.

Кашкай начал знакомство с научными центрами США в Вашингтоне.

Затем побывал в Филадельфии, Чикаго, в штатах Колорадо, Юта, Калифорния, где посетил известные ин-ституты Беркли, в Сан-Франциско, в Стенфордском университете, в университете Лос-Анджелеса, побывал в крупнейшем университете в штате Нью-Йорк, а также в Колумбийском университете. Лекции и доклады азербайджанского ученого вызвали большой интерес американских коллег и студентов.

«Мне была предложена очень интересная программа, предоставившая возможность проехать по стране, встретиться со многими учеными, среди них были и мои знакомые, с которыми мне и прежде приходилось встречаться на различных конгрессах и симпозиумах».

Были и заочные знакомства — по публикациям в научных изданиях.

«С геологией и полезными ископаемыми Азербайджана некоторые из американских геологов знакомы были по работам наших ученых».

Американские коллеги показали азербайджанскому ученому ряд крупных месторождений меди, молибдена и ртути в Калифорнии, алунитов в штате Юта, перлитов, гейзеров с температурой более 200 градусов. Они как бы давали понять Кашкаю, что хорошо представляют себе круг его научных интересов.

Отчет отчетом. Но сохранились сведения, которыми М. Кашкай мог делиться только с близкими ему людьми. Он был потрясен увиденным в США. Не богатством, не мощью, не блеском. Он увидел то, чего не хотел замечать или упорно, поразительно долго игнорировал официальный Советский Союз, — резкий скачок научно-технической революции, которую Америка поставила себе на службу и сделала это так, как ни одна другая страна в мире. Некоторые штрихи, отголоски этого восхищения можно без труда уловить и в отчетах М. Кашкая. Его американские коллеги не могли не заметить удивления, переходящего в нескрываемый восторг от увиденного в великолепно оснащенных лабораториях и первоклассного оборудования промышленных производств. По сравнению с их технологиями советские пробирки и мензурки вызывают уныние, говорил он позже своим ученикам и близким.

И тут, пожалуй, есть смысл привести рассказ М. Кашкая, который не мог войти ни в отчет, ни в его поздние воспоминания, — азербайджанскому ученому было сделано заманчивое предложение остаться в США. Об этом он много лет позже поведал дочери Хабибе-ханум. Вот ее рассказ:

«Вы вполне могли бы воспользоваться достижениями научно-технического прогресса в США, до которого вашей стране еще далеко», — не раз шутили сопровождавшие азербайджанского ученого американцы.

Чаще других этой теме касался профессор В. Ридев из Института океанографии Калифорнийского университета. К концу пребывания эти шутки и намеки приобрели как-то незаметно форму конкретного предложения: остаться, возглавить один из центров, занимающихся разработкой проблемы алунитов. Ведь академик Кашкай, как никто другой в мире, продвинулся в данной области!

Много позже, не без боли вспоминая эти разговоры в штате Юта, он заключал: «Можно было бы, конечно, принять предложения и остаться. Науке была бы большая польза. То, чего годами приходится пробивать в Баку, там, в США, я бы добился в считанные недели. Да что я без Азербайджана... И не было бы это предательством вас, тогда еще несмышленишей», — говорил он, обращаясь к нам, возможно, чувствуя, что мы не до конца разделяли доводы отца».

Но вернемся к тем, американским, дням в жизни Кашкая.

При официальных беседах с американскими учеными и сотрудниками лабораторий университетов, управлений рудников и геологии США выяснилось, что ученые и практические геологи наших стран в своих поисках движутся примерно в одном направлении. Их удивил довольно высокий уровень исследований в СССР.

В частности, американцы проявили большой интерес к сообщениям Кашкая по исследованию и использованию алунитов. В то время Кировабадский завод по переработке алунитов (ныне Гянджинский) являлся первым в мире производством, созданным на базе алунитового месторождения. Аналогичные месторождения Мэрисвейл в штате Юта не разрабатывались.

Констатируя это несомненное национальное достижение, Кашкай тут же сообщает о том, как далеко ушли в США в разработке перлита, где «построено более 150 заводов по производству вспученного перлита. В СССР только приступили к постройке аналогичных предприятий». Тут Кашкай счел нужным упрекнуть в нерасторопности советские планирующие органы: «Специфика перлитов такова, что их следует возить до места потребления, где строятся заводы; в США перлиты перевозятся на расстояния более 3000 км». Каждому было понятно, что Кельбаджарский район, где академик нашел месторождение перлита, отделяют от крупнейших индустриальных центров — Баку, Кировабада, Мингечаура, Сумгаита — пара сотен километров...

Вслед за этим замечанием следует другое: в Калифорнии, вблизи от разрабатываемых месторождений ртути, на базе дарового глубинного пара

построены электростанция и заводы по переработке руды и ртути, что экономически весьма рентабельно. Аналогичные геологические условия и возможности переработки руды и ртути имеются в Кельбаджарском районе; при этом также можно использовать подземное тепло горячих минеральных источников курортного района Исти-Су.

Эта была не последняя научная командировка академика Кашкая. Ему еще предстояло выступить на международных геологических конгрессах, побывать во многих центрах мировой науки. Лекции, прочитанные в университетах США, принесли ему широкую международную известность.

В кашкаевском архиве переписка с американскими учеными занимает значительное место. Из Нью-Йорка ему писали Петер Ипма (Колумбийский университет), директор института перлитов Ф. М. Кода (Филадельфия), Г. Фауль. Их письма, часто просто поздравительные открытки, научные публикации как бы иллюстрируют перемены в советской жизни.

Наступила пора больших надежд, исканий и свершений.

Из воспоминаний академика Мутата Аббасова:

«Выбор тогда пал на Кашкая не случайно. К этому времени он уже входил в когорту выдающихся советских ученых-геологов. Его труды получили широкую известность. Он находился в зените признания и славы».

*

Птица счастья взмыла высоко вверх.

В 1967 году общественность республики отметила 60-летие академика Кашкая. Состоялись, как и принято было в ту пору, официальные мероприятия с участием представителей партийного руководства, с полным набором предусмотренных для такого случая знаков правительственного внимания: официальных поздравлений, наград. Ему посвящались киноленты, стихи, восторженные публикации современников.

Первый, самый большой и дорогой сердцу ученого подарок сделали его московские друзья и коллеги, подготовив к печати монографию М. Кашкая «Петрология и металлогения Дашкесана и других железорудных месторождений Азербайджана».

Сулейман Рагимов, самый плодовитый и, может быть, самый читаемый в ту пору романист, напомнив ему о путешествии из Агдабана в

Кельбаджары в далекие 30-е годы, писал: «Тогда я засел за роман «В горах Агдабана», и с того дня меня не покидала мысль создать литературный портрет ученого Кашкая. Может, самому ученому это и не было нужно — он и без того знаменит. Но я относился к своему замыслу как к моральному долгу перед ним, перед моими читателями, перед нашей страной. Для меня он является человеком, вдохнувшим жизнь в наши кельбаджарские горы. И таковым останется он в памяти тысяч людей навсегда»^{114}.

Поэма «Горы, мои горы...» Шамиля Аскерова у всех на устах. Многие строки ее стали песнями, которыми ашуги будут встречать и провожать Кашкая, где бы в Азербайджане он ни появлялся. В потоке правительственных телеграмм, красочных открыток вдруг мелькнула одна, неприметная: «Сотрудники лаборатории геотермии и гидрогеохимии глубоких зон Геологического института АН СССР поздравляют...» Вот так сюрприз! Ленинград, тот самый маленький коллектив, который когда-то вместе с ним, молодым аспирантом, обрабатывал породы, привезенные из Сибири. Помнят, значит... А ведь несколько поколений лаборантов сменилось...

В Баку шли телеграммы из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Алма-Аты, Новосибирска, словом, со всех концов Советского Союза. Велика география, и поздравления от земляков — со всего Азербайджана. В огромной папке аккуратно сложены телеграммы: правительственные, от ученых, трудовых коллективов, геологических экспедиций. Поразительно — многие коллеги, особенно из его учеников, предпочитают выразить свои чувства в стихах. Собранные вместе они составили бы приличный сборник...

«Поздравляю Вас с юбилеем республики! Ваш вклад в ее славу велик, и я приветствую Вас как выдающегося сына Азербайджана!»

Это — академик Г. Поспелов из Новосибирска. Одно из многих писем со всех концов СССР.

В юбилейных публикациях как бы подводятся итоги большой научной работы, даются оценки вклада выдающегося азербайджанского геолога в современную науку.

Р. Исмаилов, тогдашний президент Академии наук, пишет: «Сильная сторона творчества Мир-Али Кашкая — создание оригинальных теоретических построений, которые затем подтверждались практикой. Важным критерием для научного обоснования поисков, разведки и разработки полезных ископаемых является выяснение их связи с горными породами. Ученому принадлежит теория, гласящая, что колчеданы должны находиться преимущественно среди изверженных пород — кварцевых

порфи́ров, а желе́зные, кобальто́вые и алуни́товые руды — в измененных туфовых породах, которые выбрасывались вулканами Дашкесана примерно 125 миллионов лет назад»^{115}.

Немало, оказывается, он успел сделать за прошедшие четыре десятилетия. Газеты перечисляют: он разработал принципы районирования территории республики по геохимическим, гидрохимическим и другим признакам, по химическому составу природных газов и тепловому режиму недр; Кашкаю принадлежит авторство геологических карт республики. Он составитель и редактор сводных трудов, которые систематизируют, обобщают накопившиеся за многие годы материалы, исследования, проведенные геологами в различных регионах Азербайджана. Не забыли даже о его предложениях использовать даровое тепло — горячие глубинные воды, а также тепловые отходы промышленных предприятий.

И сенсационное сообщение: космические съемки подтвердили установленные М. Кашкаем закономерности залегания основных и ультраосновных пород. Вот вам подтверждение точности кашкаевских прогнозов, основанных на точном знании, опыте и развитой интуиции!

На фотографиях тех лет он не похож на шестидесятилетнего мэтра. Он молод, подтянут, деловит и, как всегда, улыбчив и открыт для людей. Как всегда, выезжает в экспедиции, поднимается вместе с молодыми в горы, отлучается на конференции, симпозиумы за рубежом, читает лекции в Москве, Ленинграде, Праге, Анкаре, Дели, Токио, Лондоне....

Птица счастья парит высоко в небе...

«Всё, что я делал как ученый, было связано непосредственно с одной великой задачей, поставленной государством перед геологами нашего поколения, — обеспечить наше независимое экономическое развитие. Она нами была решена успешно. Азербайджанская геологическая наука разведала и передала производству такие кладовые полезных ископаемых, которые достаточны на многие годы вперед. Остается только их планомерно разработать, помня, что эти богатства принадлежат азербайджанскому народу. И более никому»^{116}.

*

Огляделся как-то вокруг и не узнал — «Черный город» незаметно избавился от чадящих нефтеперегонных установок, ветер времени развеял над ним смог. А ведь во время войны мимо кислотного цеха ходить было

небезопасно — ветер швырялся кислотным дождем, прожигавшим брезентовые спецовки рабочих. В другом конце, там, где возник Академгородок, вырос новый город, дальше — другие города, названные микрорайонами. Он плохо разбирался в них, где девятый, где первый — не успел распознать. Только видел на улицах, как новые люди толпами валят из зева метро. Другие люди, не бакинские...

Вернулся однажды из дальней командировки, а Чингиз уже университет закончил, в аспирантуру поступает, Хабиша собирается в консерваторию, Айбениз — школьница. И когда они все успели повзрослеть? Кажется, еще недавно нужно было думать, где им игрушки достать. А сейчас пошли другие проблемы. Солмаз в Ленинграде почему-то надумала бросать аспирантуру. Надо бы ей написать, чтобы не делала глупостей. Она может вырасти в хорошего историка, стать специалистом по древнему периоду Азербайджана. У нас же в Академии их раз-два и обчелся. С Чингизом другая проблема. Сын пошел по стопам отца, стал геологом. Все детство и юность он провел в геологических экспедициях, многое успел усвоить и познать. В 27 лет защитил кандидатскую. И все же ему надо определить свое направление в геологии. Это позволит ему найти свой путь, поможет освободиться от груза отцовского авторитета. Заодно можно будет избежать и разговоров, что, мол, Кашкай тащит за собой сына. (Чингиз, в конце концов, стал специализироваться в области экспериментальной геологии. Для того чтобы завершить докторскую, ему пришлось работать в Новосибирске, где имелаась экспериментальная база, а затем перебираться в Москву. Уже потом, после защиты докторской, он вернется в Баку и возьмется за создание лаборатории, в которой воспроизводились природные процессы, такие как высокое давление, особые температурные режимы и т. д.)

А ведь у него, у академика, как всегда, дел невпроворот. Дора Соломоновна напоминает с утра: в 11.00 — заседание президиума, в 14.00 — лекция в университете, в 16.30 — прием делегации ученых из Индии, в 18.00...

На столе — непрочитанная корреспонденция за день. Придется опять задержаться. Дора Соломоновна продолжает: «Опять звонили из редакции «Коммуниста», у них дискуссия, просят, чтобы вы приняли участие. Тема и вопросы — у вас на столе...»

Утро выдалось сегодня просто замечательное — хотя и сырое, даже дождливое, а вокруг по-весеннему зеленеет трава, радостно и беззаботно на душе. Так бывает часто только в молодости. Иногда — и на склоне лет...

Интересно, что волнует журналистов молодежного издания «Улдуз». Много вопросов набросал его редактор для академика. Просит отвечать как можно короче. Хорошее пожелание. Да только я ведь не Чехов. Антон Павлович, наверное, смог бы одной остроумной фразой ответить на вопрос, заданный «Улдуз»: «Как жить?» И Джалиль Мамедкулизаде смог бы. Среди современников, пожалуй, поэтов, как всегда много, даже перебор имеет место. И юмористов, смехачей, хватает. А вот Джалиля нет. И не скоро, наверное, появится ровня ему. И все же: «Как жить?»

«Очень серьезный вопрос затронули друзья. В жизни многое зависит от среды, коллектива, семьи. В какой семье родился — это ведь судьба. И потом в жизни многое зависит от личных особенностей человека — его таланта, интересов. Человек часто поступает интуитивно, как бы ведомый внутренним голосом, своим вторым я. Конечно, советы, рекомендации старших опытных наставников хорошее дело. Не забывайте обращаться за советом. Иногда добрый совет может изменить линию жизни, но не всегда есть к кому обратиться за советом. Поэтому дорожите друзьями. Но и не забывайте прислушиваться к внутреннему голосу. Он не обманет. Ведь, в конечном счете, человек сам определяет свою судьбу. Чем быстрее научитесь самостоятельно мыслить, рассчитывать на свои силы, тем легче будет шагать по жизни. У нас жизнь так устроена, что многие проблемы взяло на себя государство: учеба, образование, работа. Вам, молодым людям, остается самая малость — найти свое место в жизни. Этому никто вас не научит, если каждый сам не определится. Хочу сказать еще вот о чем. У нас явно наметилась тенденция к подмене хорошего образования дипломом. Не нравится мне это. Не от большого ума некоторые молодые люди стали гоняться за дипломом. Хитрый человек редко бывает умным. Умному незачем хитрить. Иногда я думаю: когда-то в Баку врачей было раз, два и обчелся. Но каждый из тех, к кому обращалось население, пользовался доверием, ибо была уверенность, что доктор всё знает. И это действительно было так. Дипломированных врачей сейчас — пруд пруди. Но сколько среди них настоящих докторов? Не есть ли это пример того, когда количество явно вредит качеству?»^{117}

Академик отложил ручку, прочел еще раз написанное. Многословно, конечно, и последний поворот относительно качества образования —

уместен ли? С другой стороны — кругом только об этом говорят. Если он, академик, авторитетно не выскажется по назревшим проблемам, то кто же?

Как странно и как быстро поменялась жизнь. Лет так 10–15 назад он, Кашкай, может, и не стал бы размышлять вслух над этими проблемами. За это могли и прилепить ярлык мелкобуржуазного националиста, обвинить в неверии в силу социализма. А сейчас — обсмеют на партсобрании таких обвинителей. В обществе стало легче дышать, думать, творить. В жизнь вступает новое поколение. Для него революция, Гражданская война, правый, левый уклон, фашизм — далекая история. Идет медленный, постепенный, незаметный для глаза процесс переосмысления не только истории, но и привычных понятий. То, что было свято для отцов, может стать предметом насмешек детей.

На эту мысль академика натолкнуло письмо из газеты «Коммунист». Редактор газеты писал, что проведенные опросы и письма читателей свидетельствуют об интересе, проявляемом людьми к такому, казалось бы, пустяковому вопросу, как уважительная форма обращения, принятая ныне в Азербайджане. В Москве, Прибалтике развернулись широкие дискуссии по данному вопросу. Высказываются соображения о том, что неплохо бы запустить в оборот некоторые традиционные формы уважительности, незаслуженно забытые в постреволюционное время. «С другой стороны, не приведет ли реанимация отброшенных временем этических атрибутов быта к утрате чисто советских и потому дорогих всем нам слов и понятий?» — спрашивал редактор.

Он полагает, что уйти от той или иной формы разговора об этом на страницах печати вряд ли удастся. Уходить от него в газете не считают нужным. Дискуссию надо начать, разумеется, в известных этических рамках, без перехлестов и свойственных некоторым нашим литераторам вольностей. Для начала требуется мнение авторитетного человека, аксакала, лучше солидного ученого, именитого, уважаемого всеми. «Кому как не вам, Мир-Али-муаллим, высказаться по данному вопросу? — спрашивала газета. — Вы родились при царе, жили при Сталине. На ваших глазах одна эпоха сменяла другую, менялись нравы, ценности, отстраивалась страна. Молодому поколению интересно будет знать, как жили и общались между собой наши деды, отцы. Газета рассчитывает получить не общетеоретическую статью, а размышления умудренного жизнью ученого».

Ох уж эти газетчики, им бы все поострее изложить, поинтереснее. А как там, в ЦК, отнесутся к этой дискуссии, хотя «Коммунист» и орган ЦК? Ответработники сами давно морщатся от вошедшего незаметно в оборот

словца «муаллим», с которым обращаются и к первому секретарю, и к министру, и к председателю колхоза, и к чабану. Слово, в общем-то, неплохое, даже очень уважительное, муаллим — учитель. Но вот от частого и неточного употребления оно стерлось и стало звучать почти насмешливо и укоризненно. С одним только трудно согласиться — вовсе не пустяковый этот вопрос. От того, как обращаются люди друг к другу, во многом зависит долгий процесс воспитания, атмосфера уважительности в семье, а значит, и в обществе. Так что не будем откладывать в долгий ящик этот вопрос, не имеющий прямого отношения к обязанностям академика-секретаря М. Кашкая, но непосредственно связанный с его происхождением, жизнью и судьбой.

«Не странно ли, что такое прекрасное слово — «товарищ», которое вошло в наш обиход, вдруг кому-то стало казаться лишним. Или, может, я ошибаюсь? Думаю, однако, что, скорее всего, так оно и есть. И все же в разговорах, особенно в интеллигентских кругах, чувствуется, что люди в общении, в быту тяготеют тем фактом, что язык словно бы утратил те понятия, с помощью которых утверждалась этика взаимоотношений между старшими и младшими, мужчиной и женщиной, людьми-учеными и простыми. Вообще-то говоря, слово «товарищ» как многомерное понятие в какой-то мере заполняет тот дефицит нужных слов, применимых в качестве уважительности, которые выпали в результате общественных перемен из употребления. Но дело не только в этом. Дело в том, что кем-то незаметно выброшенное в обиход слово «муаллим» сразу как-то стерлось, явно перестало выполнять ту функцию, которая ей придавалась. Оно потеряло функцию уважительности. И это при том, что само слово ценимо исстари в народе, и если в педагогической среде оно звучит вполне приемлемо и достойно, то, скажем, в академической или производственной оно явно выпадает из социального контекста»^{118}.

На вопрос: «Как тут быть?» Кашкай мудро советовал современникам обратиться к опыту других народов. Грузины сохранили свое знаменитое «батано», немцы в ГДР, товарищи по партии, называют друг друга «комрад», но незнакомцы обращаются друг к другу с помощью традиционного «герр», «фрау», «фрейлейн». Загляните в наш древнейший литературный источник — «Деде Горгуд». В нем мужчина обращается к женщине не иначе как «ханум», а к супруге — «герклюм», то есть «прекрасная», младший брат называет старшего «ага», аксакалы именуют друг друга «бек», «ага».

Кашкай не был литератором, далек был от языкознания, но азербайджанский знал хорошо. Судя по воспоминаниям и небольшой статье, посвященной титулу уважительности, к предложению редакции он отнесся со всей серьезностью, поделился не только собственными знаниями человека, помнившего бытовые особенности прошлой эпохи, но и некоторыми сведениями из тюркологии. Он напоминает новому поколению, желающему расширить свои представления о тонкостях азербайджанского языка, что тюркские языки располагают огромным количеством синонимов с самыми различными оттенками уважительности: «саин», то есть «уважаемый», а также «ляля», «дадаш», «гага» — близкие к слову «брат». Есть и другие формы обращения — «эфенди», «бек», «дженаб», означающий «господин», и т. д. Многими из них народ пользуется и поныне, не спрашивая на то официального разрешения. По мысли ученого, заменители универсального «муаллим» в языке имеются. И чем шире их применение, тем лучше для общества и обслуживающего его языка.

Предполагая, что его размышления на столь щекотливую, как тогда говорили, идеологическую тему могут быть превратно поняты или ложно интерпретированы, Кашкай в заключение напоминает, что слово «бек» имеет несколько значений. Беком называли и жениха, и уважаемого человека. Когда-то это слово обладало и признаком сословности. Беками назывались люди богатые, знатные. Но общественные перемены выветрили из него оттенок сословности. Он напомнил, что великого Узеира все в Азербайджане называли Узеир-беком, хотя эта приставка в его фамилии и без того указывала на происхождение композитора.

Статья Кашкая в «Коммунисте» имела огромный резонанс. Люди спорили, соглашались частично или полностью с мнением известного ученого. После трехмесячной дискуссии в редакционной статье говорилось: «Мы получили огромное количество писем читателей. Судя по ним, академик М. Кашкай затронул проблему, которая волнует многих. Были высказаны различные мнения. Но с одним согласны все — использование слова «муаллим» в качестве уважительности становится неприемлемым»^{119}.

Официально же принятых форм для широкого общения граждан как не было, так и нет. Но об этом речь пойдет далее.

Кашкай, как и большинство читателей, считал эту небольшую дискуссию, развернувшуюся на страницах печатного органа Компартии республики, весьма полезной. Так считали и в Академии наук, и в Союзе писателей. Ни сам ученый, ни интеллигентские круги тогда, в начале 1969

года, и представить себе не могли, какие последствия будет иметь в дальнейшей судьбе нашего героя этот, в общем-то, безобидный разговор. Впрочем, размышляя об этике взаимоотношений в азербайджанском обществе, М. Кашкай предлагал их своим соотечественникам совершенно искренне, предлагал в качестве интеллигента, каковым он являлся не только для себя, но и для окружающих. И в этой его позиции не было никакой позы, желания выделиться, чем, кстати, грешили позже национал-революционеры. Про таких, как он, академик Дмитрий Лихачев сказал когда-то знаменитую фразу: «Можно притвориться, что ты не лжец, но невозможно притвориться, что ты интеллигент».

*

В те годы Кашкаю, как и многим людям, будущее представлялось безоблачным и радостным. Баку хорошел год от года, расширялся во все стороны; в нагорной части, где, казалось, совсем недавно возник Академгородок, выросли новые кварталы. Как быстро бежит время!

В Баку как-то приехал знаменитый американский азербайджанец, отец нечеткой логики Лютфи Заде. Побывал он и в Академии наук. Встретился с коллегами. Его супруга Фай написала книгу о их совместных странствиях по миру. Азербайджанцев она нашла людьми гостеприимными и довольными своей жизнью. Она не сравнивала жизненный стандарт США и Советского Азербайджана. Это другая тема. В азербайджанских ученых ее поразили увлеченность, высокая степень информированности, в простых людях — искренность и радушие. Каким себя чувствовал в те дни наш герой?

«...Я застала Мир-Али Сеидовича за работой над новой книгой. Это его трехсотый научный труд. Монография посвящена общеисторическим вопросам в области минералогии, а также изучению геологических богатств республики, ее полезным ископаемым», — с этого начинается один из многочисленных очерков того времени, посвященных Кашкаю^[120].

«Он живет в новой просторной квартире по улице Г. Гаджиева, трудности и тяготы жизни — в прошлом.

«Теперь я редко вспоминаю свое тяжелое детство, разве только когда Айбениз просит рассказать ей страшные-престрашные сказки».

Как раз в это время и вошла маленькая Айбениз, ученица первого класса музыкальной школы при консерватории.

— Папа, ты еще работаешь? — спросила она. — А у меня уже каникулы, — и в ее голосе прозвучали гордые нотки, еще бы, ведь это первые в ее жизни каникулы.

К вечеру собралась вся семья. Пришел старший сын Чингиз, младший научный сотрудник, аспирант Института геологии, он так же, как отец, выбрал эту полную романтики специальность. А Хабиба посвятила себя музыке. Она уже студентка консерватории по классу истории и теории музыки.

— В праздничные вечера, — говорит Мир-Али Сеидович, — мы устраиваем дома семейный оркестр. Я играю на таре, скрипке или кларнете. Чингиз — на саксофоне, а девочки усаживаются за пианино.

— А что выпадает на долю Улдуз-ханум? — интересуюсь я.

— Ну конечно же роль слушателя и критика одновременно.

Все подвергает беспощадной критике Улдуз-ханум. И только беленг в исполнении Мир-Али вызывает у нее неподдельное восхищение. Впрочем, как и у каждого, кто испробовал этот напиток. А муж, если берется готовить свой шербет, то так, чтоб всем хватило. И из рецепта своего не делает секрета, с удовольствием посвящая любопытных в тайну древнего азербайджанского напитка: для начала две столовые ложки семян базилика с вечера заливает сиропом. Да не пугайтесь вы слова «базилик»! Это всего лишь обыкновенный рейхан, да, да, наш обыкновенный рейхан, которым завален базар: пучок — пять копеек, как обыкновенная кинза. Утром заливает литром воды, добавляет немного сахарного песка, 5–6 капель розового масла и напиток готов!

Когда-то беленг подавали к плову или кебабу в богатых домах, со временем забылся он, как и многое из азербайджанской кухни, в сутолоке общественных столовых. В Баку у себя дома его возродил наш герой. А спустя много лет о чудо-напитке можно было прочесть и в Москве, где вышла книга «Азербайджанская кухня», составителем которой стала Хабиба, дочь знаменитого геолога.

В праздничные вечера приходят и остальные родственники: сестра Рахшанде-ханум Кашкай и Султан-беим, инженер-конструктор института Азгосархпроекта, племянница Санубар с мужем Исмаилом, хирург, который дирижирует семейным хором а-ля Ниязи, ну и, конечно, Рена и Солмаз, племянницы.

— Как-то однажды мы решили, — говорит Чингиз, — подсчитать, сколько специальностей есть среди наших родственников. Список получился длинным: агрономы, врачи, инженеры, геологи, музыканты, биологи, физики, историки, географы... словом, можно запросто создать

свою семейную академию, — шутит он. — А впрочем, первый камень уже заложен. Мы начали собирать свой семейный музей. Вот совсем недавно папа привез с Курильских островов, где он был в командировке, китовый ус. Это достойный вклад в нашу коллекцию.

Одна семья. Обычная советская семья. Но в ней, как в капле, наше развитие, большое человеческое счастье»^[121].

Из воспоминаний Улдуз-ханум:

«Наш дом всегда был переполнен людьми. И странным образом всем хватало места. Причем никто никому не мешал. Просто поразительно, каким образом в этом шуме и гаме Мир-Али удавалось работать. Как это у него получалось — не пойму. Притом что малыши могли в любую минуту ворваться к нему, уверенные, что папу это нисколько не расстроит. Часто приходилось отрывать его от работы — в театр надо спешить или в гости. Он никогда не возмущался, что его отрывают от дела, мешают думать и т. д. Просто спокойно откладывал в сторону ручку, удивляясь тому, как быстро пробежал день. И через минуту был уже готов: элегантный, подтянутый, улыбчивый, словно и не было утомительного дня... Все в семье запомнили случай — я как-то запоздала с выходом, дети занервничали, «коллективное» хождение в кино явно было под угрозой. — Надо было предупредить меня хотя бы за полчаса, — оправдывалась я. — Как же можно собраться за минуту?

— А очень просто! — вдруг откликнулся Мир-Али. — Я в течение минуты десять раз могу надеть и снять костюм! Хочешь, покажу?

И тут же кинулся демонстрировать искусство скоростного одевания. У детей испорченного настроения как не бывало. Они и сейчас не могут без улыбки вспоминать эту отцовскую шутку...

Те, кто бывал у нас дома, а без гостей обходился редко какой день, знали, каким он был хлебосольным хозяином, остроумным собеседником, любившим застолья. Все знали — Мир-Али чуждо уединение, у него большой, живущий полной жизнью дом — с детским шумом, запахом национальных яств. Все он делал с размахом — встречал гостей, восторгался успехами детей и друзей, трудился, отдыхал и любил. Одного только не мог: ненавидеть и гневаться...»

М. Кашкай видел в семье отражение собственной судьбы, полагая, что каждый, кто берет на себя заботу о ребенке, должен сознавать всю меру ответственности, которая ложится на него. Это трепетное отношение к человеческой жизни и судьбе он распространял на каждого, кто оказывался

с ним рядом, испытывая одинаковое ощущение умиротворения и радости за причастность к счастью ребенка — своего ли, чужого — не важно.

Конец 60-х, Москва, ресторан «Баку». Кашкай отмечает большой день в жизни своей племянницы, только что защитившей кандидатскую. Какой-то подвыпивший профессор из Новосибирска желает проявить свои знания о Баку.

— Когда-то у вас в Азербайджане был такой ученый — Кашкай. Он не родственник ваш? — обращается он к академику.

— Я и есть Кашкай!

— Я не про Кашкай вообще, а про ученого Мир-Али Кашкай...

— И я — о нем же.

— Но этого же не может быть! Вы — молодой человек. А тот, о котором я говорю, жил в тридцатые годы. Это знаменитый ученый, я зачитывался его статьями о лиственитах еще студентом!

— И тем не менее Мир-Али Кашкай — это я. У меня просто молодое сердце. Так что я никогда не состарюсь — буду вечно молодым!

И он засмеялся: громко, весело, молодо. А наутро пошутил:

— Обо мне уже говорят в прошедшем времени. То ли страна у нас, в самом деле, бескрайняя, то ли старость стучится в дверь... А мы ее обманем: она в дверь, а мы — в окно.

Он собрал всех, кто был с ним в Москве, и махнул в путешествие по Золотому кольцу!

Он умел радоваться жизни и умел радовать других. Глядя на счастливые лица детей, он и сам испытывал острое ощущение полноты жизни и ее нескончаемости, хотя бы в эти редкие радостные мгновения, когда она открывается нам только лишь светлой своей стороной.

*

Так незаметно подкрался 1969 год. Ничто, казалось бы, не предвещало серьезных перемен. А они между тем надвигались неспешно и неотвратно, как судьба, которая возвращается за оставленным добром.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БЕЗВРЕМЬЕ

Некоторые историки полагают, что реформирование Советского Союза началось со знаменитого выступления Хрущева на XX съезде КПСС. Этот факт можно принять за точку отчета общественного процесса, получившего позже название оттепели. Однако подобно тому, как медленно и незаметно для глаза тают ледяные громадины под весенним солнцем, так и люди, их мысли, тайные движения души нескоро освободились от железных оков уходящей эпохи.

Как и все революционные поветрия, оттепель началась в Москве и Ленинграде. Понадобились годы, прежде чем она докатилась до каспийских берегов. Трудно установить, кто первым открыл форточку навстречу весенним ветрам. Сейчас, наверное, претендентов наберется немало. И все же никто в Азербайджане не выразил новых общественных настроений с такой силой, как это сделал Шихали Курбанов, ученый-филолог, занимавший в то время крупный пост заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Азербайджана, своей знаменитой фразой: «Уважаемые товарищи москвичи! Позвольте собственную историю нам писать самим!» И заявление это он сделал задолго до того, как стал секретарем ЦК Компартии Азербайджана, точнее, самым знаменитым из всех партийных руководителей республики.

Произошло это в 1958 году в ходе обсуждения только что вышедшего сборника «Очерки по истории Компартии Азербайджана». На это мероприятие прибыла группа известных ученых из Москвы, которая дружно выразила свое несогласие с некоторыми трактовками событий и героев «очерков». Вот тогда-то и поднялся со своего места Ш. Курбанов. Одна фраза мгновенно прервала карьеру успешного партийного деятеля. Но, как оказалось, ненадолго. Через несколько лет он неожиданно оказался в кресле секретаря по идеологическим вопросам (!), и это новое его восхождение на партийный Олимп ознаменовалось официальным празднованием в Азербайджане древнего праздника — «Новруз байрам».

Так оттепель в Азербайджане вступила в свою вторую фазу, и нет ничего случайного в том, что вслед за партийным идеологом счел нужным вернуться к национальным истокам и академик Кашкай. Может, прямой связи между выступлениями этих двух выдающихся азербайджанских интеллектуалов и не было, но то, о чем писал, размышляя об этических традициях своего народа М. Кашкай, вполне вписывалось в общий

контекст духовной раскрепощенности, которая утверждалась в азербайджанском обществе.

...В то лето ждали перемен и в Академии. Было ясно, что тяжело заболевший президент Рустам Исмаилов в свой кабинет больше не вернется.

Наиболее вероятной кандидатурой на этот пост в научных кругах, да и в более широких интеллигентских слоях общества, рассматривался Мир-Али Кашкай. Его научное творчество, активное участие в Пагуошском движении снискали ему международное признание, любовь и уважение не только среди ученых, но и простых людей едва ли не во всех, даже самых отдаленных, уголках азербайджанской земли, которую он в буквальном смысле этих слов исходил и объездил во время своих многолетних экспедиций.

В те годы еще сильно было уважение к отцам-основателям Академии, и Кашкай воспринимался многими как символ преемственности, как фигура, способная сохранить, сберечь и продолжить демократические традиции. Благодаря им Академия и сохраняла какие-то признаки автономии. Еще живы были ученые, которые помнили, что Мир-Касимов, Мамедалиев, Кашкай умели своим авторитетом ограждать мир науки от грубого партийного окрика.

Словом, для многих ученых М. Кашкай с учетом его интеллигентности, даже утонченности во взаимоотношениях, мягкого характера и твердых убеждений, представлялся желанным руководителем. В самой Академии еще помнили порядки и нравы, царившие при Мир-Касимове, Мамедалиеве. Кашкай был одним из той знаменитой «могучей кучки», как когда-то назвал своих единомышленников академик И. Ибрагимов.

Хотели видеть Кашкаю во главе АН Азербайджана и влиятельные силы из Академии наук СССР. Желали настолько, что министр геологии СССР, академик А. В. Сидоренко, счел нужным как-то при встрече с Г. Алиевым поинтересоваться, кого рассматривают в Баку в качестве нового президента Академии наук (дело было после кончины Р. Исмаилова).

— Трудно с кадрами вообще и научными в частности, — уклончиво ответил партийный руководитель. — До нас никто и не думал о резерве. Надо поискать, взвесить, обдумать...

Министр по роду своей работы хорошо знал, каким резервом располагает одна только геологическая школа республики, но знал также и то, что с партийными вождями спорить не стоит. И тем не менее посчитал необходимым сказать на прощание: «Вам особенно искать и не надо. Мир-

Али Кашкай — готовый президент Академии наук Азербайджана. В нем есть все, что вполне соответствует провозглашаемым вами принципам: настоящий ученый, пользуется союзным, международным авторитетом и признанием. Человек, которого называют отцом геологической школы, не может не обладать способностями организатора науки. И последнее: его любят в народе. Он интеллигентен, честен и неподкупен».

Своеобразие ситуации придавало то обстоятельство, что наш герой ни раньше, ни тогда особенно и не рвался занять пост президента. Никаких усилий не прилагал он и к тому, чтобы привлечь внимание руководства к своей персоне как вероятному кандидату. Чтобы уверенно двигаться вверх по карьерной лестнице, надо было заводить нужные знакомства во властных кругах, двигать своих, придерживать соперников, умело использовать в своих интересах интриги, столь популярные в околонаучной среде. Ни в чем таком не был замечен Кашкай. Не нуждался он и в усилении своего административного влияния — положение академика-секретаря позволяло ему руководить всей академической работой в полном объеме. Как ученый, он находился в расцвете сил и к тому времени был поглощен работой над монографией по алунитам.

Как бы там ни было, но кандидатура президента Академии наук Азербайджана подбиралась партийным руководством. Нельзя сказать, чтобы этот выбор был всегда удачен. Но можно твердо утверждать, что в большинстве случаев фигура руководителя Академии ни в научном мире, ни у общественности не вызывала сомнений.

Власть остановила свой выбор на Гасане Абдуллаеве, директоре Института физики.

*

Разумеется, новый президент знал о разговорах, которые велись в академических кулуарах. В отличие от своих предшественников он трактовал эти разговоры как скрытое соперничество, чего на самом деле, во всяком случае со стороны Кашкай, не было и в помине.

По всей республике началась тотальная смена старых кадров. Добралась она и до Академии. Академик — не партийный секретарь. Его с должности сдвинуть не так-то просто. А сдвинешь, он так и останется академиком. Случай же с Кашкаем вообще нестандартный. Он, как живой монумент, олицетворял историю Академии, и с этим, хочешь или не хочешь, приходилось считаться.

Так началась полоса мелочных придирок, болезненных уколов и укусов. То не пригласят на заседание, то откажут в выделении участка для дачи или начнется некрасивая тяжба с гаражом. Иной раз новый президент недовольно поглядывает в сторону академика-секретаря, явившегося на заседание президиума в легкой рубашке (когда-то Кашкай договорился еще с Мамедалиевым в жару обходиться без галстуков). Но на дворе уже другие времена, в кабинетах иные нравы, члены президиума должны выглядеть так же, как члены партийного синклита, которые в любое время года облачены в костюмы и галстуки, подобно зачехленным ружьям. А тут еще на пленуме ЦК вдруг вспомнили о давней дискуссии на страницах «Коммуниста».

«Отжившие порядки вздумали возрождать?» — грозно прозвучало на пленуме. По коридорам и кабинетам пополз слухок — это в адрес Мир-Али Кашкая. Морщится недовольно при встрече Гасан Багирович. И вновь слухи да перешептывания: «Не академический это вопрос — титул уважительности, не стоило Кашкаю затевать дискуссию»... И все ждут, как поведет себя в новой ситуации академик-секретарь...

А он, глядя на серый небосвод за окном и голые ветви деревьев, думает вовсе не о тучах, вновь чьей-то невидимой рукой сгоняемых над его головой. «Как много времени, сил и упорства требуется, чтобы привить традицию, и как мало нужно, чтобы люди забыли о том, чем жили и гордились», — размышляет он.

В 1953-м умер Сталин. В 1955-м расстреляли Багирова. Выходит, четырнадцать лет люди жили без страха. Стоило на них прикрикнуть, как сразу все притаились, притихли. А ведь никто не угрожает расстрелом, никого не ссылают в Сибирь. Тогда, в 1937-м, нашелся один, сказавший: «Не смолчу!» Отчего же присмирели все разом сейчас? Выходит, не в репрессиях дело? Или дело только в форме преследования? Исключают из партии, что делать простому ученому? Карьера поломана, чем жить? Вот и просыпается в них страх за себя, за детей, за будущее...

Откуда эти страхи-то? Да все оттуда, от стародавнего народного простодушия, из-за которого одурачивать себя позволяли. Оно, это простодушие — самое губительное для народа. Из него произрастают рабская психология и животный трепет перед начальством.

*

Критика прозвучала, шорох по коридорам пронесся, недовольство

высочайшее высказано. Так что же предпримет Кашкай?

Документ из архива Кашкая (папка «Переписка с ЦК»):

«В газете «Коммунист» от 13.10.68 № 241 мною была опубликована статья под названием «О титуле уважительности». В ней подчеркивалось, что настало время ввести в национальный быт различные формы учтвого обращения, принятого в народе.

Полагаю, что было бы целесообразно вновь вернуться к данному вопросу, создать соответствующую комиссию для проработки проблемы и подготовки нужных предложений.

Академик-секретарь М. Кашкай»^{122}.

Разумеется, никакой комиссии по запросу инициатора щекотливой темы создано не было. Не последовало ни устного, ни письменного ответа. Новое руководство, очевидно, полагало, что вопрос закрыт, на него дан исчерпывающий ответ на партийном пленуме и возвращаться к нему нет никакого смысла. Тем не менее разговоры вокруг Кашкая и будируемой им темы с национальным привкусом как-то сами собой прекратились. А жаль, что так бесславно кончилась эта затея по реанимации национальных традиций, предпринятая партийной газетой в самом конце оттепели. Нам и сейчас не пришлось бы подробно останавливаться на вообще-то достаточно далеком от профессиональных интересов нашего героя вопросе, если бы проблема не актуализировалась много позже, с началом перестройки.

Национал-революционеры, возглавившие движение за демократизацию общества, оказались в большой претензии к советским формам обращения и первым делом ввели в обиход забытое слово «бек». Было в этой решимости нечто знакомое, большевистское. В отличие от них наш герой предлагал гражданам широкий выбор рожденных в гуще народной слов, полагая, что «уважительный титул трудно внедрить в сознание указом, лучше предоставить самому народу выбрать те понятия, которые он считает нужным применять в жизни. Другое дело — язык официальный, дипломатический, протокольный. Там надо навести порядок в соответствии с общепринятыми международными правилами»^{123}.

Читая размышления Мир-Али Кашкая относительно слов и понятий уважительности в азербайджанском языке, не раз думалось, что, в общем-то, он оказался прав. Национал-революционеры привязали себя к столь полюбившемуся слову «бек». Власть предрешающие предпочли оставаться

«муаллимами», а в народе по-прежнему называют друг друга «ляля», «гаха», «ханум», «гардаш». А жених, что знатный, что безызвестный, — все равно «бек».

Этот вопрос так и не разрешился. Получилось в итоге чисто по-азербайджански: националисты всех мастей, мнящие себя демократами, обращаются друг к другу не иначе как «бек». В правящих кругах предпочитают привычное слово «муаллим». Русскоязычные именуют друг друга по имени и отчеству. Могут сказать и «товарищ», и «сударь», и «голубчик». Что и говорить, почетный был титул — «бек». Да насмотревшись на орды босяков, примазавшихся к славному роду, народ махнул рукой и отвернулся.

Образуются когда-нибудь... Как и все недостроенное в азербайджанском обществе. Но мы забежали несколько вперед. Полагаю, размышления нашего героя в начале 70-х годов тем и ограничились. По большому счету, ему было не до идеологических тонкостей, которыми упивалось новое политическое руководство. Кашкай всецело был поглощен новым капитальным трудом, который занимал его едва ли не всю жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ ДВУХТОМНИК

Впервые слово «алунит» прозвучало в самом начале нашего повествования при первой встрече двадцатитрехлетнего Кашкая со своим знаменитым учителем Левинсоном-Лессингом. Жизнь его сложилась таким образом, что все время приходилось заниматься многими практическими задачами государственного значения, и он никак не мог вплотную заняться алунитами — проблемой, разработка которой сулила стране огромные экономические приобретения, а науке — новые знания о минералах, изученность которых оставляла желать лучшего. Кашкай «подъезжал» к теме параллельно с освоением Дашкесанского рудного узла. Благо Заглик, где расположено основное месторождение азербайджанских алунитов, находился неподалеку.

...По живописному ущелью реки Кошкарчай проходит высокогорная дорога от Кировабада — извилистым серпантином до пояса обрывистых скал, называемых у местного населения Кемеркая или Шарукар. Это знаменитое Загликское месторождение, руды которого выходят на поверхность земли. Здесь находятся богатейшие залежи алунита — одного из основных источников получения глинозема — сырья для алюминиевой промышленности.

О нем известно было давно. Результаты первых исследований М. Кашкай опубликовал в ряде статей и в монографии «Алунитизация и каолинизация в Загликском месторождении» (1939 год). Кстати, уже в этой работе были затронуты и некоторые общие вопросы, касающиеся генезиса, термического разложения и химизма алунитов. Но в научно-промышленном плане для разработки темы и самих залежей Азербайджан смог приступить где-то лишь на рубеже 50—60-х годов. К этому времени как раз и относятся важнейшие публикации Кашкая. В данном случае он действовал по отработанной уже схеме: старался привлечь внимание общественности к теме в популярных выступлениях, одновременно — в серии серьезных записок и научных статей доказывал руководству необходимость подключения плановых органов к алунитовым месторождениям в свете возросших потребностей промышленности.

«Загликское месторождение алунитов расположено в Дашкесанском рудном поле, где сконцентрированы ценные руды», — пишет М. Кашкай в «Бакинском рабочем» в конце 1955 года. — Обрывистые пояса алунитов к востоку постепенно переходят в пиррофиллиты, также образующие скалы.

Далее они заменяются пластообразной железорудной залежью Дашкесана, которая как бы черной каемкой охватывает высокие участки левого и правого склонов реки Кошкарчай. Залежи сопровождаются скарнами, местами мрамором и другими полезными ископаемыми. Такое сочетание сложного комплекса рудных и нерудных полезных ископаемых на небольшом участке земной коры — редкое явление природы. Небезынтересно проследить историю геологического прошлого этого рудного комплекса»^{124}.

К слову, благодаря такой вот просветительской деятельности Кашкая очень скоро об алунитах в Азербайджане знали все. Во всяком случае, в 1966 году, когда намечался пуск Кировабадского глиноземного завода, автор этих строк в своих радиорепортажах обратил внимание на то, что не только инженеры-технологи, но и простые люди располагали достаточными сведениями об уникальном месторождении.

Крупных месторождений алунитов в земной коре мало. Загликское месторождение по запасам руды занимает второе место в мире после Фаньшанского в Китае. Третье место принадлежит месторождению Тольфа (севернее Рима), а четвертое — Мэрисвейл в США.

Известность Заглику пришла еще в Средние века, когда кустарным способом здесь стали налаживать производство квасцов, которые использовались в Закавказье и вывозились на русские текстильные предприятия через ярмарки в Ростове-на-Дону, Астрахани и Нижнем Новгороде.

Первые сведения в литературе об этом ценном комплексном сырье были опубликованы в 1825 году на страницах «Горного журнала», издававшегося в Петербурге. Описание физического строения Загликского алунитового месторождения дал отец геологии Кавказа русский академик Абих (1859 год).

В 1893 году выдающийся русский химик Д. И. Менделеев отмечал, что «такого изобилия квасцового камня нет ни в Италии, ни в Венгрии, и я по собственному опыту убедился, что он чрезвычайно легко дает квасцы, совершенно свободные от железа»^{125}.

Работы, начатые здесь в 50-е годы азербайджанскими геологами, позволили приступить к планомерному освоению месторождения.

«Производство глинозема из загликских алунитов — дело большой важности, ибо на глиноземе кроме Сумгаитского алюминиевого завода будут работать ряд заводов металлического алюминия в Закавказье и РСФСР», — писал в те годы Кашкай^{126}.

Быстрый рост потребности в алюминии и его сплавах для развития советской авиационной промышленности, судостроения и транспортного строительства, гражданских и промышленных сооружений и бытовых изделий требовал непрерывного развития алюминиевой промышленности и расширения сырьевой базы для производства алюминия. Только за послевоенные 1950–1966 годы мировое потребление алюминия (без стран социалистического лагеря) возросло в 4,3 раза, что во много раз превышало потребление других конструкционных металлов.

Хотя в то время в мировой практике основным сырьем для получения глинозема служили бокситы, интерес к небокситовому глиноземсодержащему сырью непрерывно возрастал.

В своих записках в правительственные инстанции М. Кашкай обращал внимание на то, что «в процессе производства глинозема получится значительное количество серной кислоты, необходимой для удовлетворения огромной потребности нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана. Кроме того, это позволит практически решить жизненно важный для сельского хозяйства республики вопрос производства фосфорных удобрений»^{127}.

В описываемый период Кировабадский алюминиевый завод (КирАз) уже работал на полную мощность. Азербайджанская промышленность успешно осваивала технологию переработки новой руды — алунитов. Так Кашкай приступил непосредственно к научно-исследовательским работам по этому виду сырья. Располагая огромным научно-практическим материалом, он засел за новую монографию. Работа требовала привлечения большой литературы, теоретических обобщений, лабораторных анализов.

«На земном шаре пока известны 188 месторождений и проявлений алунитовых руд, — писал в своем труде Кашкай. — Алунитовые породы встречаются на всех континентах и, вероятно, залегают также под дном Атлантического и Тихого океанов. Особенно богат алунитами Советский Союз. Из 188 месторождений и проявлений 87 находятся на территории СССР — на Украине, Урале, Алтае и Дальнем Востоке, в Закавказье, Казахстане и Средней Азии. К числу крупнейших в мире принадлежит ныне разрабатываемое Загликское месторождение в Дашкесанском рудном районе Азербайджана. Кроме того, алуниты найдены в Шамхорском, Казахском, Кельбаджарском, Ордубадском районах и в Кобыстане»^{128}.

Он собирал литературу по алунитам в течение тридцати девяти лет, состоял в переписке по данной проблематике с ведущими советскими геологами и учеными более 20 зарубежных стран. В процессе написания

монографии ученый изучил практически всю мировую литературу об алунитах — это более 1400 названий. Собранная литература и изучение месторождений на местах — в Советском Союзе и за рубежом — позволили ему разработать некоторые теоретические вопросы. Изучение минералов, сопутствующих алуниту, их парагенезис, химические реакции, в результате которых образуются минеральные ассоциации, были проведены на основании 355 химических и 47 рентгеноструктурных анализов. Это позволило «установить зависимость между химическим составом и физическими свойствами минералов...», а также «установить промышленные критерии для поисков и разведки алунитовых руд». Он также составил карту известных месторождений и проявлений алунита по странам мира^{129}.

«В Азербайджане создан фундаментальный, многогранный труд об алунитах. Не только республики, но и всего земного шара. Издательство «Недра» (Москва) выпустило в свет двухтомную монографию академика Академии наук Азербайджанской ССР М.-А. Кашкая «Алуниты, их генезис и использование» — это сообщение было опубликовано в январе 1971 года.

В Академии шутили: Кашкай сам себе сделал подарок ко дню рождения. Двухтомник вышел под редакцией академика А. В. Сидоренко, тогдашнего министра геологии СССР. Газеты цитировали оценки, данные признанным авторитетом ведущему ученому-геологу Азербайджана.

«Монография М.-А. Кашкая является первой в мировой литературе капитальной работой, обобщающей современные знания об алунитах. Собрал большой фактический материал и почти всю мировую литературу по алуниту, а также используя результаты собственных исследований, М.-А. Кашкай предложил генетическую классификацию алунитовых месторождений, алунита и его структурных аналогов, в которую входят 33 минерала...»^{130}

Теоретические обоснования, занимающие значительную часть монографии, интересуют не только геологов-ученых и производственников, но и минералогов, петрографов, геохимиков, кристаллохимиков, физико-химиков и других специалистов — таково было общее мнение.

Книга заинтересовала многих, даже тех, кто непосредственного отношения к алунитам не имел. Приятной неожиданностью был наплыв писем из-за рубежа. Писали из итальянского Института петрографии в Риме, а также специалисты Канады, Германии, Шотландии. За чисто научными вопросами ученых совершенно очевидно просматривались

практические интересы бизнес-кругов. Доктор Дж. Ломбарди из Рима спрашивал: нельзя ли получить экземпляр монографии на английском? Он знаком с содержанием работы по краткому реферату. Институт петрографии, где он работает, занят выполнением заказа крупной компании США, проявляющей огромный интерес к алунитам...

Из этих многочисленных писем и запросов коллег было видно, насколько советские ученые опередили своих западных коллег в деле подключения альтернативных бокситам материалов в целях промышленного производства алюминия. Богатейшие запасы алунитов в Азербайджане, наряду с фундаментальными исследованиями Кашкая и его учеников, уже в ближайшие годы обещали превратить Азербайджан в крупнейший центр алюминиевой промышленности.

ИЗУМРУД И БУЛЫЖНИК

Просмотрев корректуру двухтомника, Кашкай с облегчением поставил последнюю точку. Вряд ли он знал о том, что «Алуниты» станут последней его крупной работой. Она отняла у него немало времени и сил. Он чувствовал себя изрядно уставшим в том 1970 году. Отдохнув в Подмоскowie, осенью, как всегда, он появился в своем кабинете, посвежевший, бодрый, намереваясь засесть за доклад, с которым собирался выступить на очередном Международном геологическом конгрессе.

Работа, однако, двигалась с трудом, что-то мешало. Что? Казалось бы, в Академии все осталось на своих местах, но в поведении людей все более ощущались какая-то нервозность и суетливость.

Г. Абдуллаев стал шестым президентом Академии наук Азербайджана, с которым предстояло работать академику-секретарю. По-разному складывались отношения с ними, руководителями Академии, у Кашкая. С Мир-Касимовым и Мамедалиевым он чувствовал себя единомышленником. Эту академическую тройку сближало одинаковое понимание своей ответственности за будущее Национальной академии, единство взглядов по ее формированию, одинаковый высокий уровень научного мышления и общей культуры. Такой духовной близости с другими руководителями Академии у Кашкая не было. Хотя надо отметить, что каждый из них относился к академику-секретарю с подчеркнутым уважением — как-никак, а Кашкай являлся одним из основателей Академии, ее живой историей. Кроме того, в отличие от многих других своих коллег, он активно участвовал в научной жизни СССР, часто бывал на международных конференциях, отличался поразительной для своего возраста научной плодovitостью.

«Алуниты» подтвердили особое место, которое занимал азербайджанский ученый в советской геологической науке. Новая работа, демонстрируя широкий спектр научных интересов М. Кашкая, в то же время сразу выдвинула его в ряд выдающихся специалистов в области алунитов, интерес к которым в 70-е годы повсеместно возрос. Соответственно увеличивалось и число рабочих приглашений ученому, в том числе инициированных и академиком А. Л. Яншиным.

Из воспоминаний Дж. Азадалиева:

«Нам тогда достоверно было известно, что профессор получил

приглашение возглавить один из крупных научно-исследовательских институтов Министерства геологии СССР. Были и другие предложения. Собственно, Кашкай и не скрывал их. Мы, его ученики, рады были за своего учителя, гордились им. В ту пору любое такое выдвижение рассматривалось как большой научный успех, успех не только личный, но и как бы национальный, ибо, таким образом, демонстрировалось признание несомненных заслуг в отечественной геологии М. Кашкая».

Однако то, что радовало людей искренних, вызвало прямо противоположные чувства у других. Более того, оказалось, что в верхах также без особого энтузиазма относятся к возможному переезду Кашкай в Москву. Это сразу отразилось на его шансах участвовать в выборах в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Конкуренция на академических выборах была острой.

Зная расклад сил, А. Яншин, от позиции которого многое зависело, писал в связи с этим М. Кашкаю: «Я в этом году в экспертную комиссию не вхожу, но на выборах, несомненно, в числе других буду выступать и за Вас. Я вообще считаю, что чем больше хороших ученых «мы выберем» на одно место, тем легче доказывать необходимость предоставления нам дополнительных мест на следующих выборах. Все необходимые материалы для разговоров и выступлений по поводу Вашей кандидатуры у меня имеются. Никто из Ваших конкурентов не обладает такой высокой научной продуктивностью, таким количеством интересных и научных работ. Глубоко уважающий Вас А. Яншин»^{131}.

В другом письме Яншин, прекрасно разбиравшийся в тонкостях академической выборной системы, подал Кашкаю идею — хорошо, если руководство республики войдет в союзные инстанции с предложением о предоставлении дополнительного места. Такой способ продвижения национальных кадров в АН СССР практиковался, и на его применение в Москве шли с учетом того, что ученым из национальных академий трудно было конкурировать со своими московскими коллегами, располагавшими необозримыми связями и знакомствами в столице. Вовсе не случайно А. Яншин в одном из писем к М. Кашкаю открытым текстом писал: «Вот если бы Вы согласились переехать в Москву и возглавить ИГЕМ, тогда бы я устроил так, чтобы и А. П. Виноградов, и М. А. Садовский и голосовали бы, и агитировали бы за Вас»^{132}.

Короче, самый короткий и точный путь на предстоящих академических выборах 1970 года представлялся в выделении

дополнительного места. Предложение это руководство республики приняло, но...

Это был не первый случай, когда перед Кашкаем, выдвигавшимся в членкоры АН СССР, неожиданно опускался шлагбаум. Первый раз, в 60-е годы, его документы, так же как бумаги на нескольких других кандидатур, «забыли» своевременно отправить в Москву.

Из воспоминаний академика Б. Будагова:

«В 60—70-е годы большая группа азербайджанских ученых реально претендовала на избрание в членкоры Академии наук СССР. Я хорошо помню, как тогдашний президент АН СССР Несмеянов, будучи химиком, особенно благоволил к нашим академикам-химикам Муртузе Нагиеву и Али Гулиеву. В числе тех, кого прочили в союзные академики, был и Мир-Али Кашкай. Он, так же как и Муртуза Нагиев, Али Гулиев, Шамиль Азизбеков и ряд других выдающихся ученых, подал заявление на участие в очередных выборах в АН СССР. Согласно существовавшему положению, список кандидатов должен был быть опубликован в печати. Однако каково же было удивление научной общественности в Баку, когда в этих списках, кроме фамилии тогдашнего президента, математика З. Халилова, никого не обнаружилось. Этот факт вызвал серьезное недовольство в академических кругах, и, в конце концов, им занялся тогдашний секретарь по идеологии Шихали Курбанов. Выяснилось, что по поручению З. Халилова заявления азербайджанских академиков были отозваны и пролежали в президентском сейфе до окончания выборов. Между тем именно на тех выборах М. Кашкай был одним из самых реальных кандидатов среди геологов».

Тогда-то довелось услышать членам президиума запомнившуюся надолго короткую речь Кашкая. В ней не было ни обиды, ни горечи, ни разочарования. Только одна мысль: «Я всегда согласен был с соображением, высказанным давно неким философом: «Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее».

Это недостойная Академии история надолго вывела Кашкая из равновесия. Тогда-то, в конце 60-х, впервые дали о себе знать гипертония и диабет. Врачи рекомендовали длительное лечение, диету, отдых. Таким образом, переезд в Москву был предрешен. Пока шли переговоры, поступило предложение выдвинуть работы Кашкая в области алунитов на соискание Государственной премии. Упускать такой шанс было нельзя, тем более что практическое, экономическое значение научного вклада у всех

было перед глазами — КирАз работал в полную силу, внося весомый вклад в развитие индустриальной мощи Азербайджана.

Оформление документов в связи с выдвижением на Гос-премию — огромная работа. Нужны заключения экспертов, отзывы промышленных производств и т. д. Само собой, необходимо подключать лоббистов к сложной правительственной системе отбора и утверждения кандидатур. Нельзя сказать, чтобы Кашкаю чинились какие-то препятствия. Нет, документы собраны и представлены своевременно. Но он чувствовал — что-то изменилось. Этот неуловимый признак наступления новых времен, который часто следует за появлением новых людей и новых имен, редко кому удастся уловить.

С Госпремией ничего не вышло. Правительственная комиссия решила присудить ее производственникам. Это был тревожный знак. Знак невезения? Нет, он оглянулся в какой-то момент вокруг и увидел то, что давно видели другие: время благородных порывов ушло. Уже покупались и продавались дипломы. Пока академик Кашкай бродил по ущельям Кельбаджар и рылся в горах Дашкесана, Академия заполнялась новыми людьми. Носители идей академической автономности, приоритета научности, которыми он жил, как и его соратники, уже выглядели людьми иной эпохи. Ему никто не говорил, что он стар или лишний, но нравы, которые стали с некоторых пор культивироваться в том же самом просторном кабинете, где когда-то царил дух товарищества и интеллигентности, были уже не те.

Жизнь наполнялась болью. Это было совершенно новое ощущение. Раньше, когда по ночам забирали людей, этого щемящего чувства не было. Было ощущение нависшей опасности, был страх. Теперь это новое чувство постоянной боли и опустошенности сделало его жизнь как бы лишенной привычного очарования, перца и соли. Жизнь стала невыносимо пресной.

Вот приглашает к себе на чай и в ходе душевного разговора о том о сем и в то же время ни о чем вдруг спрашивает: «Как вы бы смотрели на то, профессор, если бы вам предложили стать ректором Азгосуниверситета?»

А профессор никогда об этом и не думал. Не в его это духе — примеряться к должности. Его вполне устраивала кафедра геологии и геохимии, которой он руководил многие годы. Что касается основной научной работы, то он сросся с Академией наук: «Это мой дом родной». Он не говорил о том, что этот дом пришлось возводить и ему. Другое дело, если к нему как к академику-секретарю имеются претензии...

Нет-нет, никаких претензий, просто там — многозначительный взгляд куда-то за потолок — считают, что в вузах большой непорядок, процветают

взяточничество, кумовство. С этим новый секретарь будет бороться, и поэтому умные, порядочные, интеллигентные люди нынче в большой цене. По мнению руководства, лучшего ректора, чем Мир-Али Кашкай, трудно найти: признанный ученый, авторитет для студенчества, к тому же давно руководит кафедрой на геофаке, совмещая с основной работой в Академии.

— Такое мнение весьма лестно для меня, и я преисполнен благодарности за честь быть назначенным ректором крупнейшего и старейшего вуза. Однако такая работа не для меня. Я, если точнее сказать, слишком академичен.

Казалось бы, тема исчерпана. Но нет. Спустя некоторое время следует приглашение в ЦК. Секретарь по идеологии Джафар Джафаров — умный, обходительный — вдруг предлагает: «Начинается кампания по выдвижению кандидатов в депутаты очередного созыва. Вам, видимо, придется баллотироваться в Кировабаде... Таков порядок, ректор университета должен быть депутатом Верховного Совета республики».

— Но я ведь не ректор.

— Так будете им.

*

Должность ректора уже тогда в Азербайджане считалась хлебной. Кашкай упрямо отказывался перебраться в университет, вызывая недоумение одних, недовольство и раздражение других.

Домашним он объясняет причину своего угнетенного состояния:

— Никак не пойму, то ли хотят меня выдвинуть, то ли задвинуть. Но из Академии я никуда не уйду. Слишком многое еще нужно сделать.

Рассказывает супруга академика Улдуз-ханум:

«В 1970 году Мир-Али твердо вознамеривался участвовать в выборах в АН СССР. Ему стоило огромных трудов собрать необходимые документы, на каждом шагу наталкиваясь на массу бюрократических препятствий. И когда вся документация была подготовлена, она просто не ушла из Академии — подписи начальства в ней не было. Для Мир-Али это было тяжелым ударом. Только-только оправился — началось выдвижение на соискание Госпремии. Последняя его работа «Алуниты» имела такой резонанс в научном мире, что все заранее поздравляли Мир-Али. А получилось, как в 65-м, — в списке премированных кто угодно, только не Кашкай...»

Тот осенний день выдался холодным, дул промозглый ветер, хлестал дождь. Прежде чем спуститься в актовый зал, где он должен был выступить с годовым отчетом, Кашкай еще раз глянул на осенний пейзаж за окном.

С некоторых пор утро уже не радует. Мустафа-бек по этому поводу горько шутит: «Утро — самое тяжелое время суток. Открываешь глаза, понимаешь, что жив, но не понимаешь, зачем жив».

Впервые ему захотелось оставить свой кабинет, удалиться куда-нибудь подальше от Баку. Хорошо бы в Исти-Су. Там, наверное, уже выпал снег, как и в Шуше... Шуша хороша в любое время года. Весной пьянит звенящий воздух, зимой горы одеваются в снежный саван. Хорошо бы сейчас сесть возле печки, в которой потрескивают горящие поленья... Нет, дело не только в теплой крестьянской печурке и ароматах детства. Там, в горах, совершенно другие люди. Кстати, кельбаджарцы вновь пишут о нехватке строительного материала, просят помочь. Придется вновь поискать в совминовских коридорах решение вопроса разработки тамошних залежей туфа, мрамора...

С тем он и спустился в актовый зал, отметив про себя тяжесть в груди и одышку, которой никогда у него не было.

В отчете двадцать с лишним страниц. Это примерно сорок минут выступления. В зале натоплено. Надо бы на минуту оторваться от текста и развернуто сказать об обостряющихся экологических проблемах Каспия, Апшерона и Кировабада в особенности. Шума по этому поводу, особенно в печати, много, а научных серьезных разработок явно не хватает... Он снял очки, поднял голову... Лица сидящих в президиуме были бесстрастны. Позы чутко-безвольны. Как же душно в зале. А за окном льет дождь, окно поплыло. Стало темно и в наступившей тишине кто-то вскрикнул. Это последнее, что он слышал.

Случилось это поздней осенью 1973 года — инфаркт, определили врачи.

— Так нельзя, Мир-Али, ты явно перетрудился. Падать в обморок тебе рановато. Да и мне тоже, хотя я на десять лет старше тебя, — так полушутя, полусерьезно отчитывал Кашкай его старший друг, Мустафа-бек Топчибашев, в тот злополучный день. А позже, уже в больнице, он поддержал заключение врачей и потребовал от Кашкай немедленно бросить все дела и отправиться куда-нибудь в тихое, спокойное место. Где нет рукописей, лаборатории и геологов. И года на два забыть об экспедициях.

Взволновались все, кроме самого больного. Он считал: ну, переработал малость, с кем не бывает. Однако М. Топчибашев, как и врачи правительственной лечкомиссии, были встревожены. Они знали о застарелых недугах академика — диабете и гипертонии и настаивали на незамедлительном отдыхе.

Мустафа-бек возмущенно размахивал на президиуме бумажкой из бухгалтерии: «Он уже четвертый год подряд переносит отпуск!»

Кашкай опять было начал: «Вот закончу статью для академического вестника, повидаясь с Селимхановым, у него очень серьезное предложение...» Но тут восстала сама Улдуз-ханум. Она немедленно вывезла его в Загульбу, дачное местечко у самого моря в пригороде Баку. Здесь-то и застала его Хабиша, приехавшая из Москвы на каникулы.

«Я видела, что он просто слабел на глазах. До этого в своих письмах он писал мне: «Не бойся, со мной все хорошо». Но в Загульбе он не хотел двигаться, хотя это было не в его характере. Он всегда поднимался задолго до солнца и весь день был, как говорится, на ногах. У него был полный упадок сил, он лишился аппетита. Врачи тоже не могли понять, что происходит с ним. Кончилось тем, что вскоре он вообще отказался от еды. Отец таял у нас на глазах. Я неотлучно находилась при нем. В какой-то момент я поняла, что мы его теряем».

Ее поразили глаза отца — в них словно мерцал потаенный глубинный свет. Как будто он уже знал всё, что другим еще только предстояло узнать.

И она подумала тогда — такими, наверное, и были глаза мыслителей.

Беспокойство овладело и Улдуз-ханум. Она настояла продолжить лечение в Звенигороде, где они бывали не раз. В этом благодатном, тихом и уютном уголке располагалась одна из лучших правительственных здравниц.

Кашкай поддался на уговоры еще и по другой причине, которая не составляла секрета для домашних, — ему хотелось быть поближе к Москве, точнее, к Хабише — старшей дочери, учившейся в аспирантуре. Сын Чингиз успел обзавестись семьей и уже несколько лет жил отдельно. Кашкая радовалась, что оба рано проявили склонность к науке и пошли своими тропками по жизни. Но некогда большой и шумный дом, внезапно как бы опустевший, остро напоминал о приближающейся старости.

«...После проводов в аэропорту я впервые в жизни почувствовал какую-то пустоту, и, если б не Улдуз и Айбениз, я вполне мог бы считать

себя одиноким, — писал он в Москву своей старшей дочери. — Однако все это мелочи жизни по сравнению с тем, что моя дочь работает над диссертацией. Ты нашла свое призвание и то, что ты приобщаешься к научному мировоззрению, — главное, чему я бесконечно рад». И в другом письме: «Твое сообщение о подготовке к печати двух научных статей несказанно обрадовало меня. Жду с нетерпением публикаций»^[133].

Поездка в Звенигород оказалась как нельзя кстати. В один из дней М. Кашкай выбрался из своего санаторного затворничества в столицу и объявился в общежитии, где проживала Хабиша. Тут-то и подкараулил его неожиданный телефонный звонок.

«Можно Хабибу-ханум?» — услышал он чей-то мужской голос. При таком повороте дела в душе любого отца, кем бы он ни был и к какой бы нации ни принадлежал, всплывает ревнивый вопрос: кто он, этот посторонний мужчина, проникающий в комнату его дочери, пусть и по телефону?

«Передайте, что звонил Гусейнов», — попросил незнакомец на другом конце провода и, извинившись, повесил трубку.

По свидетельству домашних, Мир-Али Кашкай в принципе лишен был традиционных восточных предрассудков, обязывающих отца создавать защитную систему этикета, призванного оберегать женскую половину дома от постороннего взгляда. Как мы уже говорили, женщины кашкайцев не носили чадру и ходили с открытым лицом. Тем не менее неожиданный звонок встревожил его.

— Что это твои знакомцы представляются официально, как на партсобрании? «Передайте, что звонил Гусейнов...»

— Служебная привычка. Он ведь первый секретарь ЦК комсомола Азербайджана — Вагиф Гусейнов.

— Мог бы представиться и проще, Вагиф — прекрасное имя. Впрочем, сей случай только лишь подтверждает мою правоту в той дискуссии о формах обращения в азербайджанском языке. Не захотели воспользоваться подзабытыми словами: «бек», «ага». Вот и приходится общаться даже с близкими строго по-партийному...

Так в доме Кашкаев появился Вагиф Гусейнов, лидер азербайджанской комсомолки в 70-е годы. Ему тогда было тридцать, Хабибе — двадцать четыре. Его ухаживания завершились в конце 1974 года веселой молодежной свадьбой.

Накануне жениха, молодого кандидата в члены бюро ЦК КП Азербайджана, как, впрочем, и всех других в ту пору, строго предупредили: «Свадьба должна быть скромной!»

Скромной так скромной. Только как ей такой быть, если одной родни набирается человек 200–250? Обид не избежать... И еще: за невестой-то, кем бы ты ни был, принято приезжать с музыкой — под радостные трели зурны, кларнета и победный бой нагары — таков обычай. Мир-Али в новой для себя роли — отца невесты — не переставал сокрушаться: «Как же без музыки-то? Что люди скажут — втихомолку дочь замуж выдает Кашкай?»

Но в назначенный час двор кашкаевского дома огласила пронзительная песнь зурны. Да так, что все соседи бросились к окнам!

«Ты смотри, с музыкой явился секретарь!» — только и молвил Кашкай. А комсомольский лидер потом оправдывался: «Сами же учим, чтоб празднества были социалистическими по содержанию и национальными по форме...»

Свадьба не прервала учебу Хабибы в аспирантуре, хотя появление в семье Кашкаев молодого политического деятеля вызвало немало пересудов в элитных бакинских домах. Кашкай были как бы частью научного мира, как Гаджибековы — музыкального. Но ни тогда, ни много позже ничто не указывало на то, что в самом этом жизненном соприкосновении могла таиться опасность, да такая, что долго еще будет стучаться в двери семьи.

Все это было еще впереди и все это предстояло пережить. А тогда, в середине 70-х, М. Кашкай писал Хабише: «Тебя, наверное, очень интересуют успехи Вагифа. В связи с этим направляю его статью и две его газетные публикации. По его словам, он сейчас работает над большой статьей для московского издания. Думается мне, что если так пойдет и дальше, мы его, в конце концов, переведем на научную стезю. И это у него получится!»^{134}

*

Подмосковные просторы, тенистые леса, зеленые нивы благотворно действовали на измотанный экспедициями, многочасовой работой за письменным столом и интригами последних лет организм ученого, которому было уже под семьдесят. Впрочем, в академическом мире в таких случаях говорили: «Всего-то под семьдесят...»

Бесконечное блуждание среди сосновых рощ. Райский воздух. Райская красота. Райское пение птиц.

Через два месяца, когда от инфаркта, казалось, не осталось и следа, Кашкай заявил: «Напрасно вы все переполошились. Я нахожусь в блестящей физической форме и напоминаю: я проживу сто лет!» И стал

собираться домой.

А в Баку его ожидал сюрприз.

«Направляем Вам для сведения выписку из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1962 г. № 441 «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров». Безобидная, вроде бы, бюрократическая бумажка, каких накопилось за время отсутствия десятки. Но в ней — напоминание о совминовских постановлениях, запрещающих ученым занимать административные должности помимо основной научной. Такие решения принимаются со времен Багирова, и, как говорит старый солдат, академик Зия Буниятов, без пол-литра в тенетах бюрократии не разобраться. Но с чего это вдруг кадровикам вспомнилось давнишнее постановление? Не говоря уже о другом: «Одновременно напоминаем Вам, что срок Вашего избрания истекает 16 марта 1976 г.»^[135].

А тут еще — приглашение в партком. Партийный секретарь считает целесообразным обсудить на ближайшем заседании взаимоотношения двух видных академиков — Мир-Али Кашкая и Шамиля Азизбекова. Оказывается, в давней дискуссии между двумя геологами кое-кто усматривает нездоровое соперничество, недостойное коммунистов столь высокого академического ранга. Аксакалы подают плохой пример молодым...

— Дискуссия в науке — лучший путь поиска истины. В современной геологии немало проблем и столько же точек зрения. Мы ищем истину, но не выясняем отношения. У нас научный спор, а не склока. Можете включать это в повестку дня, но знайте: я на обсуждение не явлюсь.

Академик Кашкай редко бывал столь резок. К чести Ш. Азизбекова, тот солидаризировался со своим коллегой. Инцидент вроде бы исчерпан, но сколько крови попорчено...

Гасан Багирович считает, что академик Кашкай работает с перегрузками. Он и академик-секретарь, и член президиума Академии наук, и завкафедрой в университете, и член многих научных советов и обществ. И в заключение трогательная забота о здоровье академика-секретаря: «Мы должны беречь вас». Значит ли сказанное, что он должен распрощаться с кафедрой в университете, а значит, расстаться с молодежью? Нет-нет, академик Кашкай может и должен читать лекции. Геофак трудно представить без него. Но кафедре придется сдать...

Конечно, всему рано или поздно приходит конец. Он и сам чувствовал, что надо освободиться от учебных нагрузок, отнимающих слишком много времени, и сосредоточиться исключительно на научной работе. Но столь

беспардонное оповещение о надвигающейся старости!.. С подобной бесцеремонностью ему давненько не приходилось сталкиваться. Впрочем, после Мамедалиева всякого пришлось насмотреться. Чего стоило только заседание президиума в исполнении Рустама Исмаилова. Бывший директор завода, отменный хозяйственник, лауреат Ленинской премии, превращал заседание в производственное совещание, обращаясь к академикам, как к начальникам цехов. Но даже грубоватый Р. Исмаилов сохранял дистанцию и тот особый пиетет, которым традиционно, как броней, были окружены Топчибашев, Кашкай, Ибрагимов...

Они — аксакалы — встречались все реже. Мирза Ибрагимов, возглавив Азербайджанский комитет солидарности стран Азии и Африки, подолгу бывал в загранкомандировках. Топчибашев хворал.

Замены друзьям не бывает. Когда вы оглянулись и увидели, что кругом ни одного друга, — знайте, пора уходить.

При встрече они словно бы читали в глазах друг друга беспокойство за положение дел в Академии. Мустафа-бек недоумевал: «Куда подевался дух высокой учености? Что стало с нашим Олимпом?» Мир-Али: «Прервалась связь времен. Нас постигло худшее, что может быть в истории, — забвение традиций».

И оба они должны были присутствовать при шоу, которое регулярно устраивает президент при аттестации сотрудников Академии. Он лично проверяет знания историков, литераторов, химиков, математиков, немало не смущаясь возникающих при этом конфузов.

— Ваша последняя работа? — спрашивает он у философа Джангира Эфендиева.

— Эстетические воззрения средневекового Ирана, — отвечает философ.

— Сколько раз вы ездили в Иран?

— Ни разу. Шах не пускает.

— А как можно писать об иранской философии, не побывав в Тегеране? — искренне возмущается президент.

— Представьте, профессор, возможно. Например, Эммануил Кант никогда не летал в космос, однако это не помешало выдвинуть космогоническую гипотезу и высказать предположение о существовании большой вселенной вне нашей галактики...

И так — день за днем.

Это уже была совсем не та Академия, которую они возводили с таким вдохновением и полной отдачей сил.

Он понимал: лучшие годы прошли, совсем другая жизнь стучалась и в

его двери. Но все меньше оставалось сил сопротивляться новым веяниям, грозящим разрушить то, чем и во имя чего он жил. И почти не осталось людей, с которыми можно было бы поделиться мыслями, облегчить душу от накопившихся сомнений. Никогда раньше не чувствовал он столь остро свою одинокость и почти физическое ощущение множества липких пут на своем теле.

Неужто и вправду он, мечтавший в юности о высоком полете, на склоне лет уподобился осторожному тетереву, никогда не попадающему в силки, но в упоении от своей главной песни не видящему, что на него внимательно смотрят два глаза и дуло ружья?

Он понимал, что на него началась охота, и знал, чьи то были глаза и в чьих руках находилось это ружье. Но ни сдаваться на чью-то милость, ни паниковать, ни, тем более, вооружаться для своей защиты от кого бы то ни было он не собирался. У него всегда было под рукой единственно нужное ему лекарство от меланхолии и депрессии — любимое дело, которое вряд ли кто мог у него отнять. Только разве вместе с головой.

Может быть, именно тогда и сформировалась давно вынашиваемая им мысль, на которую натолкнул найденный случайно в горах причудливый камень: изумруд, сращённый с булыжником. Две чужеродные и, по существу, враждебные друг другу сущности. С одной стороны — драгоценный камень, с другой — грубая масса исходной материи. Не таково ли раздвоение человеческих помыслов и исканий, неизбывное противостояние индивида и общества?

Изумруд, как и человек, рвется прочь из грубой породы, а она держит его бульдожьей хваткой. И нет ничего, кроме умной и осторожной внешней силы, способной расчленив это сращение, причем всегда — в пользу драгоценного камня...

*

Еще в 1957 году М. Кашкай вместе с доктором химических наук Исой Селимхановым занялся изучением «белых пятен» древней металлургии. Этой работе предшествовала длительная дружба ученых, завязавшаяся при обстоятельствах незабываемых. Сразу после войны на прием к академику-секретарю явился молодой человек, химик, который никак не мог найти себе применение в стране, остро нуждавшейся прежде всего в ученых-химиках. Оказалось, дипломированного химика готовы были взять и на производство, и в научно-исследовательские институты, да, прослышав его

историю, предпочитали уклониться от повторной встречи.

Биография Исы Селимханова, так звали молодого человека, имела серьезный изъян — он побывал в немецком плену. Выслушав просителя, академик-секретарь занялся его трудоустройством — на свой страх и риск. В кадрах предупредили: «Не связывайтесь! Неприятностей не оберетесь!» Такого рода опасения и предупреждения только раззадоривали Кашкая. В конце концов И. Селимханову нашлось место в одной из лабораторий, и с этого примечательного факта родилось новое направление в азербайджанской науке, чудесным образом соединившее химию, геологию и историю.

Кашкая увлекли идеи Селимханова, связанные с историей развития металлургии и древних металлов. Специалистов интересовал вопрос: действительно ли самородная медь была первым металлом, использованным человеком на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке? Загадочной оставалась проблема применения в древности олова, никеля и даже алюминия в качестве присадок к меди. И такой, казалось, несложный вопрос: откуда доставлялось олово для снабжения тех районов древней металлургии, где не было оловянных месторождений? Исследования М. Кашкая показали, что олова на Кавказе не могло быть.

Академик Теймур Бунятов:

«Селимханов с Кашкаем одни из первых применили спектральный анализ. Благодаря их работам раскрылась куда более сложная картина химического состава металлических предметов, найденных не только в Азербайджане, но и на всем Кавказе. Спектральный анализ показал, что древние металлические изделия действительно «безоловянные». Зато в составе их много мышьяка! Значит, на Кавказе древние металлурги плавил не оловянную бронзу, а мышьяковую. А чуть позже и мышьяково-никелевую».

Пришла пора обобщить полученные данные, выдвинуть новую точку зрения относительно эпохи «ранней бронзы». Суть обоснований М. Кашкая и И. Селимханова сводилась к следующему: в древности мышьяковую бронзу получали путем совместной плавки мышьяковых минералов: реальгара и аурипигмента, богатые месторождения которых имеются в Закавказье. А находки в Азербайджане форм для отливки предметов и анализ их подтвердили, что здесь изготавливались медно-мышьяковые предметы: оружие и орудия труда, быта, относящиеся к глубокой древности.

Споры, возникшие вокруг новой теории по истории металлургии, наилучшим образом отвлекли М. Кашкая от тягучей академической текучки и нескончаемых интриг. Он вновь окунулся в свою стихию, всецело отдавшись течению научной мысли, которая его поглотила, увлекла и увела в иные эпохи и времена. Никакой врач не смог бы придумать лучшего способа отвлечься. Дискуссии, развернувшиеся вокруг научных версий азербайджанских ученых, связанных с развитием металлургии на Кавказе и в Азербайджане в частности, всецело и надолго поглотили Кашкая. Его рассказы, выступления, связанные с новым научным увлечением, звучали молодо, интересно, свежо.

— Противники нашей теории, — увлеченно спорил М. Кашкай со своими оппонентами, — нередко ссылаются на то, что олово в больших количествах невозможно было перевозить из Малайзии в Европу — тогда средства передвижения были очень примитивными. До недавнего времени все считали, что Колумб открыл Америку. Однако новейшие исследования показали: древние мореплаватели — норманны, японцы — задолго до него побывали на американском материке. В свою очередь, южноамериканские индейцы на своих плотах пересекали Тихий океан и добирались до Полинезии. А на острове Пасхи они оставили свои «визитные карточки» — огромные каменные статуи. Все это блестяще доказал знаменитый путешественник Тур Хейердал. Так почему же олово не могло попасть в Европу из Малайзии через Китай, Индию, Афганистан? Ведь здесь, под ногами у людей, была суша, что, естественно, гораздо упрощало задачу...

Итогом этого сотрудничества — геолога и химика — явилась интереснейшая книга об истории металлургии, которую специалисты считали серьезнейшим вкладом в историю развития древних культур не только Азербайджана, но и Кавказа в целом. Она как бы еще раз подчеркивала особенность научного мышления М. Кашкая — его широту и всеохватность. В результате неожиданного «путешествия» в бронзовый век он окончательно забросил мысль о переезде в Москву. Этому его решению способствовало еще одно жизненное обстоятельство.

В 1975 году однажды позвонил ему Кара Караев с просьбой встретиться и посоветоваться «по одному крайне важному вопросу». М. Кашкай любил великого композитора, радовался его успехам, его Ленинской премии и тому, что «Карик», как называли композитора его друзья, был избран секретарем Союза композиторов СССР. Но и переживал немало за своего друга, зная об атмосфере непонимания и зависти, которая постоянно окружала композитора.

Караев в тот день, как всегда, много курил. Было видно, что он чем-то

мучается и не может найти выхода.

— Я окончательно перебираюсь в Москву, и мне предстоит определиться с моим архивом. В нем рукописи, книги, письма, словом, огромное наследие. Оставлять ли его в Баку или везти в Москву?

Для Кашкая в этом вопросе не было дилеммы. Его совет был таков: «Кара, ты принадлежишь азербайджанскому народу, и этим все сказано. Что бы здесь, в Баку, ни происходило, какие бы интриги вокруг тебя ни плелись — все это ничто по сравнению с тем, что вышло из-под твоего пера. Ты оставляешь архив не местным бюрократам, а завещаешь своему народу. Я свято верю в это, как верю в прогресс, в науку».

*

...А утром он вновь обнаружил на столе письмо начальника отдела кадров: «Напоминаем Вам, что срок Вашего избрания истекает 16 марта 1976 г.». Прочел, усмехнулся и продиктовал несколько строк президенту: мол, срок академика-секретаря действительно истекает 16 марта 1976 года, но к чему ему об этом напоминать, коли вот уж как два года академик М. Кашкай переведен на штатную должность члена Президиума АН Азербайджана?

В Академии ни для кого уже не было секретом, что на место М. Кашкая подыскивают нового человека. Называлось даже имя вероятного кандидата. Впрочем, его вычислить не составляло особого труда, ибо люди, наученные безошибочно угадывать пристрастия нового начальства, видели, что бессменный академик-секретарь никак не вписывается в рамки новой кадровой политики. Впрочем, в ту пору возню вокруг Кашкая в высоких инстанциях объясняли куда как просто: молодой, энергичный президент жаждет влить «свежую» кровь в академические структуры, придать всей работе АН больше динамизма, добиться большей отдачи и эффективности.

Истинные причины удаления М. Кашкая, да и других заметных фигур, стали ясны много позже, когда открылись шлюзы для заполнения академического корпуса «своими» людьми.

Но в целом процесс разложения научной среды начался в середине 70-х. Впрочем, это тема другого разговора, а тогда, в описываемый день, наш герой получил дополнительно весомый аргумент в пользу своей немедленной отставки. Одна из сотрудниц геохимической лаборатории обратилась к нему с просьбой помочь сыну в поступлении в университет. «Парень с отличием закончил школу, но каждый раз ему искусственно

занижают оценки», — уверяла она. На недоуменный вопрос профессора: «Как же такое возможно?» — она вдруг завелась, и ее нельзя было уже остановить: «Это становится неизбежным, уважаемый профессор, потому что дети партийных работников поступают по высочайшей протекции, а отпрыски торгашей — за деньги!»

Бесстрашно глядя в расширившиеся от удивления зрачки академика, она продолжала: «Может быть, вы не знаете и того, что давно существует такса на факультеты. Самые высокие цены на юрфаке и востфаке. Вы, конечно, очень удивитесь, но на геофаке много не берут. В мединституте приемом занимается не комиссия и не ректорат... Профессор, я слишком вас люблю и уважаю, чтобы продолжать этот недостойный вас разговор. Но поверьте, за пределами вашего кабинета — другая жизнь! Ваши представления о ней безнадежно устарели!»

Сумбурная речь несчастной женщины наилучшим образом доказывала то, в чем он не хотел себе признать. Он действительно зарылся в науку и не заметил новых поветрий. Все эти люди — и сын, согласный за деньги получить образование, и родитель, покупающий диплом, и педагог, обучающий за взятку, — вдруг словно встали перед его мысленным взором в полный рост... Он не был настолько наивным, чтобы не понимать, что это уже не отдельные факты, а ставшая грозной реальностью деградация системы, в которой он сам занимал далеко не последнее место. Неожиданно подумалось: «А ведь права лаборантка, я безнадежно отстал и по большому счету занимаю чужое место. В этом кабинете должен сидеть другой человек, и тогда между академическими кабинетами вновь возникнут столь необходимые для рабочей атмосферы гармония, взаимопонимание, взаимосвязанность и единство устремлений. В этом оркестре мне уже не играть. Я создаю только диссонанс».

«Прошу освободить от занимаемой должности...»

Он отказался враз от всего — и от должности академика-секретаря, вместе со всеми благами и льготами, представляемыми этой важнейшей ключевой позицией в Академии, от председательства в Комиссии по развитию естественных производительных сил республики, чем особенно гордился, от обязанностей члена редколлегии журнала «Наука о Земле».

Должности и посты, сколь бы они ни значили, были ничто по сравнению с главной целью его жизни — служением науке. Он, в сущности, освобождал себя от пут, которые мешали ему довести до конца важнейшую работу последних лет. Она представлялась ему особенно важной, как бы заключительным этапом в его долгом научном поиске. Речь идет о геохимической карте Азербайджана, к составлению которой до

Кашкая никто не подступался.

*

Из архива академика Кашкая:

«Зав. фондом Института геологии АН Азерб. ССР тов. Хусид Ф. С.

Во исполнение постановления Президиума от 26 декабря 1976 года и Ученого Совета Института геологии отделу геохимии и минералогии рудных месторождений поручено завершение весьма трудоемкой работы — «Геохимическая карта Азербайджана».

Для выполнения этой работы необходимо использовать большое количество фондовых отчетов Института, Управления СМ Азерб. ССР по геологии и других организаций.

В связи с этим прошу указанных нижеперечисленных сотрудников Отдела ГМРМ Института оформить в соответствующих инстанциях для использования секретных материалов...

Руководитель Отдела ГМРМ Института геологии АН Азерб. ССР

Академик М. А. Кашкай

17 февраля 1976 г.»^{[136](#)}.

Он не впервые брался за составление карты. В этом деле М. Кашкай обладал наибольшим опытом. В течение последних двадцати лет он периодически участвовал в подготовке и издании различных карт. В библиографическом издании, вышедшем в 1967 году, имеется отдельный раздел — «Карты, составленные М.-А. Кашкаем». Упоминаются геологическая, геотермическая, сейсмическая карты Азербайджана и карта полезных ископаемых Азербайджанской ССР. Каждая из них как бы подводит итог его деятельности в определенном направлении.

Вышеприведенное официальное обращение явилось итогом длительных раздумий и предварительной разработки вопроса. Задолго до этого, точнее, в июле 1975 года, М. Кашкай писал в Москву из звенигородского санатория своей дочери Хабибе: «Нынче мы стали курортниками. Не трудно представить наше житье — вкусно едим, много гуляем по живописным окрестностям, по вечерам смотрим кино. Вроде бы, что еще человеку надо? Однако охватила меня одна идея, которая не дает покоя и заставляет просыпаться в 5 утра, как и всю жизнь. Я занялся изучением принципов составления геохимической карты. И связано это с одной целью — разработкой новой проблемы — «Геохимической карты

Азербайджана». Эта карта в нашей геологической науке явится совершенно новым начинанием. Я думал и размышлял об этом давно. Сейчас же приступил непосредственно к реализации идеи и потому впервые раскрываю тебе свой секрет»^[137].

Год спустя, летом 1976 года, он сообщал: «В последние дни по старой привычке вновь перебрался на наш балкон. Я, будучи в Звенигороде, частенько наведывался в Москву и привез кучу интереснейших материалов. Остается только составить план и приступить к его осуществлению в официальном порядке»^[138].

Так он вплотную занялся задачей огромного практического значения — составлением геохимической карты страны, которую исходил вдоль и поперек и в недрах которой для него не оставалось тайн. Составить геохимическую карту — значит вооружить республику своеобразным компасом, который и через 100 лет подскажет, где и что лежит, как происходило формирование полезных ископаемых на территории, каких именно и в каком количестве.

Решение такой задачи было по плечу не каждому. Ее мог выполнить только человек с энциклопедическими знаниями о Земле вообще и азербайджанской в частности.

Это была работа для геолога универсального типа, каковым и являлся Кашкай.

Уже через полгода он пишет в Оргкомитет совещания по проблемам минерального сырья Академии наук СССР: «В ходе работы над составлением геохимической карты Азербайджана выявлен ряд закономерностей в распределении рудогенных, в том числе редких элементов. Мною разработана методика составления такой карты на структурно-формационной основе. Поэтому прошу, кроме моего коллективного доклада, включить второй мой доклад на тему: «Геохимические критерии поисков и наращивания ресурсов минерального сырья в пределах Азербайджана»^[139].

Работа над картой продвигалась поразительно быстро, и уже в конце декабря М. Кашкай обратился к академику-секретарю отделения науки о Земле, тогда еще члену-корреспонденту АН Азербайджанской ССР Митату Аббасову с просьбой: «Постановлением президиума АН Азербайджанской ССР (от 26.XII.1976 г. № 62) мне было поручено завершить геохимическую карту республики в масштабе 1:600 000. Эта весьма трудоемкая работа, требовавшая многих лет работы, закончена в указанный в постановлении короткий срок. Однако необходимо заполнить чертежные работы. Институт

геологии выделил чертежников для оформления геохимической карты республики и приложения к ним»^[140].

Новая работа увлекла его. М. Кашкай был вновь, как и в прежние годы, на подъеме. Новый, 1977 год он встречал в приподнятом настроении, словно бы сбросил груз последних нелегких лет. Он выглядел быстрым, подвижным, много шутил. Когда принесли ему постановление президиума Академии наук «О подготовке к юбилею 70-летия академика Мир-Али Кашкая», заметил: «А тут нет ошибки? Точно — 70-летие?» Увы, празднество пришлось перенести на неопределенные сроки — в самом начале января, поздно вечером Улдуз-ханум пришлось сделать то, чего ей никогда не приходилось делать: вызвать для мужа «скорую помощь».

Врачам недолго пришлось трудиться, чтобы поставить диагноз — инфаркт. Чуть позже, после консилиума, последовало уточнение — обширный инфаркт миокарда. Впрочем, пациент в реанимационной пробыл недолго. Его состояние быстро улучшалось, а когда оно перестало внушать врачам опасение, ему даже разрешили заняться картой, мысль о которой ни на минуту не покидала академика. Просмотр ранее подготовленных разделов очень скоро сменился приглашением машинистки, которой неоправившийся еще окончательно от болезни академик надиктовывал теоретическую часть объемного картографического труда. Вслед за этим появились в палате сотрудники из лаборатории, с которыми он обсуждал проводимые исследования, консультировался о главном — геохимической карте Азербайджана. Рядом с ним все время находился сын Чингиз, к тому времени уже доктор наук, которому академик поведал свои соображения, связанные с картой.

Он словно бы чувствовал, что болезнь может прервать его работу, которую он считал венцом своей научной мысли, и стремился как можно быстрее завершить ее. На всякий случай он посвящал в особенности рукописи Чингиза, все время приговаривая: «Это — компас для потомков. Доведем работу до конца — будущие геологи, производственники не раз добрым словом помянут. Если я этого не сделаю, кто знает, кто еще возьмется за этот непростой труд?»

Палата как-то незаметно превратилась в рабочий кабинет, заполненный чертежами, диаграммами, стопками отпечатанного текста. Днем — диктовка, вечером — обсуждение готовых разделов, ночью — допоздна работа с рукописью. Это было слишком много даже для здорового человека. Однако всех убаюкали необычная энергичность, творческий подъем, юношеский блеск в глазах 70-летнего ученого, который нетерпеливо дожидался раннего утра, чтобы по старой привычке сесть за

рукопись. Здесь, в больничных условиях, и отметил он по-семейному свой семидесятилетний юбилей. Впрочем, в республике готовились к этому, как к знаменательному событию, предполагалось провести торжественное мероприятие после выздоровления академика. В один из дней позвонили из приемной первого секретаря ЦК: «С вами будет говорить Гейдар Алиевич!»

Г. Алиев говорил недолго, но тепло, с подчеркнутым уважением. Поздравив с юбилеем, он сообщил, что указом Президиума Верховного Совета СССР Мир-Али Кашкай награжден орденом Октябрьской Революции. То был его первый и последний разговор с руководителем республики. Звонок был знаком особого внимания, своего рода морально-политической поддержкой тяжело больного ученого.

Алиев умел строить отношения с интеллигенцией, дорожил близостью с наиболее выдающимися ее представителями. Он знал: Кашкай — последний из «могучей академической кучки». Это имя — святое для многих в Азербайджане, ценимо и узнаваемо в Москве, Ленинграде — в СССР.

Позже стало известно, что руководство Академии, как это не раз случалось и ранее, придержало отправку документов, и представление к награде поступило в Москву с опозданием.

Из воспоминаний Улдуз-ханум:

«Кашкай не особенно добивался каких-то наград, почетных грамот, которыми увлекались в ту пору многие. Позже подсчитано было, что Мир-Али Кашкай являлся членом многих научных обществ и организаций международного, союзного и республиканского значения. Награды и почетные титулы находили его вместе с широкой известностью. И все же они занимали его менее всего. Он исходил из того, что настоящий авторитет, подлинная любовь коллег, а шире — народа к своим выдающимся деятелям имеет иное измерение. Последняя правительственная награда — орден Октябрьской Революции — застала его уже в больнице. Все кинулись его поздравлять, посыпались телеграммы, без конца звонил телефон. Его же мысли были далеки от мирской суеты. Он весь был поглощен своей работой — геохимической картой. Состояние какого-то нетерпеливого ожидания охватило всех — его сотрудников и нас, домашних».

«Работа над картой завершена! Остальное — дело техники».

Это коротенькое письмо, оказавшееся последним, которое получила в Москве старшая дочь Хабиба, свидетельствовало о том, что академик

находится в прекрасной рабочей форме, и невольно думалось, что тяжелый недуг отступил перед напором научного порыва.

*

Кашкай разложил по папкам все материалы и передал их сотрудникам геохимической лаборатории, наказав как можно быстрее распечатать работу и передать картографам. Палата опустела. Наступила, наконец, больничная тишина. Улдуз-ханум, навестившая супруга, нашла его спокойным, уравновешенным и вполне здоровым. Единственное, что его беспокоило, — необходимость все еще находиться в больнице под наблюдением врачей. Однако они, видно, не зря тянули с выпиской академика из больницы. Была уже середина апреля, когда совершенно неожиданно для всех Кашкай сразил обширный инфаркт. Дежурный врач по неопытности никак не мог купировать боль у больного в груди, Улдуз-ханум бросилась к реаниматорам. Кашкай находился в состоянии полубытья. Из Москвы срочно прилетел близкий человек семьи, известный невропатолог. Ему почти удалось вывести больного из коматозного состояния. Хабиба, срочно вызванная из Москвы, где она готовилась к защите кандидатской диссертации, не узнала своего отца. Кашкай лежал под капельницей.

«Он изменился, выглядел каким-то просветленным, словно бы помолодел. Папа сильно похудел и смотрелся как на давнишней фотографии. У меня мелькнула мысль, что он похож на итальянца... С чего я так подумала, и сама не знаю. Может, эти ощущения были вызваны тем, что я всегда его воспринимала не просто как родное и близкое существо, которое я теперь теряла навсегда, а человеком мира, который, уходя, все же остается...

Те несколько мгновений, которые оставались у него до надвигавшегося забытья, он потратил на вопросы о состоянии моей диссертации... С Чингизом он не переставал говорить о том, что необходимо сделать при редактировании геохимической карты...»

*

Все кончилось поздно вечером, когда у пациента стал стремительно развиваться инсульт. Потом настал миг, когда врачи выходят к родным с тем

выражением лица, которое лишает их последней надежды.

Жизнь академика Кашкая оборвалась...

23 апреля 1977 года академик Мир-Али Сеид-Али оглы Кашкай удостоился всех ритуальных почестей, принятых в Советском Азербайджане.

Он был похоронен в Аллее почетного захоронения, своеобразном пантеоне азербайджанских знаменитостей, неподалеку от могил тех, с кем его связывало великое духовное братство — Узеиром Гаджибековым, Мир-Асадулла Мир-Касимовым, Юсифом Мамедалиевым.

В последний путь академика провожала вся научная элита республики, его многочисленные коллеги и ученики из Москвы, Киева, Новосибирска, Тбилиси и других городов СССР, пришли тысячи простых людей со всего Азербайджана, для которых он, как писали газеты, был символом настоящей учености, бескорыстного служения народу.

Александр Яншин несколькими днями ранее поздравил своего азербайджанского друга с 70-летием. Не отличавшийся особой словоохотливостью великий ученый на этот раз был особо щедр на слова признания и уважения, обращаясь к тому, кого он называл «талантливым и многогранным ученым, высококультурным и обаятельным человеком, неустанным тружеником, достойным сыном азербайджанского народа».

В этом коротком послании были и такие строки: «Вы обладаете всеми моральными качествами ученого: смелостью, честностью и мудрой сдержанностью ума и благородными чувствами. Такие люди, как вы, должны жить в веках».

Вряд ли найдешь лучшие слова для завершения жизнеописания нашего героя — Мир-Али Кашкая, одного из плеяды великих геологов XX века.

*

Барельеф на фасаде дома, в котором знаменитый академик прожил последние годы жизни, появился много лет спустя, вместе с первыми демократическими переменами, в 1990 году. Тогда же его именем была названа улица в Баку.

В годы же, названные позже застойными, об ученом вспоминали редко. По чьему-то приказу вынесли из Музея геологии Ярдымлинский метеорит и водрузили у входа в Институт физики.

Не менее драматичной складывалась и ситуация с 90-летием Кашкая уже в новом Азербайджане.

Призывы ученых отметить знаменательную дату никто не слышал. В конце концов инициаторы решили провести юбилейное собрание, но не в Президиуме Академии наук, а в Институте геологии, в котором не было ни электричества, ни отопления, что, естественно, вызвало возражение супруги покойного академика, заявившей, что один из основателей Национальной академии, ее бессменный академик-секретарь заслуживает большего почета и внимания. В последнюю минуту кто-то наверху дал добро на проведение юбилейного мероприятия в соответствии с установившимся порядком. А вслед за этим Ибрагим Бабаев, тот самый «Бала-Кашкай», о котором я писал выше, сообщил о том, что сгорел дотла архив Института геологии. В огне погибли многие экспонаты, архивные документы, книги, которые академик собирал практически всю жизнь.

То ли плохая проводка виной тому была, то ли кто-то таким вот образом решил одернуть излишне ретивого «Бала-Кашкай» — этого доподлинно выяснить не удалось, да и мало кого тогда серьезно интересовало.

Исчезла и знаменитая геохимическая карта вместе с пояснениями к ней, последние страницы которой он дописывал на смертном одре. Перерыли лабораторию, перетряхнули все папки с документами — объемистая многостраничная рукопись как в воду канула.

Вспоминает Рена Кашкай, племянница академика, научный сотрудник Института геологии НАНА:

«Он писал ее до последних дней своей жизни. Писал в больничной палате, куда каждый день приходили сотрудники геохимической лаборатории, как на работу. Наконец, в один из дней, поздно вечером он, как сейчас помню, откинулся в кресле, улыбнулся своей мягкой улыбкой и тихо проговорил: «Всё. Карта готова». И внимательно посмотрел на своих коллег. Мне кажется, коллектив лаборатории был в полном составе. Даже машинистка находилась в палате. Профессор диктовал ей «легенду» — так называется текстовая часть карты, в которой даются пояснения к изобразительному ряду, цветовой гамме, знакам, обозначениям. Короче, это своеобразный шифр к карте. Так вот профессор вручил ей текст, а саму карту, разрисованную от руки, передал одному из научных сотрудников: «Теперь дело за вами, точнее, за картографом».

Все мы кинулись поздравлять Кашкай, у нас, в тот вечер находившихся у академика, было прямо-таки праздничное настроение. Шутка ли сказать

— проделана огромная работа. И где — в больничной палате! Впервые в истории Азербайджана составлена геохимическая карта недр республики, своеобразный путеводитель геолога-практика. И сам профессор находился в приподнятом настроении, словно сразу помолодел, даже пошутил: мол, такие вещи надо бы отмечать, как положено. Кто бы мог подумать, что через два дня он вновь окажется в реанимационной...

Прошло не помню уж сколько времени, и как-то на заседании президиума отделения «Науки о Земле» я вдруг слышу, что Институт геологии включает в текущий план работу по разработке геохимической карты Азербайджана.

Мне показалось, что я ослышалась. Но нет, геохимическая лаборатория, та самая, которую многие годы возглавлял М. Кашкай и в распоряжении которой должен был находиться его последний труд, бралась в течение ближайших лет подготовить и издать собственную геохимическую карту.

— Но она же давно подготовлена! — не удержалась я.

Наступила неловкая тишина. После чего вопрос отложили «на потом», но более к нему не возвращались»...

Весьма загадочная история, если не сказать больше.

Было множество свидетелей работы над картой и ее передачи в руки двум сотрудникам лаборатории, очевидно, имевшим имена и фамилии, наверняка знавшим правила хранения такого рода документов. Существовала общая заинтересованность, в конце концов, в подобной уникальной разработке. И тем не менее карта исчезла.

Кто же закрыл рты знающим эту историю и кто связал руки державших переданные им ценнейшие материалы? Кто, нисколько не смущаясь дурно пахнущей ситуацией, заставил всех поверить в то, что никакой карты у М. Кашкая и вовсе не было?

Я не нашел ответа на эти вопросы, и мне остается лишь повторить за сказавшим сакраментальное: «О времена, о нравы!»

Нет, виной всем этим большим и мелким пакостям в отношении покойного ученого была не забывчивость людская, а та самая, чуждая духу Кашкая, область человеческой деятельности, которой он инстинктивно сторонился и всю жизнь избегал опасного с ней сближения, так, возможно, и не поняв до конца тщетности своих усилий. Чем дальше в горы уходил от нее геолог, тем неожиданней она взламывала невидимые стены, возведенные им вокруг собственного и, как ему, очевидно, думалось, лично

ему принадлежавшего мира. Она, политика, не оставила Кашкая в покое и после смерти, мстительно прошла по его прошлому, непрошеным гостем еще долго стучалась в двери его дома.

Какой же подловато-изобретательной она открывается внешнему взгляду, когда вдруг выныривает из своего привычного затхлого омута!

Так уж случилось, что В. Гусейнов, ставший, как помнит читатель, зятем Кашкая, длительное время являлся одной из заметных и влиятельных политических фигур республики. И все последующие события как бы естественным образом вытекали из этого факта...

Надо ли удивляться тому, что опала, последовавшая после распада СССР, немедленно сказала и на его ближайших родственниках?

За Реной Гусейновой, 17-летней студенткой Бакинского политологического института, пришли особы из спецслужб. Вагиф Гусейнов к тому времени уже эмигрировал в Москву, и спецслужбы, видимо, намеревались допросить по сему поводу его дочь. По счастью, несколькими минутами раньше Рена ушла домой, где ее мать, Хабибаханум, собирала вещи в связи с отъездом в Москву. Когда из института сообщили, что за Реной приходили люди «оттуда», она, недолго думая, бросила чемоданы и вместе с дочкой кинулась в аэропорт: шел 1994 год, в Баку то и дело бесследно исчезали люди, на улицах отстреливали политических деятелей, следственные изоляторы были забиты родственниками политических лидеров, впавших в немилость режима.

Так семья Гусейновых, зять, дочь и внучка национальной гордости азербайджанцев — академика Кашкая, оказалась в Москве.

*

В апреле 2007 года общественность Азербайджана отметила 100-летие академика. Азербайджанские геологи пригласили на юбилейные торжества коллег из Москвы, Грузии, Сибири, Казахстана...

Когда на научной сессии кто-то из ораторов стал долго перечислять имена воспитанников академика М. Кашкая, кто-то в зале воскликнул: «Да что тут считать! Все мы — ученики Кашкая».

Он ушел, но остался в памяти знавших, уважавших и любивших его людей. По его книгам сегодня учатся тысячи будущих геологов, живут его идеи, вдохновляющие молодых исследователей на новые изыскания, служат людям открытые им ценнейшие месторождения.

А значит, он, Мир-Али Кашкай, остался и долго еще будет здесь, на

нашей земле.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

И кто придумал, что Лондон окутан вечным серым туманом? Сегодняшнее утро было ясным и солнечным. Весна 2007 года, если верить прогнозам, тоже обещала быть жаркой.

Майкл Голдман раздвинул шторы в окне своего кабинета, выходящего на *Park Lane*. Этот оазис в центре многолюдного Лондона прекрасно вписывался в широкие проемы окна офиса юридической компании, которой Голдман руководил последние семнадцать лет. Иногда он позволял себе полюбоваться привычным ландшафтом парка, разноцветными стайками девушек и молодых людей, слетавшихся сюда после окончания занятий.

Ему было, конечно, что вспомнить по этому случаю, но он, как человек в высшей степени организованный и умеющий ценить время, всегда точно знал, каким делом ему предстоит заняться в каждую следующую минуту.

Он вернулся к своему столу и передал по селектору помощнице, что готов принять Ричарда Фишера, своего заместителя, вместе с его протеже. Это была формальность — интервьюирование юриста, которого компания намеревалась утвердить в новой должности. Но этой формальности, которой предшествовало множество обязательных процедур, придавалось большое значение. О лицах, стажировавшихся в фирме и, таким образом, реально претендовавших на работу в одной из известнейших международных юридических компаний, первоначально собиралось солидное досье. Материалы его тщательно изучались в департаменте кадров, затем следовало интервью-собеседование с руководителем подразделения, где предстояло работать новичку, знакомство с членами руководства, без одобрения которых кандидат не мог появиться в кабинете босса — Майкла Голдмана.

Таков порядок, заведенный предшествующими поколениями руководителей, и в компании не собираются от него отказываться, каким бы бюрократическим ни представлялся он в начале XXI века. Ричард Фишер терпеливо ждал, когда босс изучит досье адвоката, приглашаемого на работу, положение которого в значительной мере облегчалось тем обстоятельством, что он, точнее, она — Рена Гусейнова — уже почти два года работала в юридической компании.

Обладательница странной, неанглийской и, скорее всего, восточной фамилии знала безупречно (подчеркнуто руководителем департамента)

несколько европейских и азиатских языков, закончила UCL, третий по популярности после Оксфорда и Кембриджа университет, славившийся как раз своими выпускниками-адвокатами, и, несмотря на молодость, уже успела стать членом Общества адвокатов Англии и Уэльса — так сообщалось в *Curriculum vitae*, или, говоря канцелярским языком, CV.

Босс захлопнул папку, давая понять, что, в общем-то, удовлетворен ее содержанием. Теперь Фишер мог представить боссу будущую сотрудницу. За своего кандидата он мог не волноваться — хорошее знание права, отличная, цепкая память, деловая хватка, умение добиваться своей цели, в высшей степени контактна. Но вот фамилия... Фишеру хорошо были известны неписанные правила в компании, щепетильность, которую проявляло руководство в отношении людей с нетипичными фамилиями. Он внимательно следил за выражением лица босса, который поднялся навстречу вошедшей в кабинет стройной, черноволосой, с сияющими глазами девушке.

«Если б не досье, ее можно было бы принять за итальянку», — подумал Голдман, приветливо улыбнувшись вошедшей и пригласив ее сесть. Несколько дежурных вопросов, ряд уточнений по делам, которые она вела в компании. Прошлись бегло по особенностям финансового права США и Великобритании.

Откинувшись в кресле, Голдман внимательно вслушивался в комментарии девушки, невольно залюбовавшись ее осанкой, умением держаться и чистым *Oxford English*.

— Мисс Гусейнова, — вдруг обратился он к ней, внезапно приняв решение изменить тему беседы. — В вашей биографии мое внимание привлекла одна деталь. Ведь вы носите фамилию отца?

— Мой отец...

— Нет, нет, я вовсе не о нем. Я в данном случае о вашей матери — Кашкай. Это тоже азербайджанское имя?

— Эту фамилию в Азербайджане носят только представители рода моего дедушки — Мир-Али Кашкая. Его хорошо знали в Азербайджане, Советском Союзе, да и широко в мире. Он был знаменитым геологом, наверняка его имя известно и в соответствующей среде Англии. Мир-Али Кашкай был действительным членом Королевского минералогического общества Великобритании...

Ее собеседники мельком переглянулись, и Голдман понимающе улыбнулся:

— Ваш дедушка, должно быть, был первооткрывателем бакинской нефти? Нефть приносит геологам славу и деньги.

— Не только нефть. Мой дед не занимался нефтью, но зато среди его открытий были месторождения золота, платины, молибдена, алунитов. Ведь он был петрографом.

М. Голдман не очень ясно представлял себе, чем занимаются представители названной геологической специальности, но наличие такого количества драгоценных металлов в послужном списке геолога Мир-Али Кашкая впечатляло. Действительный член Королевского минералогического общества — это чего-то стоит.

Они — босс и его заместитель — снова переглянулись. И Фишер понял, что его ассистент-адвокат отныне является адвокатом юридической компании Голдмана.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИР-АЛИ КАШКАЯ

1907, 7 января — В Елизаветполе (Кировабад, Гянджа), в большой семье представителей старинного рода родился Мир-Али Сеид-Али оглы Кашкай.

1912— М. Кашкай поступает в Гянджинскую гимназию.

1919 — Под пулями напавших на дом бандитов погибают мать Мир-Али Хабиба-ханум, его дядя Джамиль, ранен он сам, его братья и сестры.

1920 — М. Кашкай зачисляется в местный театр артистом, а затем — руководителем оркестра. На зарабатываемые им деньги живет практически вся семья, лишившаяся средств к существованию.

1923 — Покидает Гянджу и уезжает в Баку.

1924 — Поступает на первый курс геолого-разведочного отделения горного факультета Азербайджанского государственного политехнического института.

1930 — После завершения учебы направляется руководителем геологоразведочных работ на Загликском месторождении алунитов.

1930–1935 — Годы учебы в аспирантуре Петрографического института Академии наук СССР (Ленинград), экспедиционные выезды на Северный Кавказ, Азербайджан, в Сибирь. Итогом сибирских экспедиций явились три научные статьи, опубликованные в трудах Петрографического института, в издательстве Академии наук СССР под редакцией Совета по изучению природных ресурсов.

1934 — Кашкай изучает минеральные источники Исти-Су в Азербайджане, собирает материалы для кандидатской диссертации. Минеральные источники впоследствии станут отдельным направлением его научной деятельности.

1935 — Успешная защита кандидатской диссертации в Москве, на заседании квалификационной комиссии Института геологических наук Академии наук СССР. Возглавив один из отрядов Северокавказской петрографо-геохимической экспедиции Академии наук СССР, выезжает изучать полезные ископаемые в Карачаевской автономной области. Итог командировки — научная статья «На северном склоне Главного Кавказского хребта», в которой даются характеристики полезных

ископаемых Северного Кавказа.

1935–1936 — Работает ученым специалистом Сектора геологии Академии наук СССР в Москве под руководством профессора П. И. Лебедева.

Составление геологической и геохимической карты обширных территорий Алтая, Западной Сибири, Северного Кавказа — главный итог российского периода в жизни азербайджанского ученого.

1936 — Возвращается на родину, где зачисляется старшим научным сотрудником АзФАН и доцентом кафедры геологии университета. В горах Малого Кавказа возглавляемая им экспедиция открывает шесть новых месторождений хромитов — ценнейшего сырья для металлургической промышленности, месторождения серного колчедана (необходимого для переработки нефти) и железного сурика. Совместно с молодыми учеными К. Ализаде, Г. Эфендиевым, Ш. Мамедзаде выпускает книгу «Термины по геологии» (на русском и азербайджанском языках).

1937–1938 — Вместе с видным азербайджанским геологом Ш. Азизбековым по поручению Азербайджанского филиала Академии наук СССР и Закавказского отделения Союзредметразведки производит геолого-петрографические работы в зонах распространения листовенитов на Кавказе и в Северной Осетии. Определение и уточнение полезных ископаемых республики становится частью научного замысла докторской диссертации.

Через год в соавторстве с Ш. Азизбековым выходит его первая монография «Листвениты Закавказья».

1939 — Женится на Фариде, внучке Рашид бека Эфендиева, дореволюционного просветителя, писателя, драматурга, педагога.

Родившийся в 1941 году сын Чингиз пойдет по стопам отца, станет впоследствии крупным специалистом в области экспериментальной геологии.

1941–1945 — В первые месяцы войны публикует брошюру «Роль геологии и стратегического сырья в современной войне», выполняет многочисленные оперативные правительственные поручения по изысканию заменителей дефицитных материалов.

Награждается орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1942 — На заседании ученого совета Геологического института им. И. М. Губкина АзФАН защищает докторскую диссертацию «Минералогическо-петрографические исследования в области основных и ультраосновных пород Азербайджана».

В этом же году от сердечного приступа умирает средний брат Мир-Таги, и его дети — Солмаз и Рена — становятся членами семьи академика и также станут впоследствии учеными.

1945, 27 марта — В созданной Академии наук Азербайджанской ССР М. Кашкай утверждается академиком-секретарем.

1946 — Утвержден в звании профессора по Азербайджанскому государственному университету им. С. М. Кирова, избран действительным членом и членом правления Всесоюзного минералогического общества, становится председателем Азербайджанского отделения ВМО.

Командируется в Иран в составе Комиссии Министерства цветных металлов СССР для изучения полезных ископаемых Южного Азербайджана.

1947 — Кашкай вступает во второй брак с Улдуз, дочерью Мир-Дамата Сеид-Гусейн оглу, скромного бухгалтера из Гянджи. Их совместная жизнь окажется долгой и счастливой. Старшей дочери он даст имя своей матери — Хабибы, младших назовет Айбениз и Гюльбениз.

1949 — На квартире академика арестовывается его родная сестра Рахшанде. Вместе с мужем Фаррухом Рафибейли она ссылается на долгие годы в Сибирь. Заботу о их детях возьмет на себя М. Кашкай.

1951 — Выполнение правительственных заданий — составление карт: геологической, полезных ископаемых и сейсморайонирования Азербайджанской ССР.

М. Кашкай добивается решения одного из своих главных научно-практических проектов — принимается правительственное решение за подписью И. В. Сталина о развитии в Азербайджане курортной зоны Исти-Су как всесоюзной здравницы. В Кельбаджарах разворачиваются научные исследования в области гидрогеологии, климатологии, бальнеологии.

1952 — Издательством АН Азербайджанской ССР выпускаются фундаментальные работы с участием М. Кашкая — монографии «Геология Азербайджана (геоморфология, стратиграфия)» и «Геология Азербайджана (петрография)».

Выходит в свет обширная монография «Минеральные воды Азербайджана», охватывающая все многообразие азербайджанских минеральных источников, их свойств и целебных качеств.

М. Кашкай избирается в руководящие органы оргкомитетов I Всесоюзного петрографического совещания в Москве (1952), Ташкенте (1957), Иркутске (1963), всесоюзных металлогенических конференций в Алма-Ате (1958) и Киеве (1960), становится членом редколлегии всесоюзного журнала «Советская геология». Заслуги ученого отмечаются

очередной правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

1956 — Впервые участвует в работе самого представительного форума геологов мира — Международного геологического конгресса (Мексика). В дальнейшем становится неизменным участником всех авторитетных научных симпозиумов, посвященных проблемам геологии.

1957 — Открывает в Кельбаджарском районе республики месторождение полезных ископаемых перлита и обсидиана (одно из крупнейших в мире), очень важных для народного хозяйства. По его проекту вскоре начинается промышленная разработка месторождения. Научным итогом открытия явилась монография «Перлиты, обсидианы, пехштейны и их минералого-петрографические и физико-химические особенности» (1961 год, совместно с А. Мамедовым. Издательство АН Азербайджанской ССР).

Работы азербайджанского ученого вызывают большой интерес за рубежом: следуют приглашения в Англию и Шотландию на 300-летие Геологического общества Англии, на сессию Британского минералогического общества, затем в Чехословакию для чтения лекций в Карловом университете, на сессию Международной минералогической ассоциации в Швейцарии.

1958 — Избран действительным членом Британского и Ирландского минералогических обществ. На следующий год становится действительным членом Минералогического общества США, а с 1962 года — Общества геологии и полезных ископаемых Японии. Командировка в Северо-Курильск, в район действующего вулкана Эбеко, где обычно собираются вулканологи со всех концов СССР. Изучение «информации», поступающей из недр Эбеко, позволяет уточнить представления об образовании рудных месторождений, узнать их природу и на основе собранного материала вести поиски полезных ископаемых в других районах СССР.

Исследования Кашкая о палеовулканических процессах в Азербайджане — особая страница в научных исканиях ученого.

1959 — М. Кашкай срочно снаряжает экспедицию на юг республики в Ярдымлинский район, на место падения метеорита. Экспедиция находит пять осколков космического «посланца».

1962 — В Баку выходит монография «Металлогения Азербайджана».

1964 — В течение ряда лет вместе с доктором химических наук Исой Селимхановым занимается изучением «белых пятен» древней металлургии. Обнаружение в составе древних металлических изделиях мышьяка производит настоящий переворот в представлениях историков о бронзовом

веке Кавказа. Сообщение об этом, сделанное Кашкаем в «Трудах первой закавказской конференции по истории наук о Земле» (совместно с И. Селимхановым), становится сенсацией в научном мире.

1965 — Выходит монография «Листвениты, их генезис и классификация» (совместно с Ш. Аллахвердиевым) — своеобразное развитие его первой работы 30-х годов.

1966 — В Баку издается монография «Петрология и металлогения магматических формаций Малого Кавказа (бассейн р. Тутхун)». В Москве издательством «Недра» выпускается другая монография, написанная совместно с Г. П. Тамразяном — «Поперечные (антикавказские) дислокации Крымско-Кавказского района, их роль в магматизме и закономерностях размещения полезных ископаемых», а также «Геотермическая карта Азербайджана» (совместно с С. А. Алиевым).

1967 — Информационные агентства распространяют новость: космические съемки подтвердили установленные М. Кашкаем закономерности залегания основных и ультраосновных пород.

К 60-летию М. Кашкай московские друзья и коллеги подготовили к печати его капитальный труд «Петрология и металлогения Дашкесана и других железорудных месторождений Азербайджана» (издательство «Недра»). Используя новейшие методы исследования, М. Кашкай изучил и описал 110 минералов Дашкесана — почти половина их не была до того известна специалистам. Включается в Пагуошское антивоенное движение ученых мира. В Швеции выступает с докладами «О хищнической эксплуатации недр» и «Об Арабском Востоке и его природных богатствах».

1969 — М. Кашкай получает «добро» на американское приглашение семилетней давности посетить научные центры США. Лекции и доклады азербайджанского ученого-геолога проходят с большим успехом. Он отказывается от предложения остаться работать в США.

1971 — Выход в свет двухтомной монографии «Алуниты, их генезис и использование» (издательство «Недра») — первой в мировой литературе капитальной работы, обобщающей современные знания об алунитах.

1973 — Поздней осенью прямо на трибуне академического заседания М. Кашкай теряет сознание — инфаркт. Академик уезжает в Звенигород, свое любимое место отдыха под Москвой, и надолго отходит от своих академических дел.

1976 — М. Кашкай подает заявление об освобождении от всех должностных обязанностей и в декабре завершает работу над «Геохимической картой Азербайджана», оказавшейся весьма трудоемкой и, как выяснилось, последним трудом геолога. Он завершит его весной 1977

года, когда республика готовилась торжественно отметить 70-летие именитого ученого-геолога. Но увидеть свой последний труд опубликованным ему было не суждено...

1977 — Награждение орденом Октябрьской Революции.

1977, 23 апреля — академик М. Кашкай скончался. Похоронен в Аллее почетного захоронения в Баку.

ИЛЮСТРАЦИИ

М. Касанов

Таким Мир-Али предстал перед Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом

В студенческие годы

В кругу семьи

*Великий композитор Узеир Гаджибеков хотел видеть одаренного
юношу из Гянджи скрипачом*

Научный руководитель М. Кашкая Ф. Ю. Левинсон-Лессинг

Д. С. Белянкин

В. И. Вернадский

А. Е. Ферсман

Исти-Су (Кашкай — в первом ряду второй справа). 1930-е гг.

Миссия в Тебризе. 1944 г.

*Самый молодой представитель «могучей кучки» академиков
Азербайджана Мир-Али Кашкай. 1945 г.*

А что, профессор, может, устроим скачки?

Кельбаджары, 1950-е гг.

С женой Улдуз. Июль 1947 г., г. Кировабад

Годы семейного счастья...

Мексика. Участники Международного геологического конгресса. 1956 г.

Экспедиция в Дашкесане. Август 1955 г.

Заседание кафедры кристаллографии, минералогии и петрографии

В экспедиции. 1960-е гг.

Первый состав Академии наук Азербайджана (Кашкай — во втором ряду третий справа). 1945 г.

На геологическом конгрессе

Годы признания

*Международный геологический конгресс. Запоминающаяся встреча с
Дж. Неру. Дели, 1964 г.*

Приезд в Баку президента Академии наук СССР М. В. Келдыша (Кашкай — крайний справа). 1972 г.

Международные геологические конгрессы — это традиция. (Кашкай — на переднем плане справа)

М.-А. Кашкай (второй слева в первом ряду) среди сотрудников своей лаборатории. 1970-е гг.

Сотрудники лаборатории Кашкай — И. Бабаен и сын Ч. Кашкай. 1970-е гг.

Дочь Айбениз с детьми Мехти и Лейли

С внучкой Реной

***Рена Гусейнова — внучка академика Кашкая, адвокат, действительный
член Общества адвокатов Англии и Уэльса***

Как много пройдено дорог...

INFO

Агаев Р. Г.

А 23 Мир-Али Кашкай / Расим Агаев. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 284[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1146).

ISBN 978-5-235-03119-7

УДК 551.26:001(479.24)

ББК 26.332(2)

Агаев Расим Гусейнович
МИР-АЛИ КАШКАЙ

Главный редактор *А. В. Петров*
Редактор *А. П. Житнухин*
Художественный редактор *Е. В. Кошелева*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *И. В. Аветисова, Т. И. Маляренко*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 20.05.2008. Подписано в печать 09.09.2008.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 15,12+0,84 вкл. Тираж 1500 экз.
Заказ 83864.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>.
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцеская ул., 21.

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Д. Меекс, К. Фавар-Меекс

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ

С. Зегидур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАЛОМНИКОВ В МЕККЕ

Л. Ренъё

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ IV ВЕКА

И. Курукин, Е. Никулина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТАИНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Н. Будур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Ж. Каркопино

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ

Ж. Мартино

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Ж. Монгредьен

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМЕДИАНТОВ
ВО ВРЕМЕНА МОЛЬЕРА

В. Бокова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

О. Елисеева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕКАТЕРИНЫ

notes

Примечания

Историки считают, что кашкайцы — это тюрки, разместившиеся поначалу на Кавказе. Затем они долгое время проживали в области Ардебиль и в конце концов осели в области Фарс. По имеющимся свидетельствам, они отличались особой сплоченностью, привязанностью к своему роду, племени, земле. Эта особенность скреплялась давними обычаями, традициями, семейными, родственными узами, наконец, общностью образа жизни. Принцип «единства крови» и был той основой, благодаря которой кашкайцы сохраняли свою самобытность. Их независимый нрав пугал персидских правителей, поэтому область их проживания не раз становилась объектом военного вторжения. Известно, что племенные роды возглавлялись богатыми, наиболее культурно продвинутыми представителями знати. Они владели табунами породистых коней, стадами овец, пастбищами, занимались и ремеслами, были, например, великолепными знатоками ковроткачества, а со временем активно приобщились к купеческому, как сказали бы сейчас, бизнесу. Сегодня кашкайцы, после азербайджанцев и туркмен, третья по численности народность Ирана. Проживают они в основном в провинции Фарс. Их численность — 780 тысяч человек (1992 год). Говорят на диалекте азербайджанского языка.

40-е годы — период становления Академии как организации, как единого научного центра. К этому времени в республике насчитывалось 66 научных учреждений, в которых трудились 1200 научных сотрудников, в том числе 150 профессоров и докторов наук, 380 доцентов и кандидатов наук; ряд научных достижений азербайджанских ученых к тому времени уже получил всесоюзное и мировое признание. Позже М. Кашкай дал такую оценку работе АН: «Первое десятилетие деятельности АН Азербайджанской ССР явилось периодом ее становления. Развитие науки в эти годы было подчинено задачам восстановления народного хозяйства, экономического и культурного строительства в стране и в республике. Эти задачи связывались с необходимостью углубленной разработки важнейших проблем, установления творческих связей с производством, расширения подготовки научных кадров» (Бакинский рабочий. 1957. 11 октября).

В 1948 году состоялась сессия ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина), на которой «народный академик» Трофим Денисович Лысенко разгромил генетиков, обвиненных в «низкопоклонстве перед Западом», за то, что они развивали научное направление, основанное иностранными учеными Менделем, Вейсманом и Морганом. Генетика как наука ушла в подполье, «вейсманисты-морганисты» подверглись взысканиям.

comments

Комментарии

Киров С. М. Избр. статьи и речи. М., 1957. С. 83.

Ленин и Сталин. Т. 3. Политиздат ВКП(б), 1936. С. 468.

Там же. С. 87.

Молодежь Азербайджана (на азерб. яз.) // Одиннадцать вопросов...
1967. 10 октября.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Летопись науки в Азербайджане. Баку. Т. 2. С. 34–35.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Улдуз. Баку. 1967. № 9. С. 6.

Главный геолог. Новосибирск: СО РАН, 2002. С. 8.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Академия наук СССР. Труды Петрографического института. 1935.
Вып. 5. С. 93.

АН СССР. Материалы по петрографии и геохимии Кузнецкого Алатау и Алтая. Л.: АН СССР, 1934. С. 56.

Там же.

АН СССР. Труды Петрин. 1934. Вып. 6. С. 242.

Там же. С. 246.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 19.

Там же. С. 27.

Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.

Там же.

Ленин и Сталин. Т. 3. Политиздат, ВКП (б), 1936. С. 599.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Там же.

Кашкай М. Геолого-петрографический очерк района Исти-Су и геохимия источников. Баку: АзФАН, 1939. С. 53.

Там же. С. 75.

Там же. С. 84.

Там же. С. 4.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Историко-революционный календарь. М., 1941. С. 677.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Исмайлов Р. Неутомимый исследователь // Бакинский рабочий. 1968. 7 февраля.

Султанов Ч. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти? Баку, 2005. С. 3.

Там же. С. 262.

Там же.

Там же.

Там же.

Кашкай М. Роль геологии и стратегического сырья в современной войне. Баку, 1942.

Гусейнов Г. АзФАН в дни войны//Бакинский рабочий. 1943. 23 февраля.

Архив академика М. Кашкая, папка «Письма, поздравления».

Бакинский рабочий. 1941. 17 декабря.

Там же.

Архив академика М. Кашкая, папка «Учеба».

Там же.

Ваш Яншин. Новосибирск: СО РАН, 2004. С. 108.

Известия АН Азербайджанской ССР. Баку.

Там же.

Известия АН Азербайджанской ССР. Баку, 1945.

Там же.

Там же.

Бакинский рабочий. 1945. 31 марта.

Известия АН Азербайджанской ССР. Баку.

Гасанлы Дж. СССР — Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.) / Герои отечества. М., 2006. С. 23–24.

Гасанлы Дж. «Начало холодной войны — Южный Азербайджан (иранский)». Баку, 1999. С. 38.

Гасанлы Дж. СССР — Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.) / Герои отечества. М., 2006. С. 320–321.

Там же. С. 215.

Там же. С. 216.

Там же.

Там же. С. 89.

Там же. С. 171.

Там же. С. 166.

Там же. С. 225.

Там же. С. 226.

Там же. С. 259.

Там же. С. 296.

Здесь и далее — воспоминания супруги М. Кашкая, Уддуэ-ханум Кашкай.

Бакинский рабочий. 1953. 16 января.

Бакинский рабочий. 1952. 4 января.

Бакинский рабочий. 1957. 17 апреля.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП Азербайджана».

Там же.

Правда. 1968. 18 декабря.

Бакинский рабочий. 1957. 6 января.

Вышка. 1957. 14 декабря.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП Азербайджана».

Полонский П. Город над облаками//Бакинский рабочий. 1991. 18 декабря.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП
Азербайджана».

Бакинский рабочий. 1954. 14 октября.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП Азербайджана».

Кашкай М. Шире развивать горнорудную промышленность
Азербайджана // Бакинский рабочий. 1957. 27 января.

Щербаков Д., Лебедев А. Рудный узел // Вышка. 1966. 1 июля.

Там же.

Там же.

Кашкай М. Любите природу...//Молодежь Азербайджана. 1974. 5 марта.

Архив академика М. Кашкая, папка «Пагуош».

Там же.

Кашкай М. Поездка в Мексику // Бакинский рабочий. 1956. 9 октября.

Коммунист. 1959. 22 декабря.

Там же.

Там же.

Вышка. 1960. 14 ноября.

Бакинский рабочий. 1958. 6 марта.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП
Азербайджана».

Здесь и далее: Архив академика М. Кашкая, папка «Отчеты о заграникомандировках».

Архив академика М. Кашкая, папка «Письма, поздравления».

Бакинский рабочий. 1967. 7 января.

Одиннадцать вопросов... // Молодежь Азербайджана (на азерб. яз.).
1967. 10 октября.

Улдуз. 1967. Сентябрь. С. 5–6.

Коммунист (на азерб. яз.). 1968. 13 октября.

Коммунист (на азерб. яз.). 1969. 22 января.

Молодежь Азербайджана (на русск. яз.). 1964. 7 ноября.

Там же.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП
Азербайджана».

Коммунист (на азерб. яз.). 1969. 22 января.

Кашкай М. Загликское месторождение алунитов // Бакинский рабочий.
1955. 27 декабря.

Там же.

Там же.

Архив академика М. Кашкая, папка «Переписка с ЦК КП
Азербайджана».

Кашкай М. Алуниты, их генезис и использование. М., 1970. С. 6.

Там же. С. 8.

Сидоренко А. В. Первая в мире // Бакинский рабочий. 1971. 13 января.

Архив академика М. Кашкая, папка «Письма, поздравления».

Там же.

Архив Хабибы Кашкай, папка «Письма».

Там же.

Архив академика М. Кашкая, папка «Письма, поздравления».

Там же.

Архив Хабибы Кашкай, папка «Письма».

Там же.

Архив академика М. Кашкая, папка «Письма, поздравления».

Там же.